

О л е г Б е л я е в

**Впиши себя
в историю!**

ТОВАРИЩ

СТАЛИН

Олег Беляев

Товарищу Сталину

«Издательские решения»

Беляев О. А.

Товарищу Сталину / О. А. Беляев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857107-7

«Нет ничего более справедливого, чем получить в награду то, что ты создал
или принял вопреки разуму. И пусть так будет с каждым» Егор Правдин

ISBN 978-5-44-857107-7

© Беляев О. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	25
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	42
Глава 7	45
Глава 8	49
Глава 9	51
Глава 10	61
Глава 11	68
Глава 12	73
Глава 13	82
Глава 14	87
Глава 15	92
Глава 16	103
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Товарищу Сталину

Олег Анатольевич Беляев

Памяти Валерия Радутного.

© Олег Анатольевич Беляев, 2017

ISBN 978-5-4485-7107-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как тяжелы потуги совести,
Давлю я из себя раба
Не торопи, не требуй скорости
Здесь проба высшая нужна!

Тело лежало на старом развалившемся диване, не подавая никаких признаков жизни. Диван имел такой же жалкий вид, как и тот, кто на нем лежал. Спинка, отвалившись, держалась лишь в одном месте, старая обивка была продрана почти везде, а оставшиеся целые куски засалены до блеска от времени. В нескольких местах торчали пружины, вырвавшиеся на свободу из-под некогда плотного материала. Вся остальная поверхность дивана бугрилась такими же пружинами, мечтавшими выпрямиться во весь свой рост, как их более удачливые собратья.

Человек лежал ничком, чуть подогнув в колене правую ногу, вытянув руки вдоль туловища. Сквозь сгущающиеся сумерки можно было разглядеть не очень густые, но все же довольно плотные волосы неопределенного цвета, скорее всего седые, но очень грязные. Рваная серая рубашка облегала худое тело, черные штаны были также потрёпаны, как и весь его скудный гардероб. Одна нога была обута в ботинок, познавший на своем веку бесконечность дорог, но так и не узнавший за все это время починки. На второй ноге был надет носок с двумя большими дырами: на пятке и на большом пальце

Спустя некоторое время человек вздрогнул всем своим телом и застонал. Пришедший в себя, преодолевая боль, сковывающее каждое движение, с большим трудом сел. Непроглядная темнота помещения была для него делом привычным, на диване, как всегда, шелестела газета. Вот только воздух и само пространство вдруг показалось враждебным.

– Нина, – позвал он осторожно сухим, хриплым голосом. – Саша, Машенька.

В ответ – тишина, даже малейшего шороха не было слышно.

– Нет, нет, этого не может быть, – бормотал он. – Это все приснилось, я проснусь, проснусь, проснусь... Я непременно проснусь..., – твердил он, с каждым словом все меньше и меньше веря в них.

Затем он встал, желая проверить предчувствие, и сделал небольшой шаг вперед, опасаясь оступиться. Но его ничего не ограничивало, под ногами не было привычного бумажного препятствия. Он махнул рукой, исследуя пространство перед собой, сделав еще один неуверенный шаг. Впереди все также было свободно. Внезапные изменения пугали, сковывая от страха, отбивая всякое желание продолжить исследование. Пятясь назад, он уперся в диван и осторожно сел, снова привычно зашелестела газета. Стараясь осознать произошедшее и, по возможности, не привлекать к себе лишнего внимания, человек стал ощупывать голову, лицо, тело, ноги. Узловатые пальцы рук, давно потерявшие нужную чувствительность, все-таки узнавали ставшее уже привычным состарившееся лицо, одряхлевшее тело, воспоминания тоже были прежние, обжитые, по большей части страшные. Отчего тогда все вокруг кажется новым,

неизведанным, пугающим? Воздух, сам воздух представляется другим: холодным, непривычно чистым, возможно, оттого и неприветливым.

– Нина, – снова позвал он в надежде на исполнение его самой заветной мечты. – Саша, Машенька.

Безмолвное пространство разбивало последние надежды на чудо, тут же сменившиеся на отчаянье. Теперь пространство совершенно точно стало враждебным. Нет, нет, все это не было сном. Он снова рухнул ничком на свой привычный островок безопасности. Ком в горле сдавливал дыхание, и слезы полились из выцветших глаз. Но глух был старый диван к страданиям неизвестного человека, да и все пространство невозмутимо молчало, будто не замечало происходящей трагедии. Еще какое-то время человек то замолкал, то начинал рыдать и причитать с еще большей силой и вот, наконец, совсем стих.

Глава 1

– А ну, поднапри! – Скомандовал мужчина, стараясь вжать в двери задней площадки автобуса повисших, словно грыжа, нескольких человек, уже не мечтавших стать пассажирами.

Ухватившись руками за сложенные гармошкой двери, он сделал три или четыре сильных, вдавливающих движения и, приложив невероятные усилия, втокнул в салон висевших, после чего быстро втиснулся сам. Двери вяло, со скрипом, промассировав спину, закрылись, сделав и без того тесное нутро автобуса совершенно невыносимым для поездки, спрессовав людей в одну большую биомассу. Но, несмотря на запредельную тесноту, жалоб и недовольства вслух особо никто не высказывал, лишь сопели в такт натружено – урчащему, словно на последнем издыхании, перегруженному мотору. Они были довольны уже тем, что едут, а не стоят на многолюдной остановке, с напряжением всматриваясь в номера подходящего общественного транспорта.

Еле дышащие светом информационные табло с неясными размытыми цифрами маршрутов, словно не пытались известить потенциальных пассажиров. Разглядеть нужный себе номер раньше остальных мог только очень зрячий. Высмотрев свой маршрут, он должен был точно рассчитать в каком именно месте остановится транспорт и заранее направиться в нужную точку, дабы быть первым у дверей. Менее глазастые и совсем слабовидящие вынуждены были бегать чуть ли не за каждым автобусом с одного конца остановки в другой, напряженно вглядываясь в номера маршрутов. Но порой даже зрячие попадали впросак, добежав заранее до места посадки и уже занеся ногу на подножку, они неожиданно для себя узнавали, что автобус номер семьдесят не идет по семидесятому маршруту, а направляется по двадцать пятому. Они уже готовы ехать и на двадцать пятом, чтобы, добравшись до депо, пересест на другой. Но, словно издеваясь над планами биомассы, водитель сообщал, что и двадцать пятый маршрут идет не совсем по двадцать пятому, а лишь частично, и, не доехав до нужного места, он поворачивает, превращаясь в тридцать шестой. Это всё при том, что на табло и на фанерке, воткнутой в лобовое стекло автобуса, гордо красуется цифра семьдесят. Такая утренняя зарядка для глаз, ума и тела будила людей, взвинчивая до предела и без того расшатанную психику. Потому ехавшие были уже счастливы относительно тех, кто не смог пролезть в транспортные консервные банки.

Мужчина, втолкавший двоих уже не мечтавших уехать пассажиров, был надежно прижат к дверям, оставаясь на нижней ступеньке. Двери автобуса с трудом можно было назвать дверьми – скорее это была куча металлолома из ржавых, кривых пластин, многократно заляпанных сваркой в разных местах. А чтобы хоть как-то прикрыть щель, поверх ржавых скрипучих пластин сквозными болтами прикрутили полоски брезента, окрашенные масляной краской на одной половине в цвет двери – желто-оранжевый, на другой – в небесно-синий. Но такая имитация заботы о пассажирах слабо помогала, и прохладный утренний воздух, обдувая, бежал между воротником и кепкой ровно со скоростью автобуса.

Впередистоящая женщина, чудом разместившаяся на следующей ступени, висела в воздухе, не имея никакой возможности держаться руками. Оттого она уткнулась своим пышным задом в грудь мужчины, а вся ее передняя часть расплющилась о неприступную крепость стоящих перед ней. Первое время казалась забавной такая поза, в другой обстановке она была бы, наверное, даже приятной. Но тормозивший и трогающий с места автобус вскидывал на грудь не только женщину, но и всю массу стоящих. Мужчина, выждав момент, когда автобус притормозит, и вес несколько отпустит, приложив в очередной раз немалые усилия, развернулся лицом к дверям и надежно уперся в них руками. На спину словно взвалили два мягких, но весьма увесистых мешка, которые то прибавляли в весе, то несколько легчали, удивительно слаженно взаимодействуя с автобусом.

Сквозь брезентовый нащельник глаза обдувало утренней, предосенней свежестью, вызывая слезы о быстро пролетевшем лете. На плечи опять навалились всем весом, заставив почувствовать нелегкую работу Атлантов. Он несколько раз довольно сильно шевелил плечами, давая понять, что его спина – не кушетка, и пора бы даме держать себя самой. Она на короткое время словно спрыгивала со спины, но затем вновь устраивалась со всеми удобствами, то ли не желая держаться, то ли не имея такой возможности. Так и ехали почти половину пути, не открывая дверей на остановках и еле дыша, пока на очередной остановке «мешки» с частью остального «довеска» не слезли со спины и не растворились в бесчисленных городских кварталах. Остаток пути можно было почти свободно стоять, размышляя о предстоящем дне.

Мысль, согревающая Егора, предавала ему уверенность, силы, а возможно, и смысл жизни. Именно эта мысль успокаивала его во время утренней транспортной толчеи. Ведь прежде он ни за что не потерпел бы подобного насилия над собственной персоной и непременно стал бы толкался, высвобождая для себя лучшее место, мог бы без проблем полататься, а то и подраться. Но сейчас ему было не до того, планы, которые он вынашивал долгое время, сегодня должны были осуществиться. А это лучше, чем кого-нибудь обозвать или отвалтузить. Сегодня хозяин продуктовых складов, у которого Егор работал кладовщиком, должен был уехать в командировку. Командировка – это, конечно же, прикрытие, он точно знает, что хозяин едет в Турцию, определенно в какой-нибудь шикарный пятизвездочный отель, один из тех, которые так заманчиво рекламируют по телику. Ну ничего, пусть, сволочь, едет, отдыхает, а мы тут похозяйничаем! Тоже, знаете, понимаем, как жизнь свою строить. Егор, как и многие другие, работавшие на частника, да и не только, справедливо считал, что ему серьезно не доплачивают за его труд, а незначительное воровство есть лишь возмещение недоплаты. Таким образом каждый и делал вид, будто всех все устраивает: хозяин не доплачивает нерадивым работникам, а работники возмещают недоплату воровством. Но слово «воровать» не очень нравилось Егору, оттого он вполне резонно заменил его на «экспроприацию»: потому как он не воровал ради воровства и наживы, а лишь брал то, что по праву принадлежит ему, таким способом восстанавливая поправленную справедливость. «Что убудет у этого барыги от двадцати банок тушенки? Ничего!» – Отвечал он на свой же вопрос. – «А мне какая – никакая подмога», – рассуждал он, стараясь найти оправдания своим намерениям. Нет, нет, он не мучился угрызениями совести, а лишь любил, чтобы у него на все было простое и удобное объяснение.

– Привет, Саня, – произнес Егор, протягивая большую сильную руку парню, вышедшему из склада.

– Здравствуй, Егор Александрович!

Тщедушная, вялая ладонь утонула в рукопожатии. В этот момент казалось, что все его тело сотрясается от приветствия. Худощавая, сутулая Сашкина фигура постоянно становилась объектом насмешек и во дворе, и в школе, и на работе. Он сутулился так, что казалось в нем искривились все внутренние органы от сердца до селезенки, да и сама его душа, должно быть, согнулась в три погибели. Но это было только внешнее, обманчивое впечатление, на самом же деле Сашка был веселым человеком с легким и уживчивым характером, все насмешки над собой он воспринимал лишь как внимание и заботу, а потому быстро сходился с любым человеком. Однако его больше тянуло к людям сильным и уверенным, таким как Егор.

Правдин был правдолюбом, прямолинейным и жестким, и зачастую его прямолинейность переходила в грубость и оскорбления. Но Егора это заботило меньше всего, ведь он твердо знал, что верно, и где правда. А коли вера и правда требуют защиты, то раздать всем сестрам по серьгам не составляло никакого труда. Возможно, такая уверенность в собственной правоте и непогрешимости тянула к нему Саньку. Ведь парню, выросшему без отца, всегда хочется, чтобы рядом был тот, кто сможет его заменить: сильный, уверенный, смелый.

– Ну, что тут слышно с утра? – Спросил Егор.

– Все нормально, шеф уезжает. К экспроприации все готово, – ответил Саня, оскалив передние неровные зубы.

– Вот видишь, наконец-то ты усвоил, заучил это мудреное слово. Знай, мы ведем революционную борьбу в глубоком подполье в самом вражеском логове. Наша с тобой миссия священна и возвышенна. Мы – одни из немногих, кто находится на переднем фронте борьбы с зажавшимися капиталистическими крысами. Величайшие люди планеты, мудрейшие вожди, национальные лидеры начинали с эксов. И до чего доросли? До народного бессмертия. Только они могли и могут построить величайшие, непобедимые государства! Смекаешь?

Сашка с восхищением слушал старшего товарища, с искренним уважением заглядывая ему в глаза.

– Они не пройдут, – потрясая кулаком перед собой, ответил он, тем самым доставив Егору особенное удовольствие, блеснув хваткой и смекалкой.

Конечно, с нашим народом каши не сваришь, и ни о какой идейно-революционной борьбе Егор даже не помышлял. Потому как его мировоззрение было устроено крайне просто, отчего казалось ему единственно правильным и верным. Суть мировоззрения по-правдински: первое – определиться с врагом. Эта задача самая простая во всей и так несложной конструкции. Враг – это хозяин, собственник какого-нибудь дела, тот, кто обладает тем, чем тебе обладать не дано, – машиной, квартирой ну и тому подобное. Конечно, неотъемлемые гнусные либералы, которые непременно являются капиталистическими наймитами, нытики-демократы, идиоты-правозащитники, а также прочая несогласная дрянь и шушера, поставившие твое великое государство на колени и теперь всеми силами мешающие ему принять вертикальное положение, – именно эти подленькие людишки стали причиной и виновниками развала величайшего государства. Именно они растащили и обанкротили заводы и фабрики, оставив людей без работы и без средств к существованию. Именно они захватили все самые лакомые куски экономики, ископаемые богатства, земли, деньги. Теперь именно на них приходится горбатиться и кланяться им в ножки, выпрашивая нищенскую зарплату. Поэтому у него есть вторая и самая главная часть убеждений – это борьба с теми, кого назначишь себе врагом. Конечно, никакому нормальному мужику, такому как Егор, не придет мысль создать профсоюз или активно участвовать в профсоюзном или другом общественном движении, отстаивая свои права. Простите, насколько хватило мозгов – такова и борьба. А мозгов хватило настолько, чтобы по возможности не перетрудиться на работе, ни за что не отвечать и, конечно, как можно больше спереть, в данном случае, тушенки, сгущенки и других продуктов, до которых только дотянутся руки. Ну а всем остальным многочисленным виновникам несчастий необходимо хамить в ответ на их желание вести диалог, ругаться площадной бранью, клеить ярлыки, а при случае, и двинуть по роже. Такая вот простая и надежная конструкция!

Вообще формула справедливости и социального равенства проста и даже, можно с уверенностью сказать, примитивна. Всем – поровну! Только такая система распределения благ является наиболее правильной и верной. Нечего огороды городить там, где все и так понятно. Не надо ничего усложнять, нужно, наоборот, все упрощать до понятных форм каждому простому человеку. Человеку, состоящему примерно из тридцати триллионов клеток. Но это количество, возможно, не вызвало бы у тебя такого удивления, поражая воображение цифрой, которую так просто, без ошибки, не запишешь. Удивительней всего то, что эти клетки не безликие кирпичики, а живые организмы, делящиеся на тысячи видов, которые, в свою очередь, взаимодействуя между собой, образуют миллиарды связей. И все эти многоколичественные живые клетки создают отдельные органы, которые затем складываются в системы. В организме человека выделяют одиннадцать систем, которые должны слаженно взаимодействовать для решения множества жизненных задач.

На протяжении всего своего существования человек познавал окружающий мир и самого себя. Возможно, первый шаг в познании себя человек сделал, отобедав врагом или более сла-

бым соплеменником, изжарив того на костре. Ничего необычного для себя он не обнаружил: такое же мясо и кости, как и у других животных. Но шло время, и этих скромных познаний стало не хватать. Вместе с осознанием своей способности мыслить, ему все более интересным становилось вникать в глубинные процессы происходящего. Каждая древняя развитая цивилизация, пусть то египетская, китайская или индийская, вносила свой вклад в изучение мира, исследуя между всем прочим и свое собственное человеческое тело. Немалое влияние на эти процессы оказали вездесущие греки, среди которых были Гиппократ, Платон, Аристотель и множество других великих умов. Гиппократ предполагал, надо сказать не без оснований, что основу строения человеческого организма составляют четыре сока: кровь, слизь, желчь и черная желчь. Даже сейчас сложно спорить с древним мудрецом, когда ты все чаще и чаще в своей жизни наблюдаешь людей, полностью состоящих преимущественно из трех последних «соков». Платон, в свою очередь, основываясь на собственных наблюдениях, делал вывод, что человеком управляет три вида пневмы, укрывающихся, соответственно, в трех органах тела – мозге, сердце и печени. Но науку не остановить: и все новые, и новые исследователи предлагали все новые и новые теории строения и принципы взаимодействия органов и систем или ограничивались улучшением прежних теорий. Так, например, и поступил Авиценна, усложнив конструкцию Платона, справедливо дополнив ее яичком. И на какое-то время, благодаря Ибн Сине, человеком стали управлять уже четыре органа: мозг, сердце, печень и яичко. Также, как и современники мудреца, мы не можем отрицать огромного влияния на нашу жизнь привнесенного им органа. Казалось бы, к чему пустая трата времени и сил, какая разница, из чего мы состоим, и что нами движет. Однако, нет! Опять новые ученые головы выдвигают новые гипотезы и делают еще более невероятные открытия, познавая, как удивительно устроено живое существо и, в частности, он сам. А каждое последующее открытие лишь только подтверждало факт необычайно слаженного взаимодействия клеток, органов и систем. И это сложное взаимодействие не ограничивается простыми механическими связями, здесь происходят сложнейшие биохимические реакции, биоэлектрическая активность и масса других взаимодействий.

Но, тем не менее, все эти знания для многих так и остались на уровне, с которого начинались познания человеком своей сущности, то есть с обглаживания костей соплеменников. А прогресс, не принимающий все это во внимание, несется вперед, и теперь все больше открытий может оценить и понять лишь узкий круг специалистов. Простой обыватель уже привык и не удивляется, что его организм состоит более чем из двухсот костей, шестисот мышц, что важно контролировать кровяное давление, гемоглобин и сахар в крови, а также другие параметры, влияющие на самочувствие и здоровье. Каждый знает, что в его теле содержится более ста миллиардов нейронов, и что нервные клетки не восстанавливаются. Отчего следует лучшее из всех решений: воздержаться от нервных срывов и беспричинных истерик. Современный человек без особого восхищения и удивления воспринимает то, что в состав неорганических веществ его тела входит двадцать два обязательных химических элемента. Его совершенно не огорчают имеющиеся в нем железо, кальций, медь и цинк, но несколько повышают настроение и самооценку ванадий, кобальт, селен и молибден. Согласитесь, приятно ощущать себя кладезью редких металлов, минералов или чего-нибудь там еще необычного. Самое главное, чтобы это редкое как можно больше присутствовало в тебе и, по возможности, напрочь отсутствовало в других. Теперь каждый знает, что такое дезоксирибонуклеиновая кислота, и как она участвует в хранении информации о структуре РНК и белков. Сейчас совершенно никого не пугает наличие генов в его организме, особенно если твои предки были хоть чем-нибудь выдающиеся. В этом случае есть вероятность унаследовать талант. Хотя, если внимательно присмотреться и прислушаться, то мы сможем увидеть и услышать отголоски нашего дремучего прошлого. В нем исследователи генов и многие другие неудобные властям ученые шельмовались как средневековые колдуны, а возомнившие себя высшими и великими, жрецы жестоко

расправлялись с назначенными врагами. Но это махровое невежество не мешает нам и сейчас пользоваться плодами просвещения взошедших на костер.

Все эти миллиарды и триллионы клеток, взаимодействуя слаженно, образуют прочные связи, чтобы все это в конце концов могло двигаться, думать и стремиться лишь к одному: к принятию простых и даже, более того, примитивных решений. Не оптимальных, не правильных, а именно примитивных. Поэтому с душевным трепетом ты ждешь, когда же изобретут таблетку для похудения или набора мышечной массы. И, съев всего лишь одну пилюлю, ты сразу станешь стройной, как лань, или обретишь богатырскую силу. Когда-нибудь научатся лечить тяжелейшие заболевания нашего многомиллиардного клеточного организма всего одним уколом или маленьким кусочком пластыря, наклеенного за ухом. Синий кусочек – от ангины, красный – от сахарного диабета, белый – от болезни Паркинсона... Все очень просто. Просто, главное не перепутать цвет... Мы для себя изобрели удобную форму существования, приписывая ее какому-то древнему мудрецу, а как красиво звучит: «все гениальное – просто»! Но даже здесь, заметьте, просто, а не примитивно. Многих из нас на пути поиска простых решений не останавливает даже тот факт, что коммуникация между нейронами происходит посредством синоптической передачи. Каждый нейрон имеет длинный отросток, называемый аксоном, по которому он передает импульсы другим нейронам. Аксон разветвляется и в месте контакта с другими нейронами образует синапсы на теле нейронов и дендритах (коротких отростках). Значительно реже встречаются аксо-аксональные и дендро-дендрические синапсы. Таким образом, один нейрон принимает сигналы от многих нейронов, а те, в свою очередь, посылают импульсы ко многим...

Слушай ты лекарь, ты чего здесь разумничился? Сейчас получишь по зубам и пойдешь считать свои клетки, длину извилин, и другие, как их там сирапсы и отростки. Иди отсюда, мы как-нибудь в своей жизни сами разберемся. Давай, давай проваливай, интеллигент недобитый, очкарик чертов. Шляются умники всякие... Нормальным людям жить мешают...

Почему в мире таких сложных и многочисленных связей должны работать примитивные решения? Эта тайна до сих пор остается самой великой загадкой Вселенной. Почему сложный человеческий организм, обладающий, как он сам считает, самым развитым мозгом среди всех живых существ, населяющих землю, у одних может родить теорию относительности или найти методы и лекарства, победить тяжелый недуг. А у других лишь хватает ума безапелляционно, на весь мир, заявить, что для установления природного равновесия и социальной справедливости следует все поделить поровну, не забывая при этом каждодневно и ежеминутно обращаться к тем, кто изучает, выстраивает и применяет в жизни именно те ненавистные большинству сложные решения. Заклеймив и разбив в пух и прах приверженцев изучения сложных систем, сторонники примитивизма, между тем, с удовольствием пользуются плодами их просвещенного ума.

Глава 2

Пространство сгушалось, чернея с каждой минутой, словно стараясь надежно скрыть происходящее за бетонным забором, опоясывающим всю необъятную территорию всевозможных складов, железнодорожных тупиков и прочих непонятных строений. Со стороны пустыря, любовно обустроенного горожанами под свалку, в кромешной темноте наблюдалось какое-то неведомое оживление. Странные существа, которых предположительно было двое, пыхтели под тяжестью груза, пыхтели так, словно эта тяжесть не обременяла их, а была им даже в радость. Они молча, но очень слаженно, делали свое дело, оттого трудовое сопение в скорости стихло, и, нарушив ночную тишину, заскулил стартер, запуская мотор. Двигатель набрал обороты, чтобы сдвинуть машину с места, но тут же, надорвавшись, закашлял своим металлическим нутром и заглох. В кабине послышалось нецензурное шипение, в ту же секунду стартер повторил с визгом свою попытку, и вот машина, натружено взыв, начала движение. Свет не включался в целях конспирации, и метров сто пятьдесят она ехала на ощупь, руководствуясь лишь зрительной памятью водителя и помощью скудного небесного свечения. Повернув налево, машина обогнула большую кучу строительного мусора, скрывшись за ней, включились габариты, и, проехав еще с полкилометра, наконец-то зажегся ближний свет фар. Неведомые существа переглянулись, и улыбаясь друг другу во весь рот, расхохотались в полную силу. Пусть их дело пока не завершено до конца, но самая трудная и опасная часть уже позади. Машина на небольших кочках осаживалась своим тяжелым задом, горделиво задирая передок. Она еще долго петляла по окраинам города, кружа по непонятным дорогам, но вот, наконец, въехала на территорию, густо усеянную гаражами. Казалось, никакого времени не хватит пересчитать их количество: бетонные мыльницы и кирпичные гаражи выстроились строго в ряд. Бесконечное количество металлических творений сварщиков поражало воображение размерами, формами и тем, как искусно можно переделать цистерну или железнодорожный контейнер в гараж, или сотворить укрытие для автомобиля из металлоконструкции, которая вовсе не определялась. Покатавшись в этом лабиринте, словно путая следы, машина остановилась и, погудев в холостую, въехала в гараж. Звякнув железом, ворота надежно скрыли тайну ночной прогулки. Два человека в машине – один молодой и азартный, другой средних лет и справедливый – наконец выдохнули свободно.

– Поздравляю, – обратился человек средних лет к молодому, протянув сильную руку.

– И все же я не согласен, Егор Александрович, Вам полагается большая часть. Это – Ваш гениальный план, поэтому...

– Друг мой, Саша, мы делали это вместе, это наш совместный экс, и, будь я трижды проклят, если бы поступил несправедливо, все – поровну! – Сказал он жестко, словно отрезал.

Сашкина душа пела от восторга: с ним, молодым пацаном, поступают честно и по справедливости, хотя его старший товарищ мог запросто задавить своим авторитетом и житейским опытом, приуменьшая его вклад в это общее дело. Так мог поступить любой, но только не Егор Правдин, он – настоящий мужик, честный и справедливый.

Разгрузив машину, они аккуратно составили коробки с тушенкой, сгущенкой, рыбными консервами, шоколадными батончиками и шоколадными плитками, еще была всякая мелочевка, которую по случаю удалось умыкнуть.

Настроение было таким, какое Егор уже испытывал когда-то... Он пытался вспомнить, с чем было связано подобное его состояние в далеком прошлом... Точно, точно, с тем, когда у него родился сын, тогда он был вот так же счастлив... Сейчас он был безмерно счастлив не потому, что он разжился коробкой, другой тушенки и прочей жратвы, а потому, что нашел способ и наказал этих подлых хапуг, этих зажавшихся сволочей: хозяева нашлись... Он попытался еще мысленно заклеить своих врагов, но шуршащая фольга обнажила плитку

шоколада, и приятная горечь прогнала все мысли. Впрочем, ощущение счастья не дотягивало до того, каким оно было после рождения Машеньки. Папина любимица! Таких машин нужно разгрузить, пожалуй, штук пятьдесят. Хотя нет, никак не меньше, ста. Но очередная порция шоколада растопила и эти мысли...

Сашка тоже ощущал безграничную радость от экспроприации, но она не была связана с социальной рознью и псевдореволюционными мотивами, все было очень просто: хотелось пожрать халявного шоколада и вдоволь напиться сгущенки хоть раз в жизни так, чтобы непременно слиплась задница. Потому как в безотцовщине достатка нет, а постоянная экономия мамкиной зарплаты не делает тебя счастливым. Впрочем, примерно также кайфово он себя ощущал в третьем классе, когда в первый раз, сославшись на сильные боли в животе, он целую неделю отлынивал от учебы. Это было здорово!

– Санька, а гараж надежный? – Вдруг почему-то спросил Егор.

– Сто пудов, Егор Александрович, зуб на вылет. Это гараж моего школьного друга, он достался ему в наследство после смерти отца. Ехать ему такую даль нет нужды, никаких вещей здесь нет, да и машины у них никогда не было. Одно слово – недвижимость.

– Хорошо. Сейчас ничего из продуктов брать не будем, пусть побудут на карантине, поехали по домам. Эх, скорей бы на работу, – улыбнувшись, скомандовал Егор.

Они засмеялись негромким, но задорным смехом, радуясь каждый своему и общему на двоих счастью. Обнаружить такую недостачу на бескрайних складских площадях было делом нелегким, а умение кладовщика работать с товаром и бумагами делает его весьма влиятельной фигурой на этой рабочей доске. Но самоуверенность и наглость в подобных делах – прямая дорога к разоблачению. Пока же все обходилось, и к концу недели еще один Экс пополнил тайный склад. Егор, ходивший последнее время смурной и злой, немного потеплел и смягчился, теперь ему казалось, что работа на складе, наконец- то, обрела хоть какой- то смысл.

Сейчас даже осеннее промозглое утро не раздражало, и Егор с легкостью перепрыгивал лужи, пробираясь к автобусной остановке.

– Козлы, совсем на вас управы нет! – Зло прорычал Егор, отряхивая жирную, липкую грязь со своих брюк.

Он даже не успел отскочить в сторону, когда огромный черный джип, промчавшись по дороге, обдал его грязью плаксивой осени. Он продолжал чистить брючины, шипя как гусь, извергая из себя скверну. Осень сама по себе мерзкое время года с ее сыростью и слякотью, а здесь еще эти жлобы

Но, как бы то ни было, приходилось работать. До обеда время пролетело в праведном труде. Настроение, испорченное с утра, улучшалось с каждым часом по мере приближения к процессу восстановления социальной справедливости, то есть экспроприации. Ко всему еще и погода налаживалась: плотные, серые облака, моросившие мелким дождем всю ночь и утро, поредели, и в редких голубых окнах пока еще блестело солнышко, словно подмигивая тайным желаниям Егора. Закончив разгрузку очередного автомобиля, Правдин посмотрел на часы и, присвистнув, замахал водителю следующего грузовика, давая отбой:

– Все, хорош. Кури пока. У нас обед.

– Мужики, выручайте, – взмолился водитель, – мне вот, позарез, нужно, – полоснув себя по горлу ребром ладони, проситель продемонстрировал срочность, скорчив плаксиво морду, всем своим видом давя на жалость.

– Слушай, – обратился Егор к водителю, – ты совесть имей, грузчики тоже должны отдохнуть, у них еще четыре фуры впереди!

Не став дослушивать жалобы вопящего водителя, он закрыл ворота склада и отправился курить. Устроившись поудобней на куче поддонов, брошенных с торца здания, Егор задымил сигаретой, щурясь на яркие лучи солнца в бездонных небесных колодцах, появляющихся там и тут среди серых осенних туч. Солнце, словно играя в прятки, напоминало о минувших теплых

днях, изо всех сил стараясь напоследок побаловать людей теплом. Егор закрыл глаза, подставив лицо ласковым лучам, но это ощущение комфорта быстро исчезло, словно кто-то большой заслонил целое небо и стал обдывать щетинистый подбородок порывами ветра. Так не хотелось открывать глаза, хотелось дожидаться солнца, которое будет облизывать теплом сначала щеку, потом нос, а затем станет греть и все лицо. Однако состояние покоя и благоденствия прервал гул подъезжающего автомобиля, сильнейший скрип тормозов и визг шин, из тех, когда тормозят для фарса. Егор, не вставая с места, выглянул из-за угла склада. И каково же было его удивление, когда он увидел огромный черный джип, из которого вылез хозяин складов и, он же, работодатель Правдина. Это была именно та машина, которая утром окатила его грязью с ног до головы. Настроение в миг улетучилось, и на лице заплясали желваки в такт поскрипывающим зубам.

– Ну, тварь, – выругался Егор в адрес хозяина. – Нет на свете справедливости. Нет. Ну почему в этой жизни все достается только этим жлобам? Я пашу сутками, а за месяц даже на колесо не зарабатываю, хоть весь издохну на этих складах. А эта тварь, ничего не делая, машины меняет, как перчатки!

Он закрыл глаза, затылком упёршись в стену, надавил до боли, почувствовав неровности кирпичей, впивающихся в голову. Мысли были чернее джипа, хотелось рвать на себе одежду и кричать во все горло, чтобы указать миру на его несправедливое устройство. Его гнев граничил с безумием, словно произошла самая большая трагедия в жизни. Дрожащими руками он стал обшаривать карманы, желая поскорей найти пачку сигарет, чтобы хоть как-то успокоиться. В кармане пиджака, поверх которого была надета демисезонная куртка с камуфляжным рисунком, он нащупал какой-то непонятный предмет и тут же вытащил его. Это был обычный гвоздь» сотка», погнутый в нескольких местах, почему-то напомнив Егору его собственную неудачную судьбу, такую же кривую и бесполезную, как этот никчемный кусок металла. Он с досады бросил гвоздь и нервно закурил, мысленно продолжая выговаривать миру свои претензии и несогласия с его неправильным, несправедливым устройством. Но вдруг лицо Егора перестало бугриться желваками, а губы потянулись в злой ухмылке. Он встал, осмотрев место под ногами, нашел выброшенный им только что гвоздь. Подняв прототип своей судьбы, он сунул его обратно и, проткнув карман, высунул наружу железное жало. Теперь его лицо озаряла такая улыбка, словно самая заветная мечта всей его жизни сейчас должна осуществиться, все, ради чего рождается, растёт, болеет, учится, плачет и смеется человек. Именно эту минуту, эту секунду восстановления маленькой справедливости в бесконечном мире неравенства и насилия так ждал Егор.

Он внимательно посмотрел на ненавистный ему джип: автомобиль, словно сам хозяин, высокомерно стоял, повернувшись задом, удлинняясь своим телом и мордой в бесконечность. Из окон склада машина была не видна, поскольку стояла в той части, где хранился товар, закрытый глухими стенами от любопытных глаз. С противоположной стороны в железнодорожном тупике стояли четыре порожних вагона, полностью закрывающие обзор машины. Еще раз выглянув из своего укрытия, Егор оценил обстановку и убедился, что вокруг нет ни одной живой души. Небеса, словно в солидарность с мыслями сторонника равенства и справедливости, брызнули дождем, загоняя всех под крыши в теплые сухие места. Егор без колебания шагнул на тропу мести, сжимая в кармане Оружие Возмездия. Он уже представлял, слышал, чувствовал, как жалобно скрипит металл, хрустит, лопаюсь, лак и краска, оставляя на черном автомобильном теле уродливый шрам. Скрежет металла в обычной жизни вызывает неприятные ощущения, заставляет напряженно морщить лицо и сжиматься всему телу, словно пружине, напрягаясь каждой клеткой, не пуская этот мерзкий звук внутрь. Но сейчас это была бы самая сладкая, чудесная музыка, с которой не сравнится ничто на свете. До машины еще было с десяток шагов, и Егор сожалел лишь об одном, что его кривой гвоздь не сможет вспороть металл насквозь, чтобы разорвать, разодрать первоклассную кожу, обтягивающую кресла

салона. Вот еще несколько шагов... Но вдруг стекло задней двери черное, словно непроницаемая ночь, бесшумно опустилось, и в приоткрытую щель женская рука с длинными до безобразия ногтями, такими же вызывающими и противными, как и машина, выбросила какой-то предмет. Егор за секунду изменил свои планы, спрятав жало гвоздя в карман, между тем, все также продолжая идти, теперь уже лишь надеясь увидеть ту, по чьей вине не свершилось возмездие. К сожалению, оконная щель быстро затянулась, лишь оставив большой огрызок сочной груши впитывать в себя мокрую, жирную осеннюю слякоть. Разочарованию, нет, гневу Егора не было предела, казалось, что желваки не просто ходят ходуном, а трещат словно краска, облетающая с машины. Мысли, роящиеся в голове, были похожи на толпу, объятую паникой, – они толкались в узких дверях, давясь и не пуская друг друга, каждая старалась первой вырваться и добежать до сознания. От такого мозгового штурма в голове звенело пустотой. Хотелось захлопнуть эту никчемную дверь, замуровав навеки эти глупые мысли, которые готовы раздавить, удушить, размазать по стенам своих же сородичей ради того, чтобы быть первой и единственной.

– И все-таки я прав, – тихо, для себя прошептал Егор, вспоминая выброшенный огрызок. – Эти уроды не заслуживают жалости, они не достойны и сотой доли того, чем обладают.

С этого дня желание мести не давало ему покоя, каждый раз при виде хозяйской машины он нащупывал в кармане кривой гвоздь, и в нем незамедлительно просыпался народный мститель и поборник справедливости. О том, что он воплотит свое желание в жизнь, он нисколько не сомневался, главное – выбрать удачный момент, и тогда... В его душе начинала звучать прелестная музыка ломающейся краски и счастливое повизгивание жала гвоздя о двери, крыло, капот этой омерзительно-противной, гадкой машины. Ему даже казалось, что после нанесения таких ран автомобиль просто умрет, как насмерть раненый человек. Мсть – это блюдо, которое подается кривым, как твоя судьба, железным гвоздем.

Окончание очередной недели Егор отметил шкаликом водки и пивом, которое он допивал в машине, направляясь в заветный гараж. Здесь Правдин взял большой увесистый пакет с продуктами и попросил Сашку добросить его до хрущевки, где жили его мать и брат. Соратник по подпольной борьбе согласился помочь с радостью, и уже через четверть часа Егор нажимал кнопку звонка.

За дверью послышались шаркающие шаги, но он нажал еще раз и продолжал держать кнопку звонка, несмотря на то, что замок уже щелкнул, готовый впустить долгожданного гостя. Не спросив: "Кто?" и не посмотрев в глазок, Мария Егоровна отворила дверь.

– Мать, ты опять не спросила: «Кто?» и открываешь! – Грубо произнес Егор. – А если это грабители?

– Здравствуй, Егорушка! – Ответила женщина, целуя сына в щеку, которая, холодная и колючая, вся покрытая мелкими каплями осеннего дождя, все же казалась ей теплой и ласковой.

– Да что у нас грабить? Сам знаешь, нечего. Да и грабители, почитай, все в телевизорах сидят, им чтобы народ ограбить и домой заходить не надо. Да ну их. Как ты, сыночек, пожилаешь, что-то опять от тебя хмелем несет?

– Мать, не начинай свои нравоучения: ну выпили после работы по бутылочке пива. Так сказать, отметили окончание трудовой недели. Что, не имею права? На вот, я вам гостинец принес, – протягивая увесистый пакет, ответил Егор.

– Ну что ты, нес бы домой, у тебя своих хлопот хоть отбавляй, а мы как-нибудь на пенсию протянем!

– Мать, ну ты как всегда! Слушай, ты где берешь свои заезженные пластинки? Надо тебе новые купить. Помнишь поговорку «Дают – бери, бьют – беги». Вот и бери. А где наш философ? Спит что ли?

– Да нет, Егорушка, читает.

– Читака, ты где? Брат пришел, а ты и глаз не кажешь!

В коридор из зала выехала инвалидная коляска. Худое тело Николая казалось состоящим из одних суставов и костей. Мышцы ног из-за отсутствия движений совсем атрофировались и высохли, впрочем, руки тоже не отличались атлетичностью, хотя нормально двигались. Большая, рано лысеющая голова в несуразных роговых очках идеально сочеталась с формой рук и ног. Все будто бы к месту: к инвалидной коляске и его родовой травме. Все, кроме глаз: за очень толстыми линзами неудобных очков были удивительно живые и умные глаза. Глаза – это зеркало души, и зеркало говорило, что душа чиста и наивна. ...

– Здравствуй, Егор, – протянув руку, продвигаясь навстречу, произнес Николай.

– Привет, братик, привет! Что читаешь?

– Да так, ничего интересного. Как погода сегодня? —

Стараясь перевести разговор в другое русло, спросил Николай.

– Погода как осенью, – произнес Егор, вытягивая газету из-под пледа, укрывающего ноги. «Почему молчит президент?» – прочитал Егор заголовок, который первым попался ему на глаза.

– Опять ты свою оппортунистическую газетенку читаешь? Да почему президент должен с вами о чем-то говорить? Ну, скажи, почему?

– Потому что мы – народ!

– Какой вы народ? Вы, сударь, инвалид!

– Егорушка, ну что ты сразу грубишь? – вступилась за Николая мама.

– Мать, ну где же я грублю, это Николай на президента бочку катит, а я нашего руководителя защищаю!

– Егор, я тебя много раз просил, маму называть «мамой».

– Да нет уж, это вы, демократики, говорите «мама», как будто мямля. А мы, как настоящие революционеры, как наш пролетарский писатель товарищ Максим Горький, наших матерей гордо называем «мать»! Мать, ты не против?

– Да нет, Егорушка, что же я против буду. А только вы ведь братья родные, ну не ругайтесь попусту, я вас прошу.

– Все, не будем, – произнес Егор, протягивая Николаю руку со словами: – Ну что, демократик, мир?

– А я с тобой и не ссорился, – ответил Николай, – это ты постоянно хочешь кого-нибудь прижать да задрать.

– Ну, ты смотри, я ему мир предлагаю, а он ерепенится. Да ты бы открыл свои ясные очи да посмотрел, что в стране делается. Бардак везде: развелось барыг да прихлебателей, всех к чертовой матери к стенке. ...

– У нас мораторий на смертную казнь. Да и потом суд. ...

– Вот то-то и плохо, что мораторий. И слово какое пакостное подобрали – «мораторий»! Что же, вы, своего родного слова не могли подыскать? Вражеским пользуетесь? Это оттого, что русскому народу ваш гребанный мораторий и близко не нужен. Это все вы сопливые демократики придумали и так подстроили, чтобы самим к стенке не попасть за свои гнусные делишки. Требую вернуть российскому народу смертную казнь! – Закричал Егор как на партсобрании.

– Ну, что ты, Егорушка, успокойся, – попросила мама, – не ровен час соседи сбегутся!

– Ничего, мать, с соседями справимся! А вот у тебя, братишка, я хочу спросить, какой к черту суд? Я тебя как-нибудь свожу в поселок «Солнечный», в нашу так называемую «Долину нищих», чтобы ты сам посмотрел, какие там замки понастроили! Вот тогда ты, наконец, понял бы, что на каждом этаже, как минимум, по виселице ставить надо. Они хоромы до небес ставят, а у тебя вон пенсия... воробьям на смех!

– Но люди может быть заработали? Может. ...

– «Может быть, может быть», – с неприятной интонацией, перебивая, повторил Егор, – а у меня не может быть! Вот поэтому и приходится прозябать в старом доме, где грибок не съел только гвозди.

Егор уже перешел на крик, он терпеть не мог никаких возражений и, в принципе, не принимал их. Он всегда очень злился, когда спорил с братом, думая, что его физический недостаток должен был обязательно ставить его в положение ведомого. Однако, зачастую, на доводы Николая у Егора ничего не находилось в ответ. Вот тогда он и переходил на личности, на крик и оскорбления, налево и направо приклеивая ярлыки ненавистным ему людям. Сейчас все повторялось, как и прежде, с каждым словом повышался градус спора, грозя перерасти в полномасштабный конфликт.

– Мальчики, пойдемте пить чай, – ласково позвала Мария Егоровна, стараясь прекратить зародившуюся ссору.

– Чай, чай... – нервно произнес Егор, не остыв от возмущения. – А что-нибудь покрепче есть?

– Откуда, Егорушка! – Отозвалась мама.

– Брат, ты как насчет прогулки? – спросил Егор.

– Ну, если тебе не тяжело...

– «Если тебе не тяжело...», – снова передразнил Егор, при этом кривляясь, словно клоун. – Не тяжело! Собирайся! Да, мать, заверни нам пирожки, мы на улице чай попьем.

– Да там же дождь! – забеспокоилась Мария Егоровна.

– Чай не сахарный, не растаем... – Буркнул Егор, открывая дверь и закуривая на площадке. Нервно затягиваясь, он выкурил сигарету и бросил окурочек на пол, придавив огонек ботинком.

– Брат, жильцы убираются на площадке! – Сделал замечание Николай.

– Ну ничего, уберутся! Если никто не намусорит, то и убирать будет нечего. Да и вообще, ты на улицу хочешь?

– Хочу.

– Ну тогда помалкивай!

Егор развернул коляску и спинкой стал спускать ее, придерживая, ступенька за ступенькой. Спустив со второго этажа, перекатив коляску через высокий порог, выполнив виражи на высоком крыльце без пандуса, они, наконец-то, выбрались на улицу.

Дождя как такового не было, но сырость все же висела в воздухе в виде мельчайших капель. Деревья дрожали своими скелетами, а опавшая листва стелилась под ногами разноцветным, преимущественно желтым, осенним ковром. Николай полной грудью вдыхал тягучий, водяной воздух. Ему очень редко приходилось бывать на улице. Мама не могла спускать его коляску по лестнице, а Егор не так часто мог уделить ему время, поскольку работа и семья занимали большую часть жизни. Но Николай не обижался, понимая свое положение, а только старался в полную силу насладиться этими редкими минутами прогулок.

– Какой прекрасный осенний вечер! – Произнес он.

– Брат, ты что, перегрелся или газетенки своих обчитался?! Ужасный, мокрый и гадкий вечерок!

– Нет, нет, ты только закрой глаза и вдохни полную грудь воздуха... Ты чувствуешь, как интересно пахнет осень?

– Вот дурачок, это не осень пахнет, а воняет вон той мусоркой, которую не чистят, да автомобильным смогом несет! Вот и все прелести твоей поганой осени.

– Егор, ну почему ты всегда видишь только плохое?

– А чего тут хорошего?! Вот ты: сидишь в своей коляске, читаешь свои газетенки да книжицы всяких чистоплюев и умников, незнающих настоящей жизни. Хорошо, надо сказать, пристроился! А я живу – если это вообще можно назвать жизнью, хожу на свою омерзительную

работу, горбачусь и прогибаюсь перед своим хозяином. Ты понимаешь, у меня есть хозяин, и этот ублюдок вечно чем-нибудь недоволен. А сам только и знает, что деньги гребет лопатой и ничего больше не делает!

– Ну почему ты думаешь, что он ничего не делает? Возможно, у него много другой работы, которую ты просто не видишь. Например, он ищет товар, договаривается о цене, находит покупателей, да мало ли дел у предпринимателей...

– Вот ты опять этих барыг защищаешь, а ведь это они страну развалили и растащили по карманам великий Советский Союз. Ау-у, СССР! Ну где же ты? Что-то я не слышу, чтобы кто-то отозвался... Все нужно вернуть народу!

– Какому народу, Егор? Что у тебя было при Союзе, когда ты работал на заводе? Также ничего не было, и жил ты от зарплаты до зарплаты, и в магазинах шаром покати! Ты ведь до сих пор вспоминаешь, как не мог купить детскую кроватку, когда Саша родился. А за молоком и хлебом по пять часов стояли, ночами караулили! Да и директор завода, тот же хозяин, жил в свое удовольствие. Помнишь, как он иномарку первую в городе купил? А вам, между тем, зарплату несколько месяцев не платили! Сам же рассказывал...

– Так он иномарку купил потому, что твои демократии бардак в стране развели: "демократия, перестройка, гласность"! А просто прижимать нужно было посильней, по морде и в тюрьму, или к стенке, если что не так.

– Ну почему сразу в тюрьму или к стенке?

– Да потому, что с ними по-другому нельзя: нашкодили – все, дорога накатана!

– Но все это было при Сталине, и что...?

– Вот и было хорошо! Ни одна эта вошь не шевелилась, всех прижали к ногтю. Порядок был, справедливость была. Справедливость...!

– Но....

– Все, Николай! Я знаю все, что ты скажешь. Вон лучше дыши своей осенью, а то домой отвезу. Да и вообще, нам пирожки дали?

Николай утвердительно кивнул.

– Тогда я сейчас к ларьку, себе чекушку возьму, а тебе лимонада, да пожую на свежем воздухе...

Николай молчал, хотя в его голове кружилось очень много мыслей и доводов по поводу спора. Он много, много раз хотел объяснить Егору, что каждый человек имеет право, а самое главное право – право выбора. Человек, лишенный возможности выбирать, в любом месте и в любой сфере перестает быть личностью. Человек становится винтиком в огромном и бессмысленном аппарате перемалывания и угнетения других личностей. Стать винтиком и приобрести резьбу, правую или левую, нетрудно, но как порой нелегко избавиться от навязанных, ставшими со временем удобными и неопасными постулатами...

– Брат, ты что уснул? – Окликнул Егор, прогнав тем самым его размышления. – На вот, держи свой лимонад, да пойдем в скверик на лавочку пироги жевать.

Подкатив коляску к скамейке, Егор достал чекушку, открыл ее и, отпив обжигающей жидкости, крикнул от удовольствия. Он устроился на спинке парковой скамейки, поставив грязную обувь на мокрые брусья сиденья.

– Может тебе, Коля, в лимонад водки накапать? – С ехидством предложил Егор.

– Да нет, – спокойно ответил Николай, глядя на голые мокрые деревья, которые освещались фонарным – лунным светом.

Обливаясь осенним дождем словно слезами, деревья дрожали в предчувствии долгой и морозной зимы. Одинокие, сгорбившиеся фигуры прохожих быстро шагали домой, поближе к теплу и сухости, искоса поглядывая на странную парочку отдыхающих в этом неуютном, мокром сквере.

– Эх, нам бы миллион! ... – Произнес Егор, отпив в очередной раз из бутылки. – Вот бы зажили! Вот ты, что бы ты сделал со своим миллионом?

– Да я не знаю..., мне таких денег и не надо. Мне бы компьютер недорогой, и ремонт бы сделать, а то совсем обветшала наша квартира.

– Ой, как скучно..., как скучно!!! Я что-то не узнаю тебя, братик, а где твой полет мыслей? Ну, хотя бы, если он тебе не нужен, отдал бы благотворителям или в какой-нибудь фонд поддержки предпринимательства и развития личности.

– Да не верю я этим благотворителям и фальшивым фондам, не верю! И потом миллион просто так с неба не падает.

– Что я слышу? Мой братик не верит! С каких это пор ты перестал верить людям? Ведь все они такие правильные личности!

– Ну, о том, что все правильные, я не говорил, а ты опять не думаешь, не мыслишь, а задираешься. Ты же не такой, Егор.

– Да нет, такой, такой, – ошетинился Егор, – это ты все стараешься обмануть себя и других своими умозаключениями о высших человеческих качествах. Да все – казлы! Да, да, именно казлы, через «а», чтобы не обидеть ни в чем неповинных животных. Все, продажные и лживые.

– И ты?

– И я, – сделав два больших глотка из чекушки, подтвердил Егор.

Он совсем захмелел, и его лицо стало еще жестче, глаза горели недобрым, хмельным огоньком, желваки играли от сведенных скул. Николай знал, что в такие минуты о чем-либо говорить с ним было бесполезно. Все непременно закончится, как всегда, криком и оскорблениями, поэтому он тоже молчал.

– Знаешь, что, Коля! – Вдруг продолжил Егор казалось оконченный спор. – Нужно перестать жевать ваши либерально-демократические сопли, сбрить интеллигентские бороденки и снять очёчки: вы из-за них дальше собственного носа ни хрена не видите. А затем, мой господин, нужно честно признать свои ошибки и преступления. Ну а для того, чтобы в стране появились справедливость и порядок, мой дорогой братик, нужно просто быть сильным и жестким, а если потребуется, для пользы дела, конечно, то жестоким и беспощадным. Ты что, правда не понимаешь? У нас народ такой – он только силу уважает, он только от страха созидать может! И что в этом случае прикажешь с ними делать? Ну, вот что делать, если любят наши люди, когда их по башке долбят? И не просто долбят, а до крови, до смерти забивают. Другого народа у нас с тобой не будет. Не будет и баста! А потому, согласись, других вариантов управления таким народом нет! Вернее, есть, единственный и на все времена, – это крепкий стальной кулак, чтоб, еж ли что, сразу по роже, до кровавых соплей. И это единственный способ. Единственный, заруби себе на носу! А потому знай, что я никогда не буду сторонником плаксивой, беспомощной личности. Я на стороне тех, кто с презрением относится к вашей лживой, либеральной, гнилой капиталистической философии. Я – советский человек, и ни на шаг не поступлюсь своими принципами, подышать буду, а вашу интеллигентскую глотку из своих рук не выпущу. Зубами рвать буду, подышать стану, а не сдамся.

– Значит ты лишаешь нас права на жизнь? – уточнил Николай.

– Вот только не надо из меня делать сатрапа, тебя еще никто не убивает. А мои мысли, между прочим, разделяет большинство нашего народа. Ты хотя бы понимаешь, что такое большинство? Да и вообще, ты хоть на мизинец понимаешь, что такое народ, и как им нужно управлять? Или кроме сопливых личностей у тебя в башке больше ничего не осталось?

– В отличие от тебя, я не настаиваю на своей правоте, и всего лишь хочу иметь право не соглашаться с тобой, с твоим народом и твоим большинством. Я вообще хочу иметь право на собственное мнение.

– И с чем же ты не согласен? С тем, что именно вы развалили великое государство? Это вы разграбили его богатства и ресурсы, раздав их по родству и знакомству. Притащили в страну все самое скверное, пошлое и низменное. Вы изнасиловали и извратили нашу историю и народную память, свергая памятники героям и восхваляя предателей и врагов. Да за все это вам нет, и никогда не будет прощения!

– В твоих словах есть много горькой правды, и это лишь значит, что необходимо об этом говорить, спорить, выискивая истину под ворохом ложных домыслов и обвинений. Раскрывая факты, спрятанные под грифом «совершенно секретно», наконец узнать настоящее, подлинное наше прошлое, нашу настоящую историю, какой бы страшной она ни была.

– Смотри, как заговорил! Что, на попятную пошел?

– Нет. Просто я не знаю абсолютной истины, в отличие от тебя. Поэтому допускаю возможность ошибки с непременным ее обсуждением, чтоб избежать ее повторения. Мне не хочется лить слезы по поводу развала Союза – уж очень много скверного там было. Но у меня есть опасение, что мы не усвоили урок и стремимся в который раз вляпаться в ту же историю. А вот я, в отличие от большинства, хотел бы видеть мою страну другой...

– Я представляю, на что она похожа, – перебил, не дослушав, Егор. – Ладно, не дуй губы, трепи про свою страну. – Снисходительно разрешил он.

– У меня создается впечатление, что ты понимаешь каждое слово в отдельности, но, когда я складываю из них предложения, они звучат для тебя на неизвестном языке. Потому ты не можешь меня понять, и домысливаешь мной сказанное в меру своего восприятия мира...

– Не хочешь ли ты сказать, что я – идиот? – Вновь перебил Егор.

– Я не хотел тебя обидеть, извини. Возможно, я выражаю свои мысли путано и коряво, но, все же, дослушай. Для меня мерилom всему является человек и его жизнь. Для тебя – государство и власть. Тогда объясни, почему эта власть, которую ты так пропагандируешь и поддерживаешь всей душой, необязательно действующую, но и ту, которая была, самая жестокая и садистская к своему народу и стране. Почему эта власть всегда пряталась и до сих пор прячется за Кремлевской стеной, полностью отгородившись от всех и всего? Не уж- то жизни тех, кто за ней корчит из себя великих руководителей, более ценны, чем жизни любого другого человека, взять хотя бы тебя, или меня, или вон того прохожего. Нет, я убежден, что нет, в этом нас подло обманывают именно те, кто затаился за этой непреступной крепостью. Мало того, из-за стены они кричат, что они – смелые, сильные и умные, и, непременно, приведут нас к процветанию и всеобщему благоденствию. Это счастье для людей они рисуют в будущем: через двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят лет, не забывая каждый раз переносить приближение обещанного счастья все дальше в недостижимое будущее. И хочу заметить, что они сами в это время живут в нашем счастливом будущем. То есть для нас рай через поколение, а сами пользуются райскими плодами уже сейчас, убеждая нас, что мы до такой жизни не доросли, что мы ее не достойны. Тоже мне, достойные из достойных. Посмотри, ведь они до сих пор по старой привычке все сравнивают с тринадцатым годом или потакают ненавистной Америкой. Кто сказал, что тринадцатый год – это все, к чему мы должны стремиться? И почему американская модель развития – когда выгодна для них – может быть приемлема, а когда не выгодна – становится пугалом? Лично для меня Америка никогда не являлась идеалом, мерилom всего самого лучшего, примером для слепого копирования. У них тоже много проблем и неразрешенных противоречий. Но у них есть много того, чему мы обязаны научиться, если хотим видеть свою страну успешной и процветающей. Потому я не хочу с чем-то сравнивать, независимо от того, как это называется, и есть ли подобное у кого-то еще.

– Сам понял, что сказал? – Встрял Егор, закуривая очередную сигарету, поражая Николая несвойственным спокойствием и терпимостью.

– В моей России, – продолжил Николай, не замечая придирок, – в которой я мысленно живу, государство и страна – это синонимы. Государство не имени хозяина, а ради и во благо

страны. Люди, победившие в конкурентных выборах и ставшие властью, в моей стране начали с того, что просили прощения у тех, кого убили в красном и белом терроре, за гражданскую войну, за репрессии и ГУЛАГ, за то, что допустили Вторую Отечественную и не уберегли миллионы мирных граждан. За погибших солдат, известных и неизвестных, разбросанных словно злаки по местам боев и расстрелов. За Катынь, Венгрию, Чехословакию, Новочеркасск, депортации кавказских, прибалтийских и других народов. За бездумные и бездушные реформы, за ваучеры, приватизацию, за бандитский и олигархический беспредел. Еще много десятков, сотен, тысяч, миллионов извинений гражданам своей страны и другим народам. Конечно, они и многие из нас непосредственно не совершали этих преступлений, но сила власти заключается в невозможности разбить чашу предыдущей власти и упиваться с новой. Власть – это небьющийся сосуд, его можно только очистить от крови и страданий, получив прощение последней жертвы. И все это необходимо сделать лишь только для того, чтобы испить из этой чаши во имя прекрасного будущего человека и страны. Но я думаю, что не только власть должна каяться и нести ответственность за сделанное, но и все мы, весь народ, каждый из нас. И ты, и я. Ведь именно нашими, так называемыми народными руками, от имени и по поручению всегда правого большинства, исполнялись преступные приказы. Именно мы, тысячами и миллионами, писали кляузы и доносы, а затем сами становились жертвами ложных обвинений. Это мы трусливо молчали и молчим, потакая творящейся несправедливости. И еще одно важное обстоятельство: все мы и сейчас пользуемся плодами трудов миллионов красных рабов, построивших каналы, электростанции, заводы, университеты, жилые дома, бомбы и ракеты, да и много еще чего – всего не перечислишь. Все, чем так гордилось прежнее, и гордится современное государство, вся экономика построена и продолжает строиться тяжелым рабским трудом. Но в нас сидит безумный страх, что если мы произнесем хотя бы слово признания в собственных ошибках и преступлениях, то нам незамедлительно выставят счет, и счет этот будет огромным, поскольку калечили и лишали жизни миллионы людей, совершенно не задумываясь о будущем. Наверное, а скорее всего так и будет, только оплатив этот счет сполна, мы навечно избавим себя от желания и возможности повторить те страшные времена, и в будущем с гордостью говорить, мы – народ! А величие моей страны определяется не количеством врагов, а качеством друзей. Еще рейтингами различных независимых мировых и отечественных агентств, которые, не сговариваясь, признали самым комфортабельным и безопасным городом в мире Ханты-Мансийск. Если Москве хочется быть самой дорогой столицей мира, что ж, пусть будет, а Санкт-Петербург пусть является примером для подражания мировому сообществу в области сохранения культурного наследия и исторических ценностей. Но почивать на лаврах ему не время, в спину дышат чудные города Золотого Кольца России. Самое большое количество ученых, которые создают интеллектуальное богатство страны, – в Новосибирске. Самые веселые и беспечные жители – в Омске. И вообще, в России самое большое количество счастливых людей. Все это ощущает и знает каждый человек, а не доносит пропаганда и шакалющая у стен Кремля продажная статистика. В моей стране – независимые суды и средства массовой информации, что делает граждан равными перед законом, а неблагоприятные поступки чиновников и рядовых подлецов становятся достоянием общественности, в результате чего неотвратимость наказания становится нормой. И действует самый верный принцип благополучия государства: сменяемость власти. Еще в моей стране много хороших дорог, что пропорционально сокращает вторую беду России. А на этих дорогах несут службу люди для всеобщей безопасности, а не безопасности отдельных тел. Как точно подмечено – тела – люди, лишённые совести и души, неизменно превращаются в тела, способные лишь на окрики и хамства. Иначе бы эти тела не стали заставлять людей принимать решения вопреки здравому смыслу и собственному желанию. Объясни, как возможно заставить команду футболистов или хоккеистов, мужественных и волевых людей, всех, как одного, агитировать и голосовать за одну партию или за одно тело. И вот оказия – это партия власти, а тело так жаждет величия, что готово ради этой

цели делать любые гадости и даже преступления. Но мне жалко тех парней, что за несколько минут трусости из команды превращаются в обычное стадо. Но я не отчаиваюсь, к счастью есть и другие примеры. Вон в холодном гараже спортсмен своими руками изготовил сани и тренируется в спортзале, на скамейке, из-за отсутствия санной трасы. Самостоятельно преодолев все трудности, вопреки всем и всему, он завоевывает Золотую Олимпийскую Медаль. Ему безразличны ваши визги о великом государстве, встающем с колен, в отличие от вас, он на коленях не стоял никогда. И как жаль, что очень многие спортсмены, ученые, люди творческих профессий, достигшие в своих областях заоблачных высот, пали ниц с подобострастной лакейской улыбкой, с непременным: " Чего изволите?», бросают к ногам тела медали, открытия, книги и честное имя свое, навсегда замарав себя холопским страхом.

Николай говорил страстно, пораженный удивительному терпению Егора, он торопился выговориться, получив первый раз в жизни такую возможность.

– Может показаться неправдоподобным, – продолжил Коля, – но в моей стране правоохранительные органы ловят преступников, а не крышуют бизнес и не метелят собственных граждан на демонстрациях и в темных подворотнях. Их нынешнее поведение говорит только о том, что они не работники правопорядка, а мамлюки. Власть вырвала самых недалеких из общества и, промыв их и без того небольшие мозги, убедила в том, что вокруг только подлецы и преступники, а все честные люди имеют погоны, должности и спецсигналы. И мамлюки делают вид, что верят этому, они точно знают, что если они сами нарушат закон, то общество на их защиту не встанет, а хозяин, перекричав и унизив всех вместе и каждого в отдельности, докажет, что виноваты сами пострадавшие. Еще в моей стране все действительно принадлежит народу, и недра в том числе. Это не значит, что все нужно отнять у бизнеса и раздать каждому по крохе. Это значит, что правила, созданные государством, прозрачны, понятны и подконтрольны любому субъекту, властному или общественному. Скажи, в чем польза нынешнего телевизионного крика о национальном достоянии, создающем личные состояния отдельных тел? Причем, все эти тела, как один, заявляют о невозможности разглашения полученных ими доходов от нашего национального достояния, ссылаясь на государственную тайну. Интересно, сколько Мальчишей – Кибальчишей они готовы отдать врагам, чтоб сохранить ее? От нас, граждан страны, есть тайна, сколько взято денег из национального достояния? Но также тайно изымает деньги вор или мошенник, не желая огласки.

В моей стране олигархи не скупают оптом яйца Фаберже лишь только для того, чтоб сохранить свои собственные. Потому что нет олигархов, а есть очень богатые люди, которые сохраняют и дарят музеям произведения искусства не за страх, а за совесть, по велению души.

Еще в моей стране не мочат меньшинство, таким людям, как я, с ограниченными возможностями, нет преград выехать на улицу, побывать в поликлинике, библиотеке, музее, в другом общественном месте. Или совсем не укладывается в голове: иметь возможность путешествовать по своей стране. Меньшинство – это не означает отстой, пусть не забывают те, кто нами правит. И пусть помнят, что их гораздо меньше любого меньшинства. Да и потом, кто сказал, что на поверхность всплывают только сливки? Может, нам все-таки пора приноравливаться?

Возможно, я создал утопичную страну, не знаю, но глядя на передовые страны мира, моя утопия вполне реалистична. И, пожалуй, я ничего не выдумал нового, я взял из того, чего смогли добиться другие народы.

Николай выплеснул свой монолог напористо, дерзко, словно в это самое время строил свою страну, чувствовал ее дыхание, видел прекрасное настоящее и светлое будущее. Воодушевленный своими мыслями он с надеждой на поддержку и понимание заглянул в глаза брату.

Но безразличие и снисходительная улыбка повергли его в шок, а ответ просто ранил сердце.

– Слушай, Колька, как все сложно и хлипко в твоей стране. Хреновая страна у тебя получилась. Впрочем, с такими убеждениями другого выйти не могло. Отчего у тебя все каются

да прощения просят? Что за слабаков, что за нытиков ты развел? Ты не понимаешь одной простой непреложной истины: Советский Союз развалил подлый запад и твоя любимая Америка. Они и сейчас мечтают только об одном, как бы окончательно развалить Россию. Да они сейчас об этом не только мечтают, но делают все возможное и невозможное, находя опору и поддержку в таких глупых, недалеких и слабых людишках, как ты. Вот если и настанет крах России, то в этом будете виновны все вы, пляшущие под вражескую дуду. Но мы, настоящие патриоты, не позволим вам этого сделать, а потому в моей стране все гораздо проще. Сильная вертикаль власти, великое мощное государство. Всех несогласных, сомневающих и равнодушных – к стенке. Ну, не делай такого лица, только ради тебя, – на Соловки. Всех борода-теньких и очкательных гавнюков – к чертовой матери, без сожаления. Вот так-то, демократик!

– А если тебя к стенке или на Соловки? – возразил Николай.

– А меня-то за что? Я за крепкую руку, за власть, сильную и беспощадную.

Они возвращались к дому молча, думая каждый о своем. Мама, открыв двери, поняла по лицу Егора, что тот наведывался в ларек, отчего его глаза еще сильнее затянула пьяная пелена. Зная характер сына, она переживала за невестку и внуков. Зачастую, в таком состоянии он занимался воспитанием детей и учил жену вести хозяйство. Стараясь задержать сына как можно дольше, чтоб он протрезвел, она спросила:

– Вы хоть не замерзли? А то пойдемте, чая горячего поставлю, а ты, Егорушка, может вздремнешь? Ты ведь с работы, уставший...

– Я бы горячего чая выпил, – ответил Николай, – а ты? – Обернулся он к брату.

– А я нет, я пойду домой.

– Сыночек, ты только больше не пей ради Бога.

Мария Егоровна не хотела говорить этих слов, но не смогла удержаться. Душа кричала в переживаниях, и она перекричала разум, который говорил, что лучше промолчать.

– Мать, я что-то не пойму, – вскипел Егор, – я что сопляк какой-то: пей, не пей. Что вы все меня вечно пьянкой попрекаете? Я что алкаш подзаборный? Да и в вашего Бога я не верю. Мать, ну где же был твой Бог, когда тебя искалечил какой-то урод? Или вон Колька, по чьей вине он в коляске всю жизнь мается? Ну, где же? Где ваш защитник? Где ваш могучий заступник? Что молчите? Нет его. Не верю я в вашего Бога и в личности не верю. – Гневно ответил он, посмотрев при этом на Николая.

Мама молчала, понимая, что это сейчас лучше всего. Несколько секунд длилось напряженное безмолвие. Затем Егор, отвесив поклон в пояс, провел рукой слева направо, и выпрямившись, произнес:

– Прощевайте!

Иногда его выходки были непонятны, то ли он шутит, то ли говорит всерьез.

– Егор, передавай семье привет, – крикнул в спину уходящему брату Николай.

Выйдя на улицу, Егор решил идти домой прямо через ларек, еще одна бутылка пива ему не повредит, а раз так, то так тому и быть. Он шел с бутылкой в руке, глотая горьковатую жидкость, становился все злей и злей. Он злился на весь мир за свои неудачи, за невозможность заработать достаточно денег, чтобы достойно содержать семью, чтобы купить машину, да и вообще, чтобы жить по-человечески. Вспоминал брата, который всегда спорит и не соглашается с ним, мать, досаждающую своими нравоучениями сына- лоботряса, который плохо учился в школе. Погода ему тоже не нравилась. Мысль о том, что он – неудачник опять проскользнула где-то далеко у него в голове. Вот именно ее он и боялся больше всего. Боялся признаться, что за все его так называемые беды, отвечает он, и только он. Не правительство, сын или мама, а он. Именно эта мысль о неудачнике в последнее время стала все чаще навещать Егора, с каждым разом задерживаясь все дольше и дольше, грозя поселиться в его голове навечно. Вот и сейчас, заметив на горизонте незваную гостью, он попытался спрятаться. И не нашел ничего лучшего, как, допив одним глотком остатки хмельного напитка, с силой

бросить бутылку в стоящую неподалеку машину. Звон разбитого стекла и сработавшая сигнализация немного отрезвили его и заставили быстрым шагом скрыться в темном переулке. Не желая быть замеченным, Егор петлял между домов, надежно, как ему казалось, путая следы. Вышагивая в потемках кружева, он постоянно оглядывался, чтобы убедиться в том, что его никто не преследует. Войдя во двор и закрыв калитку, он еще немного постоял, прислушиваясь к уличному шуму и, окончательно убедившись, что погони нет, постучал в дверь. Через мгновение женский голос спросил:

– Егор, это ты?

– Я, я, – ответил он, спешно входя в дом.

Время было позднее, и дети уже легли спать, лишь Нина ждала мужа с работы.

– К своим заходил – сказал Егор, чтобы предотвратить расспросы. – Нин, дай чего-нибудь пожрать, а то я проголодался как собака.

Нина, молча уже собирала на стол, не дожидаясь распоряжений. Видя, в каком состоянии муж, она про себя молила только об одном, чтобы он не начал скандалить. Сняв мокрую и забрызганную грязью одежду, он надел тонкое нательное белье и в таком виде пришел на кухню. Открыв холодильник, Егор достал недопитую бутылку портвейна, искоса посмотрев на жену. Нина сделала вид, что не замечает его придирок, продолжала накрывать на стол.

– Как дела? – спросил Егор непослушным, словно живущим своей жизнью, языком от уже чрезмерно выпитого.

– Нормально...

– Нормально говоришь? А как успехи нашего обалдуя в школе?

– Егор, это твой сын. Кушай, а то остынет.

– Остынет, разогреешь, неси дневник, посмотрю, какие у вас дела нормальные.

– Егор, заниматься сыном нужно трезвым, а не в таком состоянии...

– А в каком я состоянии? – Перебил он жену, начиная как обычно задираться.

– Ты пьян...

– Да что ты говоришь? Вы что все сговорились, что ли? Тоже мне нашли алкоголика! Вы еще алкашей не видели.

Он встал, чтобы выйти из кухни, но Нина перегородила ему дорогу в дверях.

– Дай пройти.

– Не дам. Егор, не трогай сына, он спит. Ради Бога, прошу тебя!

– Да что вы все со своим Богом носитесь, – вскипел Егор, – что вы его постоянно вспоминаете? Пусть он лучше делает, чтобы сын хорошо учился да человеком как его отец стал, об этом его попроси. Бога нет! – закричал Егор.

Он схватил бутылку со стола и, оттолкнув Нину, вышел в коридор. Сделав несколько жадных глотков, он закурил. Нашупав в темноте висевший на вешалке старый, драный тулуп, в котором он управлялся на дворе, накинул его на плечи и уселся на табурет.

За окном снова расплакалась осень, словно верная подружка не сдержалась при виде Нининых слез. Она стучала по крыше, порывами ветра барабанила в окна, стараясь разбудить у Егора хоть капельку сострадания и любви. Но трехсемерочный портвешок все сильнее дурманил сознание, и в скорости, от педагогических способностей не осталось и следа. Егор провалился в забытие.

Глава 3

– Хозяева, открывайте! – Кричал кто-то со двора.

– Хозяева! – Удары в дверь становились все сильнее.

Егор сквозь сон слышал крики и стук, сразу не предав значения, полагая, что это сон. Но стук усиливался, казалось, что вот-вот дверь разлетится в щепки. Егор подскочил и отворил дверь. На пороге стояли люди, человек пять, тот, кто стучал, был одет в черную кожаную куртку, перетянутую ремнем. «Милиция...», – первой пронеслась мысль, значит все-таки выследили, уроды. Открыв двери, он оказался лицом к лицу с человеком, стоящим на крыльце. Хозяин словно действительно ничего не понимал, угрожающе взревел:

– В чем дело? – и обдал при этом стойким перегаром человека напротив. Тот, сделав шаг назад, измерив Егора взглядом. Затем, повернув голову в пол-оборота к остальным, сказал:

– Беднота...

Те, о чем-то перемолвились и зашуршали бумагами.

– В чем дело? – вновь недовольно повторил Егор.

– В чем дело?! – Переспросил человек в форме. – Дело серьезное, товарищ! Проспишься, приходи в штаб. – И сунул Егору какую-то бумажку.

В ответ Правдин кивнул и, совершенно ничего не понимая, прикрыл дверь. Чувствуя, что он еще сильно пьян, все списал на ночной кошмар. А потому, устроившись на своем табурете, снова провалился в глубокий сон. Проснулся он от того, что во рту пересохло, онемевший язык и затекшее тело не слушались хозяина. Голова трещала от чрезмерно выпитого и смешанного спиртного, а еще чувствовалась неловкость, и гадкий осадок на душе за вчерашнюю выходку. Егор поднял бутылку из-под портвейна и заглянул в горлышко. Из горлышка на него посмотрело доннышко, «Значит бутылка пуста», – сделал он неутешительный вывод и отставил пустую тару в сторону. Поскольку осеннее утро моросило все тем же нескончаемым дождем, а впереди были выходные, он решил еще хоть немного поспать. Но сделать это все же лучше на кровати, как белый человек, а не как бомж в драном тулупе, сидя на табуретке. Открывая дверь из коридора в дом, ему показалось, что она словно обветшала за ночь, была как будто неродная.

Оклемаюсь, надо посмотреть, а то стыдно: вроде при руках еще, и такая дверь. Подумал он.

Пробираясь в сторону кухни, чтобы выпить воды, он решил не включать свет в коридоре, не желая будить спящих детей и жену. Из-за закрытых ставней в доме царил непроглядный темень, потому пробираться приходилось на ощупь. Лапая по стенам руками, он никак не мог понять, куда подевалась кухня.

– Чертовщина какая-то...

Прошептал он, пытаясь нащупать выключатель. Но на привычном месте его тоже не оказалось.

Странно, неужели я еще настолько пьян, что не могу разобраться в собственном доме...

– Егор, ты чего, не проспался что ли? Чего шебуршишь? Угомонись, а то детей побудишь.

– Нин, а ты чего делаешь в прихожей?

– Точно пьян, еще. В какой такой прихожей? С детьми на печке спала, пока ты со своей хмель в сенцах гонял. – Шепотом ответила жена.

– На какой печке? – с недоумением переспросил Егор.

– Слушай, угомонись, а то я не поленюсь, спущусь за скалкой.

В душе у Егора, не смотря на зверское похмелье, уже закипала и клекотала ярость. Что могло произойти за ночь? Отчего жена стала такой задиристой и властной? Но, вспомнив вчерашние выкрутасы, он в зародыше задавил желание немедленно разораться и только покорно спрыснул:

– Нин, а что вчера было-то? – Он уже сильно засомневался, действительно ли вчерашний день закончился так, как он это помнит.

– Ну вот, допился до зеленых чертиков, все позабывал. А я тебя предупреждала, окаянный, добром это не закончится! С Сашкой, куманьком своим, напились. Я его вчера скалкой-то огрела, дрянь такую. Разве не он чуть свет – заря тарабанил? Небось, приходил похмелиться. Ты ему передай, нет ему прощения, и скалкой я его еще отхожу. – Шептала Нина, еле сдерживая себя, готовая вот-вот сорваться в крик.

– А когда стучали? – Почему-то спросил обалдевший Егор, не помня в своей биографии родства с кумом Сашкой, а также факта вчерашней попойки и утреннем визите.

– Да вот, под утро уже...

В голове у Егора перемешалось почище, чем в доме Облонских. Он так же на ощупь стал пробираться на выход. Осторожно выйдя в коридор, он чуть было не закричал от увиденного: коридора, его прежнего коридора, не было, было что-то похожее на шалаш, крыша крыта соломой, стены обиты не струганными кривыми досками, щели между которыми были подоткнуты все той же соломой... Внутри похолодело. «Что же произошло? Что случилось? Неужели белая горячка? Да нет, я ведь не алкаш, ну бываетхватишь лишку, но так, чтобы до чертиков, прежде не было...» Медленно, как будто опасаясь удара по голове, пригнувшись, он вышел на улицу. Голова закружилась, отказываясь верить в происходящее.

– Вот допился, – шепотом сказал он, словно боясь, что его могут услышать.

Галлюцинации были столь явственными, что Егор в серьез испугался за свой рассудок.

Осеннее, промозглое утро ничем не отличалось от вчерашнего вечера. Но все вокруг было чужим. Чужим, совершенно чужим! Он не верил своим глазам, старался протереть их кулаками, тряс головой, настраивая свой мозг на нормальную, привычную работу. Но все, что он видел, никуда не девалось, и, скорее всего, было настоящим. Той улицы, на которой он жил, не было, как не было всего частного сектора, зажатого между двумя микрорайонами многоэтажек, желающих в скором будущем и вовсе проглотить частников. Но и микрорайонов тоже не было. Не было его железного забора и калитки, а был лишь ветхий плетень, опоясывающий дом, в некоторых местах свалившийся в грязь. Дома были разбросаны там и здесь настолько, насколько хватало взгляда. Улица угадывалась только по грязной, раскатанной телегами и разбитой копытами животных дороге. Егор обошел дом – это была какая-то жалкая лачуга, как в книжке про крестьян Царской России.

– Я сошел с ума!.. – негромко произнес Егор, пораженный увиденным, продолжая стоять во дворе босиком, в старом драном тулупе и белых кальсонах.

Вдруг из дома напротив вышел долговязый мужик в расстегнутой гимнастерке, галифе и сапогах. Он помахал Егору, подзывая его к себе. Но Егор не трогался с места, тупо смотрел на зазывавшего его мужика. Не дождавшись никакой реакции со стороны Егора, неизвестный, сгорбившись как вопросительный знак, скользя и чавкая сапогами, пошел навстречу.

– Кум, ты чего? – Спросил незнакомец. – Кум! ... – Затряс мужик Егора за плечи.

Правдин взглянул на трясущего мужика безумными глазами и, улыбаясь, спросил:

– Санька, это ты?

– Ну конечно, я. А то, кто же? А я смотрю, ты вышел во двор, глаза кулаками трешь, головой трясешь. А когда вокруг дома пошел, вот тебе здравствуйте, думаю, Егорка умом тронулся. Или может, чего хуже, лунатизмом захворал?

– Тронулся, Сашка, тронулся...

– Да ну? – С недоверием переспросил он, с жалостью в глазах осматривая собеседника.

– Ты знаешь, я не помню, что вчера было, всегда помнил, а сегодня хоть убей, ничего не помню.

– Уф, напугал ты меня, Егорка, я думал, что и правда беда приключилась. Ну а то, что забыл, это ничего, я тоже, сам знаешь, через раз помню, и ничего, живу себе, не тужу. А ты что босой, в тулупе да в кальсонах стоишь? Пойдем ко мне, полечимся.

У Егора в голове было пусто, как в пионерском барабане. Он ничего не понимал, поэтому решил, пусть все идет, как идет, а там по ходу будем разбираться.

– Пойдем в хлев, там тепло... – Санька юркнул в угол и, пошуршав соломой, вытащил бутылку с белесой жидкостью.

– Это еще та, – тряс бутылем, подмигнул Санька. – Помнишь?

Егор, не помня, пожал плечами и кивнул.

– Так что вчера было? – Спросил он.

– Я вчера вступил в комиссию по раскулачиванию, и в первый же день раскулачивали Ереминых.

– Раскулачивание? Ереминых?

– Ереминых, Ереминых, – подтвердил Санька. – Так вот, мы их раскулачили, погрузили все зерно на подводы и отправили на станцию.

– А Ереминых?

– Ереминых выгнали на улицу, дом сожгли! – В форме доклада произнес Санька, приложив руку к голове.

– К пустой голове руку не прикладывают, – приняв доклад, ответил Егор.

Санька, уже запрокинув бутылку,пил вонючую жидкость, зажмурив глаза. В этот момент он стал похож на козленка, которого поят из бутылки заботливые хозяева. Сделав несколько жадных глотков, он выдохнул и, приложив рукав к носу, занюхал им. Егор взял протянутый сосуд и сделал два небольших глотка, но, не ощутив ни горечи, ни хмели, вернул ее Саньке со словами:

– Все, я пошел...

– Что, так погано? – Участливо спросил кум.

Ничего не ответив, лишь отмахнувшись рукой, Егор вышел на улицу. К дому шел как в бреду, ничего не понимая, не ощущая холод и грязь, босыми ногами. Вошел в дом, к нему подбежала дочурка, и дергая за полушубок, залепетала:

– Тять, тять, а ты по чем на улицу босой ходил?

Из-за печи выглянула Нина и вопросительно посмотрела на мужа, а он стоял и ощущал себя на необитаемом острове, но туда попадают, хотя бы понимая как, осознавая это. А как попал на этот остров он, оказавшись среди родных и таких чужих для него людей?

Молча, Егор снова вышел из дома, пытаясь осознать происходящее и собраться с мыслями. Нужно рассуждать логически. Весь вчерашний день и вечер он помнил до мельчайших подробностей. Ни этой деревни, ни Сашки, кума, ни такой воинственной жены, у него не было, и, судя по всему, время было совершенно другое. Увидев бутылку, он поднял ее и посмотрел на этикетку, дата разлива говорила, что вчера действительно было, и был он у матери с братом, и дома устроил скандал. Поднял бумажку, которая валялась рядом с бутылкой, развернул ее и стал читать.

Товарищ бедняк и середняк!

Советская власть, которая дала вам свободу, нуждается в продовольствии. Вся надежда на беднейших крестьян. Все на войну с кулаками

Даешь хлеб!

– Советская власть..., – повторил Егор.

В каких это годах происходило: в двадцатых, тридцатых, сороковых? Нет, этого не может быть, это чья-то злая шутка, розыгрыш, все пройдет, все непременно пройдет и станет как прежде... С людьми такое не случается. Он снова и снова перечитывал листовку, уже почти

смирившись, обдумывал свое незавидное положение. Если задавать вопросы напрямую, можно привлечь к себе ненужное внимание, а поэтому стоит выждать время, чтоб понять обстановку.

Егор залез в карман, вытащил сигареты и зажигалку, поднял бутылку, это были улики о его странном происхождении в другом мире – от них нужно избавиться. Или оставить, могут пригодиться? Стоял в нерешительности, раздумывая, как поступить. Наконец решил выпотрошить табак в листовку, бутылку и зажигалку спрятать в сенцах, в щель между досками, и надежно подоткнуть соломой. В доме послышалась какая-то возня, и в приоткрытую дверь показалась Машенькина голова, она защебетала своим ангельским голоском:

– Тять, а тять, тебя мамка зовет.

Егор взглянул на свои ноги, не зная где их помыть или вытереть, стоял в нерешительности. Выглянула Нина и, увидев растерявшегося и какого-то беспомощного мужа, решила не упрекать его пьянкой, а позвала дом, где приготовила ему воду вымыться. Она подала чистую одежду и стала собирать на стол.

Одежда Егору была в пору, но чувствовал он себя в ней словно в чужой шкуре. Она была словно необжитая им, что ли. Но это было не самое большое неудобство, весь окружающий мир был неудобным, необжитым, а оттого и казавшийся агрессивным, пугающим. Ели молча. Егор изредка поднимал глаза и осматривал то детей, то Нину, пытаясь увидеть какие-то отличия от них, прежних. Но внешне они ничем не отличались, вот только казались они совершенно чужими, как и все, остальное. Видя состояние мужа, Нина спросила:

– Что, так тяжело?

Егор кивнул.

– А ты бы меньше самогоном баловался, того смотри и разум чище был. А твоего кума после вчерашнего я на пороге видеть не хочу, чтоб духу его у нас больше не было!

– А что так?

– Как это, что? – Переспросила Нина. – А разве это не Сашка со своими дружками Ереминых раскулачивал?

– Ну, это не дружки, а комиссия...

– Комиссия! Да знаю я эту комиссию, такие же непутевые пьяницы, как и куманек. Но только не они тебе хлеба дали заработать, чтоб детишек кормить, а Савва Еремин.

– Кулак, твой Савва.

– Кулак – вот! – Показала Нина сжатую ладонь, – а Еремины никогда не отказывали нам в помощи. И Наталка Еремина все справлялась о Машенькином здоровье и помогала, когда малышка наша хворала. Эх, быстро вы людское добро забываете, – подытожила Нина.

– Ну а где вы были, когда их раскулачивали? Чего не вступились, раз такие сердобольные?

Нина как-то странно посмотрела на мужа, словно заподозрив подмену. Но ответила как обычно:

– Да там и были, вместе с ними были, да только что мы могли сделать против мужиков с наганами да ружьями? Да еще больше, чем полсела, как озверело: говорят, что с ними правильно поступают, и злее всех кричали те, которые у Саввы на покосе хлеба заработали. Лица у них от ненависти аж перекосило!

– А я где был?

– А я почему знаю, может вон, на Луну, летал! – Ответила Нина, кивнув в окно, за которым на небе из-за плотных туч пыталось пробиться солнце.

«И причем здесь Луна?» – Подумал Егор.

Ему хотелось поскорей разобраться в происходящем, понять, какого черта он здесь делает, как это произошло, и что, в конце концов, делать дальше. Не доев, Егор начал одеваться, на вопрос Нины, куда собрался, он ответил, что утром приходил комиссар и велел прийти в штаб. Нина, побледнев села, и сложила руки на коленях.

– Тебя тоже будут гитировать в комиссию... Не ходи, Егор...

Ничего не ответив, он быстро вышел на улицу.

Глава 4

Выйдя на улицу, Егор достал листовку с завернутым в нее табаком, оторвал часть, смастерил самокрутку, а прикурить было нечем. Побрел по улице, всматриваясь в окружающее пространство, пытался анализировать и прогнозировать свои поступки... Наверняка штаб должен быть как-то обозначен, скорее всего, на нем водружен красный флаг. Он огляделся вокруг, пока ничего подобного не было видно. Пошел прямо по улице, слева из проулка навстречу к нему вышли три мужика. Двое лет под сорок, один достаточно пожилой, далеко за шестьдесят, предположил Правдин.

– Здравствуй Егор, – сказал один из тех, кто моложе и протянул руку.

Егор поздоровался со всеми, стараясь вести себя просто, как в обычной жизни.

– Вы из штаба? – Спросил он наугад, пытаясь получить как можно больше информации.

– Да. Да. – наперебой ответили мужики.

– Ну, и что там?

– А, че там..., – отвечал тот, который первым поздоровался. Его рыжая шевелюра с густыми жесткими волосами и большой мясистый нос, усыпанный конопушками, делали его смешным. Тяжело было удержаться, чтоб не закричать: «Рыжий, рыжий конопатый...»

«Странно», – подумал Егор, – " вокруг такая обстановка, а мне в голову всякая дрянь лезет».

– Нас комиссар в комиссию звал, – продолжал ответ рыжий.

– А вы, че?

– А мы че, нас это не касается. Мы, слава Богу, не кулаки, пошли мы по своим хатам, пусть они там сами разбираются. Кабы нас касалось, то мы гляди чего и думали, а так нам этого не надобно. Как говорится, не нашего ума дело... – Ответил он за всех, а второй молодой лишь молча подтвердил, кивнув головой.

А старик сказал:

– Вот..., – и многозначительно развел руками.

– Ну а я пойду, послушаю, – ответил Егор. Распрощались, снова пожав руки.

«Странно, эти мужики меня тоже знают, а я их нет, в отличие от Сашки. Надеюсь, они ничего странного в моем поведении не заметили. Буду придерживаться такой же тактики, задавать общие вопросы в зависимости от обстановки и отвечать по возможности неопределенно». Пошел он в проулок, откуда вышли мужики, впереди справа, метрах в двухстах, стояли две избы, одна из которых была с красным флагом и часовым у двери. Над входом в штаб на красном полотнище висел лозунг: « Вся власть – Советам!» Егор вспомнил юность и молодость: лозунги подобного содержания висели повсюду, призывая к единению пролетариата всех стран. Прошел мимо часового, тот равнодушно посмотрел в его сторону, даже ничего не спросил.

– Ну и дисциплина у вас! – Заметил Егор, войдя в штаб.

– Вы, о чем, товарищ? – спросил человек в форме.

– Да ваш часовой, он для чего стоит?

– Вашу фамилию могу узнать? – Спросил человек в кожанке.

– Правдин. Егор Правдин.

– Константин Всевожский, комиссар чрезвычайной комиссии, – протянув руку, ответил человек. – Я вижу военную хватку, – сказал он, почувствовав крепкое рукопожатие Егора. Предложив сесть, Всевожский продолжил:

– Слышал о вас добрые слова: из беднейших крестьян, честен. Да и ваш поступок с поповским отродьем одобряю, поэтому хочу предложить вам возглавить комиссию по раскулачиванию. Положение в стране тяжелое, в городах рабочих кормить нечем. Нужен хлеб.

Егор слушал Всеволжского и все понимал, кроме одного, как он сюда попал, и что это все значит. Ему казалось, что он чем-то выделяется из всех этих людей, и они все это видят, или скоро заметят. «Что со мной произойдет, если откроется тайна моего появления в этом мире?» Ответ казался очевидным: то же самое, что и с инопланетным существом, попавшим к людям в руки. Будут ставить опыты и эксперименты, мучить, пытаться, а потом проведут вскрытие. Волосы противились подобной перспективе, дыбась по всему телу. «Представляю, как на вопрос о счастливой жизни в Советском Союзе я расскажу, что нет никакого Советского Союза. Он развалился на полтора десятка государств, в которых правит дикий всепожирающий капитализм. Думаю, они не обрадуются и не поверят моим словам, назовут это клеветой и ложью, а меня непременно признают вражеским шпионом...» От таких невеселых мыслей по спине то и дело пробегал неприятный холодок.

– Ну, так что? – Повторил вопрос комиссар.

Егор встал, выдержав небольшую паузу, показывающую о его серьезных раздумьях, сказал:

– Я согласен и хотел бы знать, что нужно делать?

– Вот и хорошо! – Обрадовался такому быстрому ответу Всеволжский. – Я выпишу мандат, возьмешь три подводы, дам пятерых вооруженных рабочих и двинешь в деревни Дубино и Сухой Лог.

Порывшись в столе, Всеволжский вытащил несколько бумаг.

– Вот список кулаков этих деревень. Зерно подводами отправлять на станцию Багряная. На подводу по одному вооруженному рабочему. Действовать нужно решительно: сначала собери митинг, постарайся беднейшее крестьянство настроить против кулаков, нужно разобщить народ, вбить клин. Понимаешь? Для тебя беднота будет опорой. По наделу уже пошел слух о раскулачивании, поэтому зерно прячут, делают схороны. Твоя задача: найти, отобрать любым способом, доставить зерно на станцию.

– А что с людьми делать?

– С какими людьми? — Недоуменно переспросил комиссар.

– Ну, с кулаками и с их семьями?

– А разве это люди? Это кулаки противники нашей власти. В общем, те кто сами зерно не сдадут, гнать к чертовой бабушке, кто будет оказывать сопротивление, стреляйте, – голос его стал сух и колюч. – И вообще вопросы о всяких там людях никогда не должны возникать: меньше думаешь о мелочах, больше думаешь о деле. Нужен хлеб! Понимаешь? Страна Советов пухнет от голода, а ты о кулаках переживаешь. Приходи завтра, с самого утра отправляться будете.

Егор кивнул и, распрощавшись, пошел домой. Не переставая думать о том, как же все это произошло. Много разных фантастических книжек он читал, где происходили какие-то сдвиги во времени, и люди попадали в параллельные миры, в прошлое и будущее. Неужели и он попал в один из таких параллельных миров? Но почему? И где тот Егор, что был здесь? Может он там, в моем мире? От таких раздумий волосы по всему телу становились дыбом, кожа гусинилась и холодело на душе. Но с другой стороны, кажется жизнь изменилась не так уж и плохо. Он всегда мечтал о каком-нибудь большом деле: в гражданскую с пашкой на лихом коне, или в Великую Отечественную за языком в тыл врага, или политруком, встав во весь рост, крикнуть солдатам, поднимая их в атаку «За мной! За родину! За Сталина!!!!» Так вот, получай, чего ты хотел: строй, защищай свое великое государство с самого начала, честь и хвала тебе до конца жизни обеспечена. В историю государства твое имя будет вписано большими буквами. Много ты знаешь наперед, а раз так, значит, и козыри у тебя в руках. Здесь можно добиться большего, чем в дурацкой демократии. Это настоящий шанс осуществить свою мечту, быть нужным и полезным в правильном справедливом мире. Но все же где-то там мама и брат и та моя прежняя привычная семья, в душе что-то перевернулось и засосало под ложечкой. Он

даже не заметил, как в первый раз во взрослой своей жизни назвал маму мамой. А горьковская мать где-то потерялась, быстро и безболезненно. Капли холодного дождя вернули Егора в действительность, намочив его голову и собравшись в небольшие ручейки, они стекали по лицу, смывая невеселые мысли.

«Может зайти к куму?» – Подумал он. – «Прикинусь дурачком, мол, память подводит, помоги, напони, расскажи, может, разужнаю обо всем побольше».

Егор постучал в закрытую дверь, женский голос скрипучий, словно столетние немазанные петли, спросил:

– Чего нужно?

– Это я, Егор, – сказал он громче, понимая, что с той стороны пожилая женщина. – Повидать Сашку нужно.

– Так Сашка уехал в Синельниково, – проскрипела женщина, не открывая двери.

– А чего поехал- то?

– Так с комиссией и поехал -то.

– Ну хорошо, пойду я.

Он входил в свой дом нерешительно, боялся выдать себя непривычным жестом или словом. Нина, хлопотавшая по дому, встретила мужа вопрошающим взглядом. Егор молчал, пряча глаза, не знал, куда себя деть, сел у стола, опустив голову.

– Неужто вступил в комиссию? – спросила Нина.

Он кивнул головой, ничего не ответив.

– Горе-то, какое! А что дальше будет?

– А дальше, собери мне съестного, завтра возглавлю комиссию и отбываю в Дубинино.

Глаза Нины наполнились слезами, они еще не текли, а всего лишь большими каплями держались на ресницах, готовые пролиться в любую секунду.

– Егорушка, так что же вы с людьми будете делать?

– С людьми – ничего, а мерзость всякую, вроде Савки Еремина, раскулачивать станем, Советской Власти хлеб нужен. Понимаешь?

– Так пусть власть-то хлебушек и вырастит.

– Темнота ты дремучая, что с тобой говорить. Будет так, как я решу, или забыла, что я твой муж.

Нина молча встала и подошла к иконе, нашептывая молитву и не переставая креститься.

– И еще, – все тем же приказным тоном заявил Егор, – приеду из Дубинино, чтобы этого барахла, – указывая рукой на икону, – в доме не было, или я собственноручно спалю ее в печке!

После этих слов Нина в одно мгновение переменилась, ее кажущаяся покорность, превратилась в скалу, в непреступную крепость.

– Не смей трогать мою веру! Я простила тебя за выходку с отцом Матвеем, но коли тронешь икону, не прощу тебя, ни в жизнь не прощу.

Голос Нины не дал сомнения в ее решительности, Егор даже опешил от такого отпора и, не решаясь продолжать этот острый спор, отступил. Остаток дня он провел в размышлении, обдумывая произошедшее. Еще раз в мельчайших подробностях вспомнил вчерашние сутки. А может все то приснилось, а эта жизнь была настоящей, и я был здесь всегда... От такого предположения он совсем запутался. Опасаясь за свой рассудок, решил на время отложить выяснение, кто он, и где должен находиться, и где находится в настоящее время. Но ничего не думать не получалось, голова то и дело воспроизводила какие-то мысли и воспоминания, он их гнал, пытаясь переключиться на что-то другое, чтоб избавиться от ненужных переживаний. Но ничего не получалось, и он снова и снова пытался понять, что же произошло. И главное, почему?

Ночь прошла в таком же режиме, он засыпал, проваливаясь в сон, просыпался от какого-то жуткого страха. Ему снились кошмары, он ворочался и стонал. Просыпался, засыпал, и каж-

дый раз, проснувшись, внимательно вслушивался и всматривался в темноту, определяя, где он находится. Сориентировавшись, проваливался в новый кошмар. За ночь он устал больше, чем отдохнул, а под утро лежал с открытыми глазами и торопил время. А голову то и дело забивали мысли о прошлом, настоящем, будущем. Незнание пугало, брало за горло, ворочалась там горьким, жестким комком, вызывая обиду на собственное бессилие и ничтожность.

За окном еще не рассвело, но Егор решил вставать. Услышав движение мужа, Нина поднялась и зажгла лучину. Свет от нее разбежался по дому, заплескался словно живой, но, осветив часть избы, остановился, не тронув противоположные углы, словно боялся заглянуть в них и высветить что-то страшное. Зато тени ничего не боялись и становились больше, устрашающе нависая над самой границей света и тьмы. «Да, без электричества как-то скучно!» – Подумал Егор, поймав себя на мысли, что электричество для него было делом привычным.

Да и вообще, он помнил все: с самого детства и до последнего дня прошлой жизни, автомобили, телевидение, компьютеры, интернет. Помнил, что государство, в котором он жил, занимало в начале шестую часть суши и могло несколько раз уничтожить все живое на планете, запустив лучшие в мире баллистические ракеты. Помнил, что страна та была передовой в космосе и балете, и еще многое другое. Затем это великое государство развалилось, оставив себе теперь пятую часть суши, а распрощавшись с землицей, оно распрощалось и с былым величием.

Раздумывая обо всем, он сидел за столом, что-то неспешно жевал, не ощущая вкуса, а только все думал и думал. Вспоминал и размышлял. Нина молча сидела в стороне и смотрела на своего родного мужа, который в одну ночь сильно изменился, став каким-то чужим, продолжая отдаляться от нее с каждой минутой все дальше и дальше. О чем она думала, о чем молчала – неизвестно, и лишь ее печальное лицо говорило о том, что мысли эти были невеселые...

– Ну, Удачи вам, – пожав руку, пожелал Всеволожский.

Егор кивнул и, прыгнув на телегу, отправился в дорогу. Густой туман по очереди скрывал одну подводку за другой, словно какой-то страшный неведомый демон пожирал их, и лишь грохот колес, топот копыт да фыркание лошадей говорили о том, что они движутся. Но не только туман поглощал их, еще поглощала неизвестность: она то и вносила в душу тревогу и неприятный холодок.

Уставший от ночных кошмаров, Егор засыпал, и его голова периодически резко обвисала, а он то и дело вскидывал ее, прогоняя дремоту. Думать ни о чем не хотелось, но не думать вовсе, не получалось. В памяти светлячками вспыхивали яркие эпизоды из прожитой жизни. Вот он бежит домой с красным галстуком на шее, и его охватывает такая гордость и счастье, что он не может этого передать словами, а лишь кричит, спеша навстречу маме, с развивающимся на шее галстуком: "Я пионер, пионер, пионер!" А вот идет с подбитым глазом и оторванным рукавом, побив хама, который обозвал его маму калеккой, и передразнил ее походку. Ему не больно, он доволен тем, что воздал наглецу по заслугам, своих родных он никогда не даст в обиду. Сейчас с братом идут на рыбалку, и он катит его коляску с таким желанием и любовью, что невозможно выразить словами, не уставая подбадривать Николая, что тот непременно поймает самую большую рыбу. Да, вот еще смешной случай, когда...

– Тпр, – произнес возникший Егоровой подводки, не доехав с полверсты до первого дома в Дубинино.

– Главный, какие дальше указания будут? – Спросил он, отвлекая Егора от его воспоминаний.

– Всеволожский сказал, что штаба в деревни нет, значит нужно ехать к площади, где-то ж они свои деревенские проблемы решают, там и определимся, – ответил Правдин.

Дубининцы уже проснулись в своем крестьянском режиме. Во всех хатах виделся дым из труб, а во дворах во всю шла каждодневная тяжелая работа. Местные жители еще не знали, что новая жизнь уже прибыла на трех подводах. Пора разгружать эту новую жизнь и загружать

старую, чтоб затем отвезти ее на станцию, а там в город, где испекут из нее хлеб для голодающих рабочих.

Обоз подъехал к колодцу, находившемуся на северной окраине поселения. Здесь же стоял столб с привязанным к нему куском рельса. Егор стал с силой бить по нему железным прутом, заливая деревню и окрестные поля пронзительным металлическим звуком. От такой музыки на душе становилось особенно тревожно. Из окон домов и из дворов выглядывали люди, кто-то уже двигался к месту сбора, кто-то решил повременить и посмотреть на происходящее издали. Веселая ватага пацанов, организовавшись быстрее взрослых, подбежала к подводам и уставилась на чужаков. А самый старший и, по всей видимости, смелый мальчуган спросил:

– Дядька, а дядька, а ты комиссар?

– Комиссар, комиссар, – добродушно улыбаясь, ответил Егор.

– Дядька, а дядька, а у тебя наган есть?

– Есть! – подтвердил он.

– Дядька, а дядька, а ты пальни разок в небо! – попросил смельчак.

– Ты лучше скажи, у тебя батька есть?

– У меня- то есть, – ответил смельчак, – а вот у Миньки, – показывая на другого пацана чуть поменьше, – батьку белые убили.

– Ничего, – отвечал Егор, – теперь наша Советская Власть вас больше в обиду не даст!

– Дядька, а дядька, – не унимался смельчак, – так вон Витькиного батьку красные убили.

Комиссар на постой остановился в Витькиной хате, напился и давай приставать к мамке, батька за мамку в морду комиссару дал, а тот его пострелял...

От выданной мальчуганом информации Егор опешил, прямота и искренность рассказанного не укладывалась ни в какие рамки взрослого лицемерия и ханжества. Не найдя, что ответить, Егор командирским голосом приказал смелому мальчугану позвать отца. Народ за это время уже подтянулся к обозам и обступил их полуколыском небольшими группами. Набралось человек двести с лишком, в основном женщины, пожилые мужики, скорее старики. Они о чем-то между собой перешептывались, с подозрением косясь на чужаков.

Егор встал на центральную подводу развернул красный флаг и, держа его левой рукой, начал пламенную речь.

– Товарищи, крестьяне! Наша Советская власть дала вам свободу, уничтожив помещиков и капиталистов. Но новая опасность в лице кулаков нависла над крестьянством. Кулаки, как и помещики, используя наемный труд, хотят поработить беднейших крестьян, делая из них безвольных, безропотных рабов. Но Советская власть не даст этого сделать. Не для того мы освобождали народ, чтобы отдать его в жадные лапы кулачества. Только беднота является надежной опорой нашей власти. Мы должны каленым железом выжечь кулачество и прочих пособников эксплуатации человека человеком. Будущее Советского Крестьянства светло и прекрасно. Придет время, и ваша темная жизнь исчезнет под напором электрических ламп. В каждой избе будет светло и чисто, как на душе настоящего советского человека. Мы покорим небо и освоим космос, а на полях железные кони, трактора и комбайны будут возделывать землю. Советские ученые, являясь самыми передовыми учеными в мире, изобретут специальные ящики и назовут их телевизорами, по ним вы увидите и услышите всю страну, все прогрессивное человечество. Печи в домах будут топиться газом, в каждом дворе будет автомобиль. Жизнь станет прекрасной. Но это – долгий путь в борьбе за счастье. И сегодняшний день будет первым днем по дороге к нашему светлому будущему!

Слова сами собой складывались в предложения, Егор несколько не думал и не готовил речь. Впечатление было такое, что он всю свою жизнь хотел сказать именно эти слова. Один из старичков, стоявших в небольшой группе возле самого колодца, робея, поднял руку, очевидно желая что-то спросить. Все собрание повернулось в его сторону и зашушукалось.

– Сынок, ты бы попил водицы из колодца, а то поди, у тебя во рту пересохло. Уж больно хочется еще послушать эту сказку про будущую жизнь.

Собрание взорвалось смехом, немного разрядив напряжение.

– А это не сказки, дед, – ответил Егор, – это наше светлое будущее.

– А че, ты может к нам из будущего появился, аль, может, книжек фанатических начался? – Не унимался еще больше осмелевший дед.

– Из будущего, дед, из будущего, – говорил чистую правду Егор.

– А чего ж тогда из такой сказки тебя в нашу... так сказать задницу, занесло? Прошу извиненьица...

– Сделать вас счастливыми, – нисколько не смутившись издевательскому вопросу, совершенно искренне ответил Правдин.

– Вото как?! – То ли удивившись, то ли обрадовавшись, ответил дед, поглаживая жидкую бороденку и о чем-то обстоятельно раздумывая.

Другой пожилой мужик из этой же группы взял слово, переводя разговор в серьезное, напряженное русло.

– А меня твоя власть уже сделала счастливым, такой же горлопан, как и ты, моего сына убил, когда тот жену свою защищал.

– Насчет горлопана ты поосторожней, – поправив кобуру, ответил Егор. – А того комиссара, Советская власть наказала. Я в этом уверен.

– Тебе никакой опасности нет, а ты уже наганом грозишь, а того комиссарики, чтоб ты знал, поставили в надел командовать вашими грабительскими обозами. Вот как наказала его ваша власть, нигде нет справедливости...

– Издержки и ошибки бывают везде, а вот действующую власть оскорблять не следует.

– Я зла тебе желать не хочу, плохо, не по-христиански это. Вот только и твои дети могут стать издержками для твоей действующей власти. Ты не думал об этом?

– Речь сейчас не обо мне. Давайте решать вопрос по существу, как нам определиться с кулаками?

– А чего его решать, нет у нас кулаков, и отродясь не было, – ответил обиженный властью мужик.

– Как это, нетуть, – послышался голос из-за спин женщин, стоявших самой большой группой на собрании.

И в ту же секунду показался плюгавенький мужичек в потрепанной и неопрятной одежке, да и лицо его было изрядно помято многолетним настойчивым пьянством.

– Как это, нетуть? – То ли переспрашивая, то ли повторяясь, сказал плюгавый. – От ты, Варлам, и есть кулак, и твой кум такой же, да и все ваше племя, почитай, кулацкое.

– Ты, Вань, говори, говори да не заговаривайся. Ты от пьянки совсем разум потерял..., – ответил мужик, высказывавший свои претензии Правдину.

– Пусть говорит, – прервал Егор несогласного.

– Ты сам посуди, товарищ красный комиссар, людей на работу нанимает, обманывает их, измывается над ими. Сына моего Яшку побил. Нагайкой по лицу так звезданул, чуть глаза не лишил, шрам на всю жизнь останется.

– Да твой сын, – взревел Варлам, – такой же как и ты, ворюга и бездельник!

– Я может и бездельник, – отвечал плюгавый, – только людским трудом не наживаюсь и нагайкой лица не калечу, – со злостью и даже ненавистью парировал Иван.

Не успел ответить Варлам на Ивановы доводы, как из толпы кто-то прокричал:

– А че, прав Иван! – Словно тем самым дав отмашку, по которой собрание начало кричать, перебивая друг друга, махать руками.

Часть собравшихся кричала в защиту Ивана, другая – в защиту Варлама. Обстановка накалялась, того и гляди кинутся друг на друга, передавят, перегрызутся. Большая часть защи-

щала Ивана. Каждый находил доводы в его поддержку. Не секрет, что большинство не любило Скоробогатова Варлама, да и других таких как он. По большей части оно не любило за их умение зажиточно жить. Впрочем, были и те, кому не нравилось, что нувориши смотрели на односельчан свысока, зачастую не замечая их как людей. Другие – за то, что те сумели прибрать к рукам мельницы, земли и прочую собственность убиенных помещиков, не разграбленных красными и белыми армиями и другими бандами, зачищающими всё пространство страны в смутные времена. Были и такие, кто видел в Иване собственную судьбу: алкоголика, неудачника или просто лентяя по всем правилам, искавшего в этом виноватых и успешно их находившего в помещиках, кулаках, в ленивой жене, в бездарных детях, в непогоде, в неплодородной земле. В общем, находились тысячи причин собственных неудач. Другая, меньшая часть, защищала Скоробогатова и таких как он, видя в большинстве смертельную угрозу.

Егор с удовольствием смотрел на перебранку. Единства сельчан не было, а это значит, добиться своей цели будет легче. Тем временем крестьяне осыпали друг друга все новыми и новыми упреками, вспоминали старые обиды. Бывало, что перепалка вдруг вспыхивала внутри одного из лагерей, но длилась недолго, затухнув, с еще большей силой накидывалась на противника. Женские вопли и плач перемешивались с мужскими угрозами и матом. Казалось, что все мировые проблемы, неразрешенные конфликты, негодование и злость собрались здесь, в деревне Дубинино.

Вдоволь насладившись результатами своей пылкой речи, Егор рявкнул так, что перекрыл все людское негодование.

– Молчать. Хватит!

Собрание стало затихать, еще изредка огрызаясь воплями и поддевками, но, глядя на сурового комиссара, замолчало в нервном ожидании.

– В обвинениях друг другу вы здесь можете состариться. А нужного результата как нет, так и не будет. Я, как уполномоченный Советской властью, предлагаю назначить представителем нашей власти в Дубинино Ивана. Как твоя фамилия? – Обратился Егор к плюгавому.

– Неряхин, – закричали из большой толпы, опередив самого Ивана.

– Кто за то, чтобы представителем Советской власти в вашем селе был выбран Иван Неряхин, прошу голосовать.

Большая часть собрания вскинула руки, а несколько мужиков подняли обе руки, то ли в шутку, то ли в знак особого согласия.

– Большинство – «за», – огласил результаты Егор. – Влезай на подводу, – скомандовал он Ивану.

Неряхин неуверенно взобрался на телегу и, сгорбившись шахматным конем, встал рядом с Правдиным.

– Вот наша власть в лице Ивана, к нему обращайтесь со своими вопросами и сомнениями. Все революционные директивы, приказы и разъяснения нашей власти будут доводиться вам через него. Но это будущие дела. А сейчас предлагаю собранию признать следующих граждан кулаками.

Он достал из внутреннего кармана кожанки сложенный вчетверо листок и зачитал девять фамилий.

– Кто «за»?

Большая часть собрания, стоявшая напротив меньшей, подняли руки, все, кроме одного, того, кто за избрание Ивана тянул обе руки.

– Ну вот и хорошо, – подвел черту Егор, – документально оформим решение позже.

– Ну что, Колюша, предали тебя горлопаны? – Обратился Варлам к человеку, стоявшему в противоположном лагере и голосовавшему, как и большинство, за Неряхина. Все тоже большинство и назначило этого человека кулаком.

Толпа от него сразу же отступила, как от прокаженного, оставив бедолагу в одиночестве. А он продолжал стоять, понутив голову, меж двух непримиримых лагерей, будучи, в свою очередь, для тех и других чужим и ненавистным.

– И еще неувязочка у тебя, комиссар, – не унимался непокорный Варлам, – ты сына моего убиенного зачислил в кулаки.

– Значит, отвечать за сына твоего будет его жена, – жестко ответил Егор.

– При чем же здесь она?.. – возмутился Скоробогатов.

– А при том, что является наследницей кулацкого хозяйства.

– Не согласен я...

– Твоего согласия никто не спрашивал и спрашивать не станет. Односельчане признали тебя кулаком, если ты чего не понял, я тебе растолкую. Ты – враг Советской власти, середнякам и беднякам, а также Всемирной Революции, и шлепнуть тебя могу на этом основании тот же час. Я имею такие полномочия. Но я пока этого делать не хочу, мне нужно отправить хлеб на станцию. А если ты или еще кто, – оглядев меньшую часть собрания, – будут мне мешать, то навлекут на себя и свои семьи всю карающую силу нашей справедливой Советской власти.

– Да, если че, мы их спалим к чертовой матери, – встрял в разговор новоявленный начальник.

Большая часть собрания одобрительно зашумела, а Егор, похлопав Неряхина по плечу, добавил:

– Давай, товарищ Неряхин, наводи порядок в своем селе. Советская власть тебе в помощь будет.

Глава 5

Легкость, с которой удалось загрузить подводы хлебом, поддержка большинства селян, назначение представителя власти, окрыляло Егора. Мыслями он был уже в следующем селе, в следующем году, в будущем, сильном и мощном государстве, где все понятно, справедливо, полезно. Осенний день быстро съеживался, уступая место туманным сумеркам.

Три телеги, выделенные Всевожским, были загружены доверху, но Егору хотелось пере-выполнить план. Для этого он взял еще две подводы у раскулаченных крестьян, обещая вернуть и коней, и телеги после поездки на станцию. Нежелание раскулаченных вступать в конфронтацию вселяло уверенность в собственные силы. Окрыленный успехом Егор решил немедленно отправиться на станцию, сдать свой первый обоз хлеба в укрепление Советской власти и мощи государства, совершенно забыв напутственные слова Всевожского. Но все было решено, колонна везла хлеб голодающим рабочим Москвы и Питера. До станции было верст восемьдесят напрямик и больше сотни по главной дороге. Выбирать не приходилось, дорога каждая минута, каждая секунда делает твою страну слабей. Голодный рабочий не выльет пулю, не наточит штык, чтоб вонзить его в пасть мировому злу.

Даже напрямую дорога не ближняя, и Егору поскорей хотелось впасть в полудрему, как по дороге в Дубинино. Так сладостны были те воспоминания, что его не беспокоили надвигающаяся ночь и дорога, проходившая в безлюдной лесистой местности.

Он еще раз быстро прогнал в памяти моменты, которые вспомнил по пути в деревню. Как бы готовясь к новым счастливым минутам прошлой жизни, воспоминания замелькали все так же ярко и отчетливо, посыпались, как будто бы прошли только что. Душа пела, наполняясь теплом и радостью пережитого счастья. И это тепло передавалось всему телу, растекаясь по нему волнами, а доходя до кончиков пальцев ног и рук, как бы выпрыгивала из них, создавая удивительное ощущение блаженства. Но если вдруг воспоминания оказывались не очень радостные или неприятные, Егор как бы складывал их в громоздкий старый шкаф, подперев его распахивающиеся дверки палкой, мысленно обещая потом их посмотреть и сделать необходимые выводы. Так его состояние счастья плавно перетекло в сон. Однако он нес совсем другие краски, темные и холодные, все отчетливее стали проявляться признаки кошмара. В нем все было запутанно и беспокойно, не было людей и животных, а были лишь ощущения тревоги и борьбы с каким-то злом, большим, беспощадным, окружающим и наполняющим все вокруг. Оно уже заняло все пространство сзади, как бы обжимая, обнимая все тело. Егору хотелось оглянуться, посмотреть, что за напасть силится задавить его, поработить волю и разум. Но тело не слушалось, каждая клеточка организма была скованна страхом. Даже сердце сжималось в маленький комоч, желая совсем исчезнуть.

Вдруг послышался треск деревьев, это неведомое зло занимало темный, неприветливый лес. Треск сухих веток был настолько отчетлив и реалистичен, что Егор открыл глаза и, повинаясь какому-то звериному чутью, в миг скатился с телеги, падая в небольшую низину, тянущуюся почти на всем протяжении дороги. В ту же секунду в место, где только что лежал Правдин, угодила пуля, пробив мешок с зерном. Образовавшаяся дыра как будто прикурила, испустив дымок с запахом жареного хлеба. Но Егор этого не видел и не чувствовал, он слышал только выстрелы, беспорядочные, частые, которые заливали обоз свинцом без разбора. Ночь была достаточно освещена половинкой луны, делая обоз хорошей мишенью для разбойников. Надежно укрывшись в лесной чаще, они были не видимы обороняющимся, только звуки и вспышки от выстрелов помогали хоть как-то ориентироваться. Со стороны обоза был слышен слабый отпор всего одной винтовки, но и она вскоре замолчала. Нападающие палили, не переставая, пока в ответ получали отпор, всеми силами стараясь подавить очаг сопротивления. Недалеко от Егора, у соседнего обоза, слышался стон кого-то из рабочих. Правдин по-

пластунски стал ползти к раненому, но в это время обстрел прекратился, и в той стороне, откуда велся огонь, вспыхнули факелы. Они стали угрожающе приближаться, освещая место расправы. Времени выяснить, насколько ранен стонавший, и чем ему помочь, не оставалось, поэтому Егор начал отползать в лес, все так же осторожно, не привлекая внимания. А раненый стонал и бормотал, и все, что удалось расслышать Егору, это слово «мамка»...

Лошадь, подводой которой управлял Егор, была убита наповал, испустив дух, она лежала как большое бревно. Другая ускакала с телегой, со страшным ржанием, заглушая звуки выстрелов. Уехал ли на ней сопровождающий, или он был убит, Егор не знал. Где находились другие подводы, определить не удалось. Он замер от сковывающего его страха, словно тот перебрался из кошмарного сна, решив навсегда поселиться в этом удобном теле. Стрельбу и войну он видел только в кино, а лежа на диване легко быть героем, поражаясь кровожадности и тупости врага и восхищаясь собственной прозорливостью. И если кого-то и должны убить, то непременно всех, кроме тебя.

Он, как мог, старался сдерживать дыхание, но сердце стучало так, что могло заглушить даже бубен самого яростного шамана. Казалось, что его слышит весь лес, вся округа, весь мир. Несколько минут тишины тянулись бесконечно. Мыслей, что делать, как назло не находилось, и он лежал в ожидании неизвестности.

– Давайте, ребята, гляньте, чего там, – произнес человек, голос которого показался Егору знакомым.

В сторону обоза еще несколько раз выстрелили, и, не встретив отпора, свет факелов озарил место трагедии. Егор, обезумев от страха, отполз на безопасную дистанцию и, спрятавшись за толстым стволом сосны, стал наблюдать за происходящим. Его позиция была не самой лучшей, чтоб рассмотреть и расслышать, что там творится. И тем не менее, он видел силуэты и слышал каждое сказанное слово.

Люди, учинившие расправу, осматривали результаты своих действий, и, исследовав, все собрались в кольцо вокруг раненого рабочего, который лежал на земле и корчился от боли, схватившись за живот.

– А че с этим делать, пристрелить, как поганого пса? – Спросил один из нападавших.

– От пули солдат погибает, а этот – не солдат. Этот – грабитель. Он пришел с оружием в наш дом и хлеб наш отнял. А раз так, удавить его веревкой, и дело с концом. – Ответил другой, стоявший к Егору спиной.

Скорее всего, он и был у бандитов за старшего. Вот его голос и казался Правдину знакомым, но чей он, кому принадлежит, не мог вспомнить.

– А где их комиссарик? – Спросил вожак, – ребята, он что, утек?

«Комиссарик..., комисарик...,» – вертелось в голове у Егора, вот черт – озарила его догадка – это же был Варлам Скоробогатов! «Вот почему они так быстро согласились отдать хлеб и за лошадей с подводами не артачились. Вот суки, звери,» – вертелось в голове у Егора, – "всех уничтожать, выжигать каленым железом. Никому пощады не будет!"»

Несколько факелов направились вглубь леса в его сторону. Нужно было все так же незаметно отступать подальше от опасности, иначе расправы не избежать.

– Ребята, ищите комиссарика, нам его в живых оставлять нельзя. Не в жизнь нельзя!

Нападающие стали стрелять в темноту леса, стараясь наугад поразить невидимого противника или заставить проявить себя бегством. Пули хлестко шлепали о стволы деревьев, сбивали по пути ветки и отсекали кору. Егор, лежа за толстым стволом, переждал обстрел, а когда наступило затишье, привстал и, осторожно ступая, пригнувшись до самой земли, стал как можно дальше отходить от границы света. Уходил он все дальше от наступающих факелов, стараясь оторваться на безопасное расстояние. Вернуться и проследить, что будет происходить у обоза, было делом крайне опасным, хоть и стих шум преследователей, вполне возможно, они устроили засаду. Кромешная тьма не давала возможности быстро идти, но спастись можно

было, только максимально увеличив дистанцию. Он стал прибавлять скорость, и сам себя поймал на мысли, что ступает так тихо, что ни одна ветка не хрустнула под его ногами. Преследователи начали очередной обстрел, но пули уже не бились о стволы и не свистели жалобным свистом, расстроившись, что не настигли свою цель.

Значит оторвался, но страх не отпускал, а загонял все дальше, в глубь леса. Небольшая опушка, на которую он вышел, дала возможность почти пробежать ее. И вот опять лес сбавил его скорость, но тот же лес надежно прятал его от врагов. Егор понимал, что опасность еще не миновала, и старался не сбавлять скорость, а на участках, где ему казалось, что можно прибавить, он пускался почти в бег. Он испробовал разные способы продвижения, чтобы не наткнуться на ветку или дерево, и нашел оптимальное решение: двигался как бы приставными шагами, выставляя вперед руку, старался ею исследовать пространство перед собой. Рука была изодрана в кровь, по лицу много раз хлестало жесткими ветками, он падал, впрочем, все это было не так страшно, как оказаться в руках нападавших. Однако уверенность, с которой он продвигался, сыграла с ним злую шутку: рука, выставленная перед собой, не ощутила преграды, он переставил ногу, но опоры не оказалось, и, оступившись, Егор покатился в какой-то крутой глубокий ров. Пролетев по склону, он с силой ударился о ствол дерева, лежавший на самом дне. На некоторое время он потерял сознание, словно выключили и тут же включили лампочку.

Попробовал пошевелить ногами: «Кажись, целы, руки вроде тоже. Еще не хватало здесь сдохнуть,» – зло выругался Егор. Вот только лишь лицо горело огнем, словно его прижгли каленым железом. Ощупав голову руками, он никак не мог понять, что с ней не так. Повторил попытку, сравнивая правую и левую части, наконец понял, что кусок ветки или щепка, толщиной примерно в мизинец, проткнул ему лицо, начиная от верхней губы и остановившись у нижнего века. Так что бугор, который образовался, закрывал полглаза. В тот самый момент, когда он понял, что произошло, Егор испытал такую боль, что даже застонал, забыв об опасности. Щепка вошла вся, без остатка, лишая возможности выдернуть ее. Необходима была помощь, желательно врачебная, но где ее взять здесь, ночью, в дремучем лесу. Сидеть и скулить – значит зря терять драгоценное время, нужно идти через боль, стиснув до скрежета зубы, нужно выжить, чтобы отомстить за такое унижение.

Время потерялось окончательно, осенью светает поздно, да и рассмотреть раннее утро возможно, если только нет плотных, серых облаков. Пройдя еще около часа, он решил дожидаться рассвета и, прислонившись спиной к дереву, провалился в свой страшный кошмар.

Проснулся он так, как будто вырвался не из сна, а из давящего и пожирающего страха. Уже рассвело, и можно было рассмотреть все, что делалось вокруг. Никаких признаков людей не было и в помине, лишь лес окружал его повсюду, насколько хватало глаз. Ощупал горевшее лицо, левая сторона разбухла так, что казалось ее разорвет, разметав по лесу куски головы, вывернув наружу все ее содержимое. Еще чувствовался начавшийся жар, который накатывался волнами, становясь с каждым разом все сильнее и сильнее. Как поступить, куда идти? Возвратиться к обозу, но там наверняка засада... Идти в ту же сторону, в которую шел, но куда ведет этот путь? Так ведь можно и заплутать до смерти... Как ориентироваться, на какие мхи с муравейниками смотреть, и о чем они говорят, только в умных книжках все так просто и понятно, а в жизни как? Обматерив про себя всех неизвестных ему писателей и сочинителей таких недосыгаемых книжек, он решил идти в том же направлении, в котором шел.

До первого привала шел долго, ему показалось, что целую вечность, затем отдыхал все чаще и чаще. Голова болела так, что любое похмелье покажется счастьем, лицо вздулось, а левый глаз совсем заплыл. Температура скорее всего была под сорок, постоянно бросало то в жар, то в холод. По спине катились крупные капли пота, хотелось пить. В голове крутилась одна и та же мысль, за что же они убивают, и откуда они берутся, враги самого лучшего и светлого будущего... Все сильнее росло и крепло желание чистить, вычистить страну набело

до последнего врага. Никто из них не заслуживает ни судов, ни тюрем, ни лагерей, убивать и только убивать!.. Он начинал бредить, твердя только одно слово: «смерть, смерть...»

С последнего своего привала он еле встал, продолжал идти, у него проскользнула странная мысль: " А что если я уже в аду, и этот бесконечный лес, и это серое, низкое небо, и жар, и боль никогда не закончатся? И я, как прокуратор Иудеи, зовущий пса, никогда не смогу избавиться от своей боли...» В голове вертелась такая бредятина, что он потерял ход мыслей, и губы не подчиняясь ему, сами по себе бормотали:

– Смерть врагам, смерть врагам...

Глава 6

- Смерть врагам, – вскричал Егор в очередной раз, чуть приподнявшись на постели.
- Тише, тише, все хорошо, – произнес знакомый, добрый голос.

Егор не помнил, кому он принадлежал, не видел того, кто успокаивал, но ощутил радость от его звучания. Его состояние то ли жизни, то ли смерти, с пребыванием в аду, длилось еще добрых десять дней, по истечении которых он первый раз очнулся и осознанно посмотрел вокруг. В беде нет надежней опоры, чем любящая жена, и нет большей радости осознавать, что дети – твое счастье и надежда. Ради всего этого стоит жить и бороться, не смотря даже на самую смерть. Болезнь нехотя покидала Егора, временами он чувствовал себя хорошо, и казалось, что выздоровел, но проходило некоторое время, им опять овладевали жар и слабость. Так повторялось много раз, то вселяя надежду на исцеление, то заставляя опускать руки и готовиться к самому худшему. Для себя Егор загадал, если останется жить, то значит, он нужен для какого-то большого важного дела. Для чего именно он, конечно, решил. Вот только кто оставит его в живых? При отсутствии веры в высшие силы, надежда была только на себя. Необходимо было думать о главном: как наказать своих обидчиков и как расквитаться за свое унижение. Изобретать велосипед не стоит, все придумано задолго до нас, и рецепт этот прост: глаз за глаз, зуб за зуб. Тех, кто напал на обоз, нужно уничтожить, проведя показательную казнь. Наши людишки трусливы, это тупое безмозглое стадо уважает только силу. Только силу и больше ничего. Впредь никаких демагогий, только решимость и сила, вот те принципы, благодаря которым мы построим великую державу!

Поправившись, Егор изменился как внешне, так и характером. Долгие недели болезни, иссушили его тело, и крепкая фигура, и круглое лицо исчезли навсегда. Шрам рассекал всю левую сторону лица, от губы до самого глаза, придавая ему устрашающий вид. Предположить, что его оставила заноза, пусть и очень большая, было невозможно, скорее всего, такой шрам мог остаться после ранения шашкой, не иначе. Это увечье придавало ему суровый и решительный вид. Если раньше можно было еще усомниться словам, которые он говорил, даже если они были жесткие, то теперь никаких слов не требовалось. Вся его внешность говорила о том, что каждое сказанное им слово не имеет никаких иных толкований, тем более возражений.

Его сознание и характер изменились, ровняясь на его суровый вид. Они словно вытопились, высохли от высокой температуры и выморозились ознобом. И нет ничего удивительного в том, какие черты характера покинули Егора, а какие проявились в полную силу. Постоянное желание мстить обидчикам совершенно затмили разум, лишь весомые доводы тонули в ненависти. Измученная душа была в таких же шрамах, как и лицо, в душе они оставались от того, что он вырывал из нее с корнем сочувствие, сострадание и уважение к людям. Он много раз пытался избавиться и от любви, убеждая себя в том, что любовь делает человека мягким и уязвимым. Однако все его старания были обречены на неудачу, как только он видел свою доченьку, душа его таяла, а лицо против желания расцветало улыбкой. Только для нее он оставил в душе частичку тепла и радости.

Тем временем Нина все дальше отдалялась, не смотря на заботу и любовь, которой она окружила мужа, он не отвечал взаимностью, отгородившись непреступной стеной. Желание Егора вернуться в комиссию вызывало у Нины тревогу, но грубость, с которой он каждый раз обрывал разговор, начатый женой, начисто отбила у нее желание хоть как-то повлиять на мужа. Она лишь чаще молилась, стоя у лампадки, и, чтобы не раздражать Егора, делала это, когда он выходил на улицу подышать или выкурить папиросу. Просила она Бога только об одном, чтобы простил он Егора за его злобу и ненависть.

- Ну все, здоров, – подбадривал он себя, направляясь к Всеволожскому.

Часовой у штаба все так же расхлябанно нес службу, прислонившись к стене, словно подпирая ее или стекая с нее квашней, равнодушно осматривал Егора, входившего на крыльцо. Но Правдин одарил его таким взглядом, что дополнять его словами было не нужно. Солдат в страхе отпрянул от стены, при этом чуть не потерял равновесия, свалившись к ногам сурового человека, но, чудом устояв, одернул шинель и встал по стойке смирно. «Все уважают только силу», – в очередной раз подметил Егор, подтвердив свою теорию жизни, которую он для себя подтвердил за время болезни. Единственное безупречное качество – это сила, оно применимо как к человеку, так и к государству.

Всеволожский, встал из-за стол, и осмотрел Егора с ног до головы.

– Исхудал ты сильно, товарищ Правдин, а рука крепка, как и прежде. Я рад, очень рад, что ты в строю. Как самочувствие?

– Все хорошо, – ответил Егор. – Бездельничать больше не могу. Мне бы человек двадцать солдат с оружием, нужна сила, – он сжал кулак, а лицо его потемнело, и вдоль скул заходили желваки. – Хлебные обозы должны хорошо охраняться, а всяким тварям пора рога поотшибать, так мы быстрее города накормим. Уговоры и увещевания – не наш путь.

– Да я только за, – воодушевился Всеволожский. – Я всегда был противником всякого рода компромиссов. Мы – власть! Мы – закон! Какие еще нужны доводы? Одобряю. Лишь один вопрос, самый главный: людей вооруженных у меня нет... Я попросил старший надел выделить солдат, пообещали, но сам понимаешь обещанного три года ждут, а мы ждать не можем. Ладно, завтра сам отправлюсь в надел, постараюсь обеспечить тебя людьми. А пока ступай домой, набирайся сил, жди, я человека за тобой пришлю.

Выходя из штаба, Егор увидел часового стоящего по стойке смирно, выпятившего грудь колесом. Правдин уставился на солдата, заглядывая ему прямо в глаза и сквозь них, пронзив бедолагу до самых портянок. Бедный часовой захлопал ресницами, стараясь смотреть мимо безумного человека, краснея ушами и левой щекой.

– Ну- ну, – похлопав его по груди, произнес Правдин и отправился домой ждать посыльного.

Дни ожидания тянулись медленно, Егор проводил их лежа, мечтая о своем отряде. Он уже видел, как врывается в село и наводит ужас на всех, в особенности на кулаков, которые, в свою очередь, безропотно сдают зерно, не оказывая ни словесного, а тем более, силового сопротивления.

Лишь изредка он оставлял свои мечты и планы и уделял время Машеньке, катая ее на себе как лошадка, тем самым приводя ее в такой восторг, что вся хата заливалась ее задорным смехом, будто наполняя ее теплом и светом. В такие моменты Нина чувствовала себя счастливою, видя на лице Егора улыбку, а не гнев с играющими желваками. В отличие от дочурки, внимание сыну почти не уделялось, записав его в балбесы еще в прошлой жизни, отец по-прежнему был холоден с ним.

– Егор там... – почти расплакавшись, произнесла Нина, указывая на дверь.

– Товарищ Правдин, вас до Всеволожского вызывают.

Услышал Егор бодрый голос солдата из сенцев, отвлекший его от игры с дочерью. Наконец его час пробил! Сердце приятно екнуло, теперь он возьмется за настоящее дело. До штаба добежал на одном дыхании, уже с проулка увидел солдат, кто-то из них спешился, кто-то оставался в седле.

– Ну, вот, принимай своих бойцов, – улыбаясь, говорил Всеволожский, выходя из штаба.

И хотя на душе у Егора был праздник, внешне это не выдавалось никак. Ни один мускул не дрогнул на лице, выдавая радость, ни глаза, остававшиеся холодными, с отблеском белого снега, ни губы, словно сделанные из безжизненного гранита, всем видом говорившие, что проносить они могут только приказы и команды. Все это крайне суровое и неприветливое лицо

довершал устрашающий шрам, который не предвещал ничего хорошего никому. Таким увидели бойцы своего командира.

– Становись! – Скомандовал Правдин.

Отряд выстроился в шеренгу, и старший подразделения доложил:

– Товарищ революционный комиссар, спецотряд в количестве восемнадцати человек прибыл в ваше распоряжение, старший подразделения Борщев.

Медленно проходя вдоль шеренги, Егор всматривался в лица солдат. «Да, народец разношерстый, но колючий, видно тертые ребята: лица обветренные, загорелые порохом. Неплохо для начала, неплохо», – отметил он, дойдя до крайнего бойца в шеренге. Он поразил Егора, особенно на общем фоне, тем, что он был намного моложе, щуплый, в маленьких, круглых очёчках. Как-то так тужился он, чтоб подобрать меткое выражение. Такой он весь жиденький, чахленький, интеллигентик, уж больно похож на демократика, вспомнил он свою прошлую жизнь.

– Фамилия? – Спросил Правдин.

– Рядовой Смертькевич.

«Вот так фамилия!» – Подумал Егор, представляя вместо шашки у бойца косу, а что, при желании, сходство можно разглядеть...

– Вольно, разойтись, – скомандовал Егор.

Душа Правдина ликovala и пела теперь, его ничто не остановит. Он построит то единственно правильное государство, которое не удалось построить другим. Сила его убежденности была в том, что он знал причину прошлых неудач, и состояла она в главном, что у товарища Сталина не было такого помощника, как он, Егор Правдин.

Глава 7

Сталин засмеялся своим обычным смехом, беззвучным, сдержанным, лишь небольшая улыбка и содрогающаяся грудь говорили о том, что он смеется. Подобное веселье могло вызвать только что-то очень забавное.

– Ай, молодца, – произнес вождь, отложив в сторону газету «Красная колея».

Не только в главных газетах есть что почитать, но и небольшие издания могут порадовать. Есть молодые корреспонденты с незамыленным глазом, которые по-другому, задорно, ярко, подмечают превосходство социалистического строя перед загнивающим капитализмом. Очень правильный журналист, этот, как его? Вождь посмотрел фамилию автора статьи: Проханкин, да- да, Проханкин. Да, его инициатива была очень интересной, заслуживающей особого, пристального внимания. Все это и вызвало такой восторг у Сталина. Взяв газету, он стал перечитывать понравившуюся статью, в очередной раз получая истинное наслаждение:

«Все абсолютно, все говорит о превосходстве советского строя. Гигантское Великое Государство, возглавляемое Величайшим Мыслителем Иосифом Виссарионовичем Сталиным, бьет новые рекорды, покоряя все новые, недостижимые доселе вершины. Только наш советский человек, спустившись в шахту, может стать настоящим героем – Стахановцем, и добыть за смену столько угля, сколько на гниющем западе не добудет целая бригада. Герою – шахтеру вторят сталевары и крестьяне, инженеры и люди культуры. Все, как один, в едином порыве возгордимся страной! Процветай, моя Родина, Союз Советских Социалистических Республик! Крепни, Великое Государство, принимай труды достойнейших твоих сынов:

...Василия Шандыбы, красного крестьянина села «Жернова революции» Бовского надела. Этот верный сын своей отчизны вырыл самую большую в мире могилу, в которой непременно будет похоронен весь мировой капитализм разом.

...Владимира Соловья, кузнеца завода Красная вершина, – он, воодушевленный почином Василия Шандыбы, изготовил самые большие кандалы в мире. В них, он уверен, будут закованы все приспешники и прихлебатели, враги и прочая недостойная жизни мразь.

...Аксим Шеченко, Глеб Авловский, Сергей Пургинян – эти достойнейшие представители советского пишущего сообщества, в свою очередь проникнувшись почином рабочих, крестьян и советской интеллигенции, всего лишь за год документально описали счастливую жизнь советских людей в трехсот шестидесяти пяти томах. Это невероятный пример патриотизма, безграничной любви к своей стране, к человеку труда, к вождю мирового пролетариата, великому товарищу Сталину. Более того, наши рекордсмены обязуются в кратчайшие сроки в разы побить свои рекорды!

Советские люди по достоинству оценят открытие нашего лучшего ученого Сергея Мракова. Это настоящий советский ученый, коммунист, физик, математик, астроном. Он все доказал математически и вывел бескрайние формулы, опираясь на которые можно с уверенностью сказать, что звезды, открытые советскими астрономами на двадцать, пятьдесят, а некоторые и на все сто процентов светят ярче, чем звезды, открытые капиталистическими недоучками.

Какие еще нужны доказательства превосходства социалистического строя коммунистической идеи и мудрого руководства нашего Национального Лидера, Великого Вождя всего угнетенного человечества, товарища Сталина? НИКАКИХ».

Делал заключение сам автор и также пламенно продолжал:

«Я присоединяюсь к этим людям доброй воли и к остальным миллионам советских граждан, строящих могучее государство и счастливую жизнь. Предлагаю на бескрайних просторах советской тайги, вырубая огромные просеки, написать „СССР“. Пусть со всех самолетов, с луны и ближайшей звезды будет видно наше Великое Могучее Государство. И если есть во Вселенной разум, пусть он завидует нашему счастью! Счастью иметь в руководстве Страны

Советов величайшего из всех людей, когда-либо жившего на планете земля. Низкий поклон Вам, товарищ Сталин, за наше советское счастье!» – Так заканчивалась статья.

– Смотри, какой мелкий корреспондентишко, а как масштабно мыслит, – невольно приревновал Сталин. – А идея красивая, надо подумать над ее осуществлением.

Вызвав начальника охраны, хозяин потребовал доставить досье на этого, как его, опять забыл, Проханкина, да, да Проханкина.

– Товарищ Горбунок, и прошу не затягивать, – высказал пожелание Сталин, как будто могло быть по-другому.

Козырнув, начальник охраны отправился выполнять приказ. Отлаженный механизм заработал мгновенно и в полную силу. Досье на Проханкина, пополненное характеристикой с последнего места работы, уже направлялось заказчику. А вот самого зачинщика переполоха пришлось выискивать в одном из экспериментальных крестьянских хозяйств. Суть же эксперимента заключалась в коллективном ведении хозяйства. И надо сказать, результат впечатлял: резко увеличались надои, невероятно повысилась урожайность, и остальные социалистические показатели не отставали, вселяя уверенность в эксперименте. Вот сюда и был направлен корреспондент «Красной колеи» по заданию редакции.

Когда машина, прозванная в народе черный ворон, подлетела к правлению, подняв клубы пыли до небес, все, находящиеся в помещении, побелели, словно актеры театра Кабуки, а передовая доярка Любовь Близка, у которой Проханкин брал интервью, от переживаний и вовсе лишилась чувств. Она была уверена, что ворон прилетел именно за ней в связи с ее молочными манипуляциями. Но эти переживания были напрасны, машина увозила журналиста, а доярка так и осталась передовицей, пока.

Всю дорогу несчастный Проханкин клял судьбу, выбранную профессию, знакомых и незнакомых людей. Судорожно перебирал в памяти свое прошлое и настоящее. Где находится причина, по которой он в этой страшной машине? Когда оступился? В далеком прошлом или в недавнем, в большом или малом он виноват? Насколько хватало концентрации, перебрал события последних дней, ничего подозрительного, просмотрел свою прожитую жизнь, заглянул немного в будущее, там тоже ничего. Но причина есть, без причины не могут... Нет, неужели это она... догадка озарила его сознание, заставив мгновенно промокнуть рубаху. Руки затряслись, ноги заходили ходуном, к лицу прихлынула кровь, а к глазам слезы. «Что же я наделал, я этой сволочи, Надтюрту, проговорился, что хотел бы иметь французский бритвенный прибор. Еще и уточнял, почему, мол очень мягко и безопасно бреет, надежен, удобен. Вот идиот, идиот,» – проклинал он себя. – «Сам своими руками вырыл себе могилу».

Его привезли в тюрьму и, ничего не объясняя и не предъявляя обвинений, заперли в одиночной камере. Воля была окончательно сломлена, но сознание пыталось бороться, выстроить логичное объяснение, вывернуться, выкрутиться любой ценой. Уж очень хотелось жить. А что в этом плохого? Он молод, талантлив, и почему бы не пожить еще? На благо великой Родины.

«А я скажу, что Надтюрдт – сам враг и подправил свою анкету. Поковыряются, непременно найдут, за что его расстрелять, у каждого зад замаран, ты даже не сомневайся. Жаль меня это не спасет, зато отомщу этому проклятому французу, не зря, ох, не зря наши карающие органы не доверяют всей этой гнусной иностранщине.»

В то самое время, когда Проханкин строил планы мести, Сталин читал его досье. Прочитанное нравилось своей безупречностью и даже, как ему показалось, стерильностью, но этим оно и настораживало. Как может получиться такой идеальный человек: ни тебе прыщика, ни тебе бородавки? Конечно, существовало некоторое количество людей с безупречной, так сказать, родословной. Но их очень мало, так мало, что пальцев одной руки хватит пересчитать. Сталин уже начал было загигать мизинец своей левой руки, желая перечислить поименно людей с безупречной родословной. Но передумав, стал дальше размышлять о данной, важной, по его мнению, проблеме. Правда, почти все они существовали прежде и память о них живет

лишь в преданиях и народных небылицах. Он снова прервал свои размышления и сосредоточенно стал набивать трубку табаком и неспешно раскуривать. Убедившись, что табак разгорелся в полную силу, он с наслаждением выпустил серое облако и, поправив усы, продолжил. Нынешнее непростое, поворотное для всего человечества время озаменовано лишь одним единственным величайшим событием: наличием непревзойденного гениального ума. А вот вся последующая человеческая история, непременно, будет пуста, бессмысленна и глупа...

Он снова выпустил густое облако и сдержанно улыбнулся. Затем, взглянув на досье, вспомнил, отчего развились такие мысли, решил, если поковыряться, то непременно обнаружится что-нибудь эдакое в этом, как его? Снова забыл. В Проханкине... Но пока оставим все как есть, сделаем вид, что верим всей этой писанине. А там, там видно будет. Он вновь вызвал начальника охраны и поинтересовался:

– Товарищ Горбунок, а как, по-вашему, где сейчас находится товарищ Проханкин?

По всему было видно, вопрос не застал врасплох начальника охраны.

– В следственном изоляторе, товарищ Сталин.

– Почему? – Искренне удивился вождь.

– Я распорядился, так сказать...

– Проявил инициативу? – Закончил за подчиненного хозяин. – Я полагаю, в жизни может произойти любой казус. Вдруг придется сидеть товарищу Проханкину напротив вас, товарищ Горбунок. Вы, товарищ Горбунок, такой вариант исключаете? А? Срочно доставить корреспондента ко мне!

Машина вновь везла бедного журналиста в неизвестность, а он продолжал сыпать проклятия Надтюрдту, всей душой ненавидя французский бритвенный прибор, а заодно французов, англичан, поляков, финнов, эстонцев так, на всякий случай. Проклинал троцкизм, капитализм, монархизм и все прочие социально чуждые измы, презирая их всей своей советской душой. У него не осталось сомнений, что его убьют. “Скорее всего, решили не возиться с допросами и судами, а просто удавить и списать все на самоубийство. Думаете, так не бывает? Бывает, ох как бывает. Больше всего обидно, что ни за что, без пользы, за какой-то паршивый бритвенный прибор. „Ведь совершенно ясно, что он не является врагом народа, государства или власти. Враги другие – жестокие, злые, беспощадные, они готовят заговоры и покушения на вождя или подрывают экономику, делают все, чтобы страна не расцвела счастливой жизнью, не встала с колен назло поганому Западу. Призывы к смерти подобных врагов он и сам не раз подписывал от имени группы советских граждан. «Но я ведь не такой, неужели они не видят?»

Заметив сквозь щель в занавеске, что машина въезжает в Кремль, стало еще страшней, чем от мысли о смерти. Положение дел менялось так быстро, что журналист «Красной колеи» не успел осознать происходящее и построить предположения. Еще минуту назад он прощался с жизнью, а теперь стоял перед самим Сталиным.

– Здравствуй, товарищ Проханкин! – Поприветствовал хозяин.

– Здравствуй, товарищ, товарищ

– Ну что же вы так волнуетесь, успокойтесь, я такой же человек, как и вы.

– Я просто никогда не думал, чтоб вот так рядом с вами, даже предположить не смел, – кое-как выдавил журналист.

Его лицо покрыли огромные капли пота, а во рту, наоборот, пересохло, мешая ворочать непослушным языком. Весь его взъерошенный, испуганный вид говорил о сильнейших душевных переживаниях.

– Да не волнуйся ты как ребенок, в самом деле, – с недовольством в голосе произнес хозяин. Его начинал раздражать ступор, в который впал гость. – На чай тебя пригласил, поговорить о том, о сем.

После этих слов с плеч Проханкина свалился стотонный груз, от вдоха полной грудью у него закружилась голова, дышать стало немного легче, но дрожь в коленях все ж осталась.

Разговор начался сам собой, незаметно, непринужденно, Сталин вдруг стал вспоминать детство и юность, от воспоминаний повеяло южным солнцем и чистейшим горным воздухом. Слова зажурчали бурной горной речкой, а большой кабинет словно наполнился светом, озаряя их лица, согревая беседу. Хозяин расспрашивал гостя о жизни, слушал внимательно, уточнял мелочи, был очень отзывчивым и учтивым. От прежнего страха не осталось и следа, корреспондент воодушевленно отвечал, иногда сам задавал вопросы, не замечая, по профессиональной привычке. Уже было выпито по второй чашке чая с лимоном, а беседа велась, словно они были старыми добрыми друзьями, свидевшимися после долгой разлуки.

Проханкиным овладевал восторг от этого человека. «Что за умница, – думал он, – что за человечище! Добрый, душевный, необычайно заботливый, переживающий за каждую мелочь, за каждый винтик, за каждую шестереночку этого огромного механизма под названием Советский Союз. Как повезло нашей стране, что именно у нас такой Великий Вождь – умнейший, честнейший руководитель. Какое счастье, какое счастье, что я могу быть рядом и разговаривать дышать с ним одним воздухом, смотреть в одну светлую коммунистическую даль. «в этот момент они заговорили о будущем, оно было настолько прекрасным и счастливым, что у корреспондента кольнуло сердце.

– Твоя статья хороша, очень мне понравилась, – похвалил Сталин. – А инициатива заслуживает всяческого внимания.

– Только под вашим мудрым руководством, могут рождаться такие идеи, товарищ Сталин, – передавая права на инициативу хозяину, ответил Проханкин, при этом густо покраснев, так как сознательно и неприкрыто льстил.

Но вот понемногу разговор стал затухать, все больше удлинялись паузы, а это верный знак завершения встречи. А как хотелось ее продлить, побыть рядом еще хоть миг, еще хоть вздох. Корреспондент был готов отдать все, что есть, даже саму жизнь за то, чтобы быть рядом с гением всего прогрессивного человечества как можно дольше. Но это самая несбыточная, неисполнимая мечта на свете. Ах, как жаль.

– Продолжайте писать ваши замечательные статьи. Вы очень талантливы, товарищ Проханкин, – напутствовал на прощание журналиста Сталин.

Корреспондент «Красной колеи» не верил в загробную жизнь, в херувимов и ангелов, но точно знал, чувствовал всем своим существом, ощущал, что несут его крылья. Да, да, крылья! Ах, каким гениальным должен быть человек, чтоб после встречи с ним отросли крылья! Пожалуй, это самый гениальнейший из гениев, мудрейший из мудрецов, за все существование человека на планете земля. О чудо!! О чудо!!! О счастье!!!!

На следующий день в газете «Красная колея» вышла новая статья журналиста Проханкина: «Сталин – мой Отец». Отец читал этот пахнувший свежей типографской краской шедевр, улыбался, поглаживая усы, дымил трубкой, готовясь выпороть названного сына.

Глава 8

– Сашенька, открой! Саша, это я, Варя, – женщина как можно осторожней стучала в дверь, стараясь не разбудить чутко спящих соседей.

Александр открыл дверь и с удивлением уставился на сноху.

– Варька, тебя каким ветром занесло?

Женщина не успела ничего ответить, как слезы брызнули из глаз, заливая лицо, искаженное горем.

– Сашенька, Сашенька, горе- то какое: Борю арестовали.

– Тише, тише, не реви, успокойся, – ответил он, тревожно оглядев коридор, убеждаясь, что он пуст. – Сейчас я оденусь, и мы пойдем на улицу, там все расскажешь. Да не реви, кому сказал. Хотя нет, – подумав несколько секунд, добавил он, – мы будем похожи на заговорщиков. Входи в комнату и тихо, прямо на ухо, расскажи, что произошло. «И прошу тебя, перестань рыдать», – шепотом говорил он, – соседей разбудишь.

Варвара, как могла, успокоилась, не переставая при этом тяжело вздыхать, начала рассказ.

– Три дня назад Бореньку арестовали, прямо на работе.

– Зачем? За что?

– Говорят, за вредительство, будто бы бригадир обвинил Бореньку, что он широко разводил зубья на пилах пилорамы. Мол, опилок много, а досок мало. Но это все вранье, – всхлипнула Варя, готовая вновь разрыдаться.

– Тише, тише, – уговаривал ее Александр. – Давай дождемся утра. А там станем решать, что делать.

Сон долго не приходил, и они лежали молча, думая о пришедшей беде, Варя часто вздыхала, нарушая тишину. Под самое утро Александр провалился в сон, но он не принес ему облегчения, а казалось, еще сильнее утомил. Больше всего угнетала необходимость заниматься такой неразрешимой проблемой. С чего начать? Ответа не было...

– Варя, я сейчас на работу схожу, переговорю с главным редактором, он – мужик толковый. Может, чего дельного посоветует. А ты, по возможности, из комнаты не выходи, даже если в уборную, потерпи. Я скоро.

По дороге на работу он обдумывал свои действия. «Конечно, никому, а тем более главному редактору, ничего говорить не стану. Иначе это будут последние минуты моей работы в газете, а возможно, и на свободе. Что я могу сказать: моего брата арестовали? А просто так у нас не арестовывают, а если арестовывают, то тут же отпускают, я тому живой пример. Вот черт, а может Борька и в правду...? Да нет, какой из него вредитель? Обычный работяга, даже не пьет, никудышный из него вредитель. Значит, вышла ошибка. В этом случае его обязательно отпустят. А если нет, то получается, он – враг, а при таком раскладе защищать и заступаться за врага – это непростительная оплошность, это больше, чем ошибка, – это преступление!»

На скорую руку разобравшись с делами в редакции, он со всех ног бросился домой.

– Варюша, я поговорил с главным редактором, он советует пока ничего не предпринимать. Произошла ошибка, страшное недоразумение, а мы своей суетой можем только помешать в установлении истины. Если его не освободят, тогда и будем писать прокурорам, в газету, или самому Сталину.

– Ох ты, батюшки, – воскликнула Варя и с мольбой в глазах спросила, – а сколько ждать?

– Пока не знаю, буду советоваться с Виктором Тимофеевичем, он – мужик опытный, толковый, подскажет.

– Сашенька, так как же его отпустят? За все время никого у нас не отпустили. Еще бабы поговаривают, будто бы мужиков свозят в тайгу большие просеки рубить? Саша, зачем это, а...? Может война будет?

– Ты думай, что несешь, совсем из ума выжила

Он пальцем постучал по виску.

– Те, кого не освободили, были виновны, это ясно как белый день. А Борька не может быть виноватым, это и дураку понятно. Ты баб своих глупых не слушай и за чужих мужиков не переживай, ты за своего лучше думай. Больше пользы будет.

Они молчали, не зная, о чем еще говорить, с каждой минутой убеждаясь, что возврата к прежнему не будет. Потери неизбежны, поскольку дорога их жизни – это блуждание в топких болотах в кромешную ночь.

– Варя, а ты кому-нибудь сказала, что ко мне поехала? – Спросил Александр, прервав затянувшееся молчание.

– Конечно, Вальки Барабулькиной свекрови, чтобы за детьми присмотрела, переночевала с ими.

– Приедешь домой, скажешь, что меня не нашла, мол, я в командировке долгой. Нечего им знать про наши планы. Да и баб своих, дур набитых, не слушай, они тебе наговорят в три короба. Сиди тихо, не бегай по инстанциям. Сам все решу, приеду, расскажу, а ты больше не приезжай. Поняла?

Варя кивнула головой, понимая даже больше, чем он сказал. Она все поняла...

В очередном номере «Красной колеи», в передовице, вышла статья Александра Проханкина «Осиновый кол в могилу вредителей». Отцовские усы довольно подергивались, вчитываясь в словесный осиновый частокол. Способный малый, все верно понял...

Глава 9

Огненным вихрем покати́лся отряд Егора по наделам, сметая все на своем пути. Деревня за деревней, хутор за хутором. Тактика была выбрана самая простая и, на взгляд Правдина, наиболее эффективная. В поселениях выбирались самые зажиточные дворы, их обитатели выгонялись на улицу, женщины, дети, старики. Хозяина допрашивали с пристрастием, зачастую забивая до смерти, не скрывая своих методов дознания, на глазах у родных и всего села, секли плетями, таскали по земле, привязав за лошадь. Могли запросто отрезать уши, объясняя, что раз не слышит приказа сдать хлеб, то они ему не нужны. Уши советскому человеку нужны только для одной цели: слушать приказы – так любил повторять Правдин. Часто дома раскулаченных поджигались, запрещалось при этом выносить пожитки. Разрешалось только выть во весь голос и прославлять великое государство, которое непременно сделает людей счастливыми, верьте, так будет. Впрочем, перепадало и тем, кто не относился ни к кулакам, ни к другим врагам Великой власти, а был равнодушен или, более того, симпатизировал и всей душой поддерживал ее. Но такая мелочь никого не волновала и не заботила, перспективы были настолько грандиозные, что жертвами, какое бы их число ни было, можно было пренебречь. Наша страна готова на любые жертвы, вам это скажет любой – еще одно любимое изречение Егора.

Тактика тотального террора давала хороший результат, и за правдинскими отрядами нескончаемой вереницей шли обозы с зерном на станцию. А в ответ власти слали Правдину сургучовые пакеты с благодарностями и с пожеланиями, еще беспощадней относиться к врагам ради их Великого государства.

В первое время эти пакеты особенно благотворно действовали на Егора, он чувствовал поддержку огромной машины власти, в усиление и укрепление которой он прикладывал все свои силы и умения. Уверовав в собственную непогрешимость и правоту, он стал выходить за границы вверенных ему наделов. Огненный дракон пожирал все новые и новые деревни, вселяя страх в сердца ее обитателей. Но не все тряслись от страха, некоторые из обиженных и еще не убитых кулаков, те, кто не стал дожидаться погромов и унижения, уходили в лес. И каждый день, каждый сожженный дом, каждая рыдающая баба и плачущий ребенок пополняли ряды лесной артели. Первые сообщения о партизанских отрядах властями просто игнорировались, считалось, что серьезной угрозы эти недобитки не представляют. Впрочем, и партизаны пока себя ничем особенным не проявляли, лишь изредка нападали на обозы, которые плохо охранялись, и чувствовали себя спокойно. Но это было лишь делом времени: пока еще разрозненно группы бродили по лесам, начиная объединяться и укрепляться. Скоро, совсем скоро произойдет жатва, кровавая жатва тех семян, которые с таким упорством высевались карательным отрядом Правдина и сотнями других, терзающих измученную страну. Ведь у людей отнимали не только хлеб, у них отнимали само право на жизнь, право быть человеком, любить жен, растить детей, принимать самостоятельные решения. Сколько тебе нужно земли, какое хозяйство – решать только тебе, лишь бы хватило сил и ума.

Ах, какой равноценный размен: отнять хлеб, достоинство, жизнь, а взамен получить недоверие, злобу и ненависть.

– Товарищ командир, разрешите, – обратился Борщев, входя в избу, оборудованную под временный штаб. – Вам пакет из среднего надела.

– Хорошо, спутай, – ответил Правдин, стоявший у стола, поставив одну ногу на табурет и внимательно разглядывающий карту.

Вскрывая письмо, он отметил, что оно уже второе на этой неделе, что-то зачастили с благодарностями. Верхнюю благодарственную часть он пропустил и начал читать со слов: "Приказано явиться командиру отряда Правдину в средний надел для получения нового задания».

– Борщев, – крикнул Правдин.

– Слушаю, товарищ командир, – ответил Борщев, появившись словно из-под земли.

Умение Борщева быть всегда там, где он нужен, очень нравилось Правдину. Но чрезмерная услужливость и заискивающие глаза говорили о его неискренности. Потому Егор не мог определиться, как он относится к своему заместителю, но поскольку других претензий пока не было, старался относиться к нему требовательно, снисходительно и настороженно.

– Завтра с утра по приказу отбываю в надел, возьму с собой одного бойца, Коляскина, предупреди его, чтобы привел себя в порядок. Остаешься за старшего, а потому водку не жрать, баб не лапать, за нарушение дисциплины с тебя спрошу, если что, шкуру спущу!

– Так точно, товарищ командир, – и глаза Борщева выразили такую покорность, что казалось, он просто издевается.

– Свободен.

День катился к концу, и Егором вновь овладевало непонятное беспокойство. Сон утомлял и изматывал, за ночь он уставал больше, чем за день. Кошмары прерывались только тогда, когда он просыпался, пил с жадностью воду и выкуривал несколько папирос, стараясь прогнать видения, но все повторялось вновь...

Чтоб хоть как-то выспаться ложился поздно, вставал ни свет ни заря, иногда эта хитрость срабатывала, и на несколько часов он мог спрятаться от своих кошмаров.

Встав задолго до восхода солнца, курил и рассматривал карту. Все передвижения старался делать днем, в дороге высылал вперед дозор, а на стоянках выставлял часовых. Урок, преподанный Варламом, не требовал повторений и заучен был раз и навсегда. Да и сам Скоробогатов не выходил у него из головы, он так и не вернулся в деревню и где-то шатался по лесам со своими дружками. Ах, как хотелось бы встретиться потолковать о том, о сем, то-то душу бы отвел. Хотя какую казнь хотел бы применить к своим обидчикам до этого дня не решил. Вариантов было много, но убить можно было только раз, вот это обстоятельство сильно огорчало Егора.

Ну, наконец, ночь стала отступать, высветив белое пятно на востоке, которое расширялось, вытягивая первые солнечные лучи.

– В дорогу, – скомандовал Правдин, по привычке громко, словно весь отряд должен был, подчинится его команде. Два всадника направились в сторону надела.

До полудня ехали молча, Егору говорить не хотелось, а Коляскин не смел, заговорить первым. Уж очень в большом авторитете был у него Правдин.

Коляскин – человек средних лет, среднего роста, крепкий, с большим круглым лицом. Мутно-серые, невыразительные глаза беспрестанно бегали, словно боясь остановить взгляд и разочароваться в увиденном. Большой рот и припухший красный нос довершали всю эту нехитрую композицию. Характер у него тоже был невыдающийся, как и внешность, впрочем, был он исполнительным, но безынициативным. Скажешь, неси – несет, бросай – бросает, бей – бьет, жги – жжет. Практически идеальный солдат и гражданин, а еще у него были такие положительные качества, как тупость и наивность.

– А что, Коляскин, кем ты раньше был, чем занимался? – Прервал молчание Егор, желая отвлечься от своих мыслей. Коляскин несколько смутился от внезапного и прямого вопроса, но тянуть с ответом или соврать не решился.

– Я, товарищ Правдин, был этот, как его, – стараясь найти слово более подходящее, нейтральное, – я это, в некотором роде, хулиганил...

– В каком это роде, хулиганил? – Уточнил Егор.

– Ну это, как его, ну, гоп – стоп, одним словом.

– «Ну, гоп – стоп», не одним словом, а в переводе – это грабеж, так я понимаю.

– Так, товарищ Правдин, но это все царизм не давал нам житья. Вот мы и проучали всякую сволочь. Но я с этим давно завязал, сейчас мы вон порядок наводим, сейчас я за порядок всей душой.

– Ну ладно, ладно, – успокаивал его Егор, переводя разговор на другую тему, про себя потешаясь над этим недалеким человеком. – Ну, а насчет всемирной революции что думаешь?

– Я думаю, неизбежна она, совсем замордовали рабочих тамошних капиталисты проклятые. Душат, почем зря, простой люд. Но мы в стороне стоять не можем, – развивал свою теорию Коляскин. – Вот щас только рога обломаем кулакам, и айда на помощь братьям нашим тамошним. Как я, правильно думаю про всемирную революцию? – Переспросил Коляскин.

– Правильно понимаешь. Хвалю! А когда, по- твоему, мы управимся с этой гидрой кулацкой? – Допытывался Егор.

– Думаю, потрудиться придется, упираются заразы, но и мы, чай, не лыком шиты. Мы-то с вами – власть, значит и сила, и правда на нашей стороне, а у них что, только их кулацкое понимание, да и только.

«Смотри, какой гусь..., – подумал Егор, – себя во власть записывает, а сам-то глупей любого самого захудалого кулака, но перья распустил как павлин. Ладно, пусть для собственного успокоения думает так, а поддакнуть лишний раз – небольшой труд. Зато, за такую причастность к власти он не только врагам, он и себе глаза выцарапает.»

– Именно мы с тобой власть, Коляскин, поскольку преданны своему государству, народной власти и великому вождю, товарищу Сталину, до самых кончиков ногтей, до последней капли крови, до самого последнего вздоха.

Коляскин восхищался командиром: храбрый, умный, мог такую речь толкнуть, что аж мурашки по коже разбегаются. Настоящий мужик! Они еще долго разговаривали на разные темы, оживленно и с удовольствием. Тому способствовала хорошая весенняя погода и ощущение, что именно благодаря тебе государство встает с колен, и ты будешь поддерживать его под руку, пока оно не окрепнет. Но, непременно, оно о тебе вспомнит, отблагодарит, назвав улицу какого-нибудь городка в твою честь.

Солнце все настойчивей тянулось к горизонту на запад, переплыв большую часть неба, звало за собой, призывая путников добраться засветло до нужного им места. Эта помощь не прошла даром, и в скорости, в верстах девяти- десяти, показался средний надел. Егора на мгновение смутило увиденное: словно красный дым окутал надел, он трепыхался, вился вокруг построек, но дальше не улетал, будто попал в невидимые шелковые сети. Спустя секунду, Егор вспомнил, что скоро Первомай, и поэтому бесчисленное количество флагов, революционных лозунгов и прочей агитации развивается на весеннем ветру. Он помнил из своего далекого детства, что на Первомай пионерами ходили они в первый поход и пекли там картошку. В старших классах вместо картошки было вино и сигареты, а особо отчаянные открывали купальный сезон. Быть может, это все приснилось или видения явились во время болезненного бреда, но они так и остались в памяти. Впрочем, нет, он все прекрасно помнил и понимал, что была где-то совсем другая жизнь. С этими размышлениями они въехали на первую улицу надела.

Как любые окраины большинства поселений, включая большие и малые города, окраины надела были в ужасном состоянии. Дорога, разбитая после дождя колесами телег и копытами животных, так и высохла в развороченном состоянии, заставляя лошадей то и дело оступаться, спотыкаясь, недовольно фыркать, как бы упрекая людей за их равнодушие к своей жизни. Избы, казалось, вырастают из земли. Их грязные, закопченные стекла с множеством потеков, как глаза неведомого существа, жаловались на свою тяжелую жизнь, как, будто не замечая огромного количества красных стягов разного размера. Повсюду большие, маленькие, средние и огромные транспаранты, призывающие объединяться, бить врагов, строить новую жизнь. И словно в насмешку над жалкими лачугами между двух тополей был натянут транспарант с лозунгом:

«Да здравствует наш новый революционно- коммунистический быт!»

Возможно от счастья плакали эти существа – землянки, осознавая себя новым революционно- коммунистическим бытом.

В окрестных дворах не было ни единого человека, словно все вымерли, а количество кумача не давало возможности понять, где находятся органы власти. Проезжая мимо одного из домов, они увидели старика, он стоял посреди двора и, опираясь на кривую палку, о чем-то напряженно думал. Казалось, что он забыл, зачем вышел, и теперь, силясь, вспоминал.

– Дед, скажи, где у вас штаб? – Спросил Егор.

Старик все так же, не обращая внимания, стоял, в каком-то мучительном раздумье, ничего не отвечая. Егор повторил вопрос, но, так и не дождавшись ответа, отправились дальше по улице.

– Не нравится он мне, – вдруг заговорил Коляскин, может это кулак, замаскировался под глухого старика и смеется сейчас довольный, как ловко нас обманул.

– а раз кулак, то его надо пристрелить, что с ним валандаться... – Автоматически сказал Егор.

Коляскин стал разворачивать лошадь, чтобы вернуться назад.

– Ты что, совсем с ума сошел? – Осадил его Правдин, это просто глухой, немощный, выживший из ума старик.

– Ну, вы же сказали, – пытаюсь оправдаться Коляскин.

– Что сказал? Ты же думай хоть немного.

– А чего мне думать, сказали – сделал, – безразлично ответил Коляскин.

«Нет, конечно хорошо, когда беспрекословно исполняются приказы, ну чтобы вот так – это вообще тупость! Хоть немного мозгами бы пораскинул, хотя нет, пусть лучше так. Когда не думают, легче управлять и проще контролировать.» – Размышлял Егор, глядя на Коляскина, который напустил на себя серьезно – задумчивое выражение лица и от этого казался еще глупей.

Улица была все так же пуста, лишь на ветру шептали красные стяги, да транспаранты стряхивали с себя бойкие лозунги:

«Капиталистов бейте в глаз,

Мы счастье выстроим у нас!»

Вдруг с соседней улицы навстречу выскочил красноармеец на молодом добром жеребце и, не замечая двух всадников, направился мимо них. Но Егор вмиг очутился у него на пути и расспросил о нахождении штаба. Путь был известен, и они отправились в указанную сторону.

Егор, тем временем, все читал лозунги, они его веселили, когда он сравнивал их с лозунгами из прошлой – " будущей» – жизни, в которой он испытал бурный расцвет капитализма. Их даже не нужно было переделывать, просто достать из пыльных запасников и развешать.

«Мы – настоящая Власть!»,

«Наши планы грандиозны!»

«Мощь государства – счастье народа!»,

«Встал с колена, бей поленом!» и снизу неровно, корявыми буквами приписано «кулаков».

Молчавший до этого Коляскин спросил Егора, в чем смысл следующего лозунга: «Марс – красная планета!».

Егор, быстро смекнув, решил немного позабавиться и, приблизившись к Коляскину, сделал очень серьезное лицо, сказал:

– Я тебе открою страшный секрет, наш командарм, Найденный вместе со своей конницей, поднял революционное восстание на планете Марс. И теперь марсианские рабочие бьются со своими угнетателями.

Лицо Коляскина исказилось такой гримасой, как будто перед ним именно сейчас находился какой-нибудь марсианин. От такого секрета его всего затрясло, и он очень громко щелк-

нул кадыком, как будто дослал патрон в патронник. Егор разрывался от смеха, хотя ни капли плутовства не было на его лице, а наоборот, оно приняло еще более серьезное, секретное выражение.

– Товарищ Правдин, а как выглядят эти марсинянины? – С трудом двигая языком от возбуждения, спросил очумевший от секрета Коляскин.

– Ну, рабочие от нас почти ничем не отличаются, – сочинял на ходу Правдин, вспоминая толстовскую «Аэлиту», – а вот у их капиталистов тамошних имеется по две головы. Это для того, чтобы в два раза сильнее угнетать народные марсианские массы, и по семь пальцев на руках, это для того, чтобы за раз показывать сразу три фиги угнетенному классу. Новые сведения о марсианах настолько поразили Коляскина, что теперь нужно было переживать за его разум, хоть и ничтожное количество извилин водилось у него в голове, но все-таки заклинить могло намертво...

– Боец, – окликнул Егор солдата, который остановился и переваривал услышанное, боясь забыть что-либо от резкого поворота головы.

– А, товарищ командир, – спохватился Коляскин, – а какие у них там, ну, города, страны и...?

– Все Коляскин, более говорить не могу, это уже совсем секретно. Но ты и об этом молчок, ни-ни. А то, смотри...

– Могила, – ответил боец, потрясенный секретными сведениями. Он подцепил ногтем зуб, щелкнул и провел ладонью по горлу, демонстрируя всем своим видом, что «за базар» отвечает.

Впереди показался штаб, в этом сомнений быть не могло, поскольку здание было чрезмерно усердно обернуто кумачом. Да и количество военных возле здания говорило о правильном предположении. Коляскин опять отстал, Егор обернулся, чтоб убедиться в правильности своих предположений и, конечно, Коляскин не мог разочаровать. Он увлекся странным занятием, приложив одну руку к другой, загибал пальцы, заворачивая их в фиги.

«Ах, какой прекрасный живой материал, – подумал Егор, – глина брызгает, мажется, пластилин липнет к рукам, металл жесткий и требует много усилий, а этому просто скажи, и вот он уже с усердием что-то лепит из своих неумелых пальцев.»

Правдин доложил о прибытии и, в ожидании дальнейших распоряжений, отправился в столовую. Столовая встретила гулом непринужденных, расслабленных военных, которых было на удивление много. Можно было подумать, что весь надел собрался на чаепитие, поэтому и опустел. Оглядев собравшихся, Егор в начале пожалел, что нет ни одного знакомого лица, но затем обрадовался подобному обстоятельству. Встретить человека, который о тебе мог знать больше, чем ты сам, было бы неприятно. Но быть готовым к подобной встрече необходимо, она могла произойти в любую секунду. Егор был готов почти к любому повороту событий, намереваясь в случае чего, все списать на потерю памяти в результате ранения. Благо факт был на лице, и дополнительных разъяснений не требовалось.

Военные с кружками в руках стояли группками по всей столовой, иногда подходили к самовару и подливали кипятка. Там, где собралось больше трех человек, беседа протекала оживленно, говорили много, непрерывно жестикулируя руками. Время от времени эти группы заливались не громким, но задорным здоровым смехом. В отличие от них стоявшие по несколько человек просто вели какие-то беседы, особо не привлекая к себе внимания. В общем, обстановка была непринужденная, почти дружеская.

Егор подошел к самовару, налил чаю и взял бублик. Эти незамысловатые угощения лежали горкой на большом блестящем подносе. Осмотревшись вокруг, он попытался найти место, где можно было встать поудобнее, не привлекая к себе особого внимания. Не успел он определиться с местом, как вдруг, отделившись от одной из компаний, совершенно точно

к нему направился человек. Егор напрягся и сконцентрировал все свое внимание. Подошедший неуверенно осмотрел Правдина и все же спросил:

– Егор, это ты?

– Я....

– Сильно изменился, не постарел, нет... Стал мужественным, суровым.

Видя в глазах Правдина непонимание, он решил освежить в его памяти обстоятельства знакомства. Заговорил живо, по-видимому, искренне обрадовавшись встрече, вспомнил самые интересные, яркие эпизоды, пережитые вместе, внимательно следя за реакцией собеседника. Егор старался сосредоточиться, вспоминая то, чего вспомнить не мог. Весь его вид говорил, что он пытается вспомнить, но все его усилия тщетны. Возможно от большого нервного напряжения, чертовски зачесался шрам. Он стал его потирать, совершенно естественно играя роль человека, потерявшего память, не могущего без малейших зацепок вспомнить что-либо. Собеседник говорил о фронте, ранении, госпитале, о медсестре и о чем-то еще, но, как не напрягал Егор свою память, таких воспоминаний у него не было, да и быть не могло.

– Видать, тебе сильно досталось, – расслышал Егор слова сочувствия сквозь пелену, застилающую голову.

В ответ он кивнул, не переставая потирать шрам, который так раззуделся, что хотелось сорвать его с лица. От дальнейшего мучения Правдина спас адъютант: он доложил, что главный комиссар ожидает его. Проводив Егора в кабинет, адъютант закрыл двери.

– Товарищ главный комиссар, командир спецотряда, вверенного вам надела Правдин по вашему приказанию прибыл.

Главный комиссар среднего надела сидел за большим дубовым столом, застеленным зеленым сукном, на столе стояла лампа, чернильница, лежало несколько листов бумаги. Но Егора помимо его воли привлекли большие напольные часы. Они непроизвольно притягивали взгляд благодаря глубине и символичности замысла автора, а также качеству исполненной работы. Большая массивная нижняя часть была выполнена в виде фигуры кентавра: это мифическое существо, набросив силки на циферблат, старалось изо всех сил удержать пойманное время. Он упирался всеми четырьмя своими мощными ногами, напрягал мышцы рук, шеи, даже на лице проступало все его напряжение. Но время, пойманное в такие, казалось, надежные снасти, взмывало вверх, вырываясь каким-то непостижимым образом, старалось ускользнуть от ловца в бесконечности. И, скорее всего, это было ему под силу, поскольку несколько нитей уже порвались, и вот-вот вся сеть расплзется, оставив охотника без добычи. Наверное, он и сам это понимал, потому, как его лицо исказилось гримасой отчаянья. Никому, еще никому на свете не удавалось обуздать и удержать время. Оно одно имеет власть над всем сущим. Времени подвластно все: зажечь новую звезду, сотворить планеты и пробудить на них жизнь, создать того, кто по достоинству сможет осознать его величие. Но время такое же безжалостное оружие разрушения, как и искусный создатель. Оно стирает с лица земли города и страны, бросает в небытие цивилизации, уничтожает целые вселенные. Егору казалось это произведение мастера символичным лично для него. Он так же, как и этот мифический ловец, ухватил, поймал свое время, но он удачливей своего визави. Его добыча не вырывается из рук, не выскальзывает в небытие, оно изо всех сил старается помочь, делая из безызвестного и бесполезного кладовщика историческую фигуру. Он непременно войдет в историю своего великого государства, ведь именно его руками власть строит то, что в скорости назовут самой эффективной и справедливой системой человеческих взаимоотношений. Именно этот государственный порядок, создаваемый в том числе и им, Егором Правдиным, в меру его скромных сил, будет ему памятником, напоминанием потомкам о великом и героическом времени, о людях с несгибаемой волей и железным характером, положивших всю свою жизнь на алтарь государственного величия. Точно так же, как и этот мастер, изготовивший столь изящную вещь, являясь виртуозом своего дела, вложивший в свое творение частичку своей души, а возможно, и всю

целиком, стараясь таким хитрым образом обуздать и обмануть непокорное время. Но насладиться прекрасным, к сожалению, было недосуг.

Не дослушав доклад, комиссар встал и направился к Егору. Был он ниже среднего роста, плотный, но нетолстый, с небольшим животиком. Лет ему было примерно пятьдесят семь-шестьдесят, но выглядел он свежо и моложе своих годов.

– Рад познакомиться, товарищ Правдин, – подавая руку, произнес он, пристально всматриваясь в лицо Егора.

Хотя и обладал Егор крепкими руками, но ему показалось, что ладонь попала в тиски или под мощный пресс, в ответ он пожимал руку с не меньшим усилием. Глаза комиссара внимательно разглядывали каждую черту лица Егора, он, в свою очередь, изучал начальника. Встретившись взглядами, они походили на два клинка с блеском холодной стали, выискивая друг в друге какой-нибудь изъян.

– Нагорный Виктор Тимофеевич, главный комиссар среднего надела, – отпуская руку Егора, представился. – Рад, очень рад знакомству, – продолжил он. – Много о вас слышал хорошего, именно таким вас и представлял. Открою вам небольшую тайну, у меня лежат документы о награждении вас орденом Красной Правды, очень рад за вас, очень. Думаю, что мы с вами послужим великому делу – строительству мощного государства!

Егору показалось, что на щеках выступил румянец, их приятно разогрела прихлынувшая от волнения кровь, и полыхнули кумачом уши. Вот это настоящая власть: видит, ценит нужные дела, замечает, благодарит. Чертовски приятно, так приятно, что хочется кинуться и еще быстрее, с удвоенной, с утроенной силой закончить начатое дело.

– Служу трудовому народу! Спасибо, товарищ Нагорный.

– Рад за вас, товарищ Правдин, очень рад, награждение произведем на заседании в торжественной обстановке. А сейчас, – продолжал Виктор Тимофеевич, – есть небольшой вопрос, требующий разрешения. Я бы не стал его поднимать: из-за своей мелочности не стоит он наших усилий и внимания, но слишком далеко шагнула эта кляуза, минуя меня. И оттуда, – возведя глаза вверх, как бы указывая, насколько высоко находилось то, о чем шла речь, Егор даже непроизвольно посмотрел на потолок, – так вот, оттуда пришла резолюция, которая требует разобраться и ответить по следующим обстоятельствам...

Нагорный вызвал адъютанта и о чем-то распорядился. Предложив Егору сесть, он подал ему резолюцию, которая приказывала разобраться с инцидентом, произошедшим в селе «Стамесовка», по-старому, переименованном в настоящее время в «Красное зубило», и доложить в главный надел. Прочитав резолюцию, Правдин недоумевал, какое отношение это имеет к нему. Все его мысли и дела были направлены на достижение одной единственной цели, а цель эта была велика и благородна.

Адъютант вошел в кабинет и пропустил за собой человека. Вошедший оказался мужичком примерно одних годов с главным комиссаром. Одет он был в бедную деревенскую одежду, залатанную не по одному разу, но все же она была чистой и даже опрятной. Чего не скажешь о лохматой, давно нестриженной голове: длинные пряди волос нависали на глаза, сильно мешая смотреть. Выглядывая из-за волос, словно из засады, испуганные глаза бежали от Правдина до Нагорного и наоборот. Мужик явно не мог определить кто из военных главный. Поди, разбери их, кто больший начальник: тот, у кого пузо, или тот, у кого морда страшная как у сатаны. «Господи помилуй, » – перекрестился он мысленно. Решив, что главный все-таки тот, который с пюзом, глаза его перестали бегать и остановились на Нагорном. Боясь заговорить первым, он ожидал разрешения, нервно теребя картуз в руках и переминаясь с ноги на ногу. С того момента, как он вошел в кабинет, мужик как будто стал меньше ростом, съежился, подогнув ноги в коленях, того и смотри, рухнет на четвереньки. Да, здесь любой смельчак в штаны навалит, когда на тебя волком смотрят такие морды, а угрожающий шрам Егора и вовсе действовал угнетающе. Проситель шмыгнул носом и негромко вздохнул, готовясь к худшему.

– Я – главный комиссар надела, Нагорный, – начал разговор хозяин кабинета, – это командир спецотряда, товарищ Правдин, – указывая рукой, произнес Нагорный, – Кто ты, и в чем твой вопрос?

Мужик еще сильнее согнул ноги в коленях, всем своим видом показывая, что жалеет, теперь уже жалеет о своем визите и вообще, о том, что у него есть вопрос к власти.

– Я это..., – начал, было, мужик неуверенно, тихим голосом. – Я и мы все, кто, когда, ну это, как это, ну, как будто бы того... Вроде как, ну, пострадавшие, которые, – выдавил наконец он из себя. – Я, то есть мы, просили бы власть того, это, нам помочь, возместить как бы наше горе вон какое.

– Ты что-нибудь понял? – Спросил Нагорный Правдина. Егор покачал головой. – Вот и я не понял. Ты бы нам сказал, кто ты, откуда, и по возможности более понятно, в чем проблема? – Обратился он к просителю.

– Прошу прощения, мы, то есть я, Шмаковский Михаил, из деревни «Стамесовка», то есть нынче «Красное зубило». А проблема, как вы изволили сказать, в том, что мы – погорельцы, все двадцать четыре двора, вот. Почитай со всей живностью... Дал Бог, люди не погорели.

– Ну гражданскими вопросами мы не занимаемся, тебе нужно было к товарищу Сальскому, в комиссию по сельскому хозяйству.

– Были, были мы у товарища Сальского, только в тот раз не я был, а Клавдий Кривой к нему кланялся. А товарищ Сальский обругал Клавдия и сказал, что зубы выбьет, если еще раз его побеспокоят. Раз, говорит, у вас с военными конфуз вышел, вы к ним и идите разбираться, а мне не до вас, своих хлопот полно.

– Ну, а мы причем тут, военные? – Спросил Нагорный.

– Так деревня и погорела после налета, ой, извините, спецоперации по раскулачиванию товарища Правдина и его ..., – задумался он на секунду, подбирая правильное слово, – отряда... Мы-то дома кулацкие пожженные затушили, казалось, ни в чем опасности более нету, но к вечеру ветер разошелся, да такой сильный, что на ногах ели устоишь, видать он и раздул головешку тлеющую. Вот так случился пожар, мы-то никого не обвиняем, мы тока помощи просим.

С каждым словом лицо Егора мрачнело, он понимал, что во всем произошедшем винят его, и это глупое, нелепое обвинение еще больше злило. Еще не хватало, чтобы какие-то сгоревшие дома и этот неотесанный убогий деревенский мужик стал причиной его порицания или какого-нибудь взыскания. Егор совсем посерел от злобы, и казалось, что вот- вот грянет гром, поскольку шрам-молния уже рассекло тучу лица.

– Вы что там с ума все посходили, вы власть обвинять вздумали? – Закричал Егор, совсем забыв, что находится в кабинете старшего по званию и по должности. На крик вошел адъютант и встал у дверей, молча наблюдая за грозой. Шмаковский, уже давно ничего хорошего не ожидавший от своего визита, теперь совсем сник, пожалев о том, что осмелился просить, укорять или обвинять в чем-либо власть.

– Вы потворствовали кулацкому отродью, – продолжал кричать Егор, указывая на Шмаковского. – Вы преступно молчали и бездействовали, когда кулаки прятали хлеб, отъедая свои морды, создавая голод в стране. В ваших пустых головах не появилась мысль о том, что, разобравшись со своими врагами, вы бы предотвратили необходимость в нашей спецоперации. Но вы тряслись от страха перед богатеями. А после того, как мы навели порядок, вы расхрабрились, мол, погорели, пострадали, спасите, помогите. Погорели вы и пострадали по собственной вине, или хочешь сказать, что тот, кто потворствует врагу, не враг?

Каждая фраза, каждое слово молотом вгоняло мужика в пол, словно желая забить его полностью, целиком, оставив на поверхности лишь лохматую нечесаную голову.

– Прошу прощения, – выдавил из себя Шмаковский, в голосе которого слышались жалобные нотки. – Прошу прощенья, сами мы виноваты, вы правильно подметили, сами...

Видя покорность, с которой мужик принял обвинения в свой адрес, Егор сбавил давление, переводя дух.

– Я думаю, вопрос нужно решить следующим образом, – заговорил Нагорный, молча наблюдающий за происходящим. – Как правильно заметил товарищ Правдин, вина лежит на вас самих. А раз так, то ваши проблемы должны решать ни мы, военные, ни другие государственные власти, а вы сами. Сами напортачили, сами и разбирайтесь, кто не дотушил, кто не доглядел. Думаю, найдете виновных, – уточнил старший командир.

– Согласен, согласен. Найдем всенепременно, найдем, – закивал головой Шмаковский, он готов был согласиться со всем на свете, лишь бы скорей закончилась эта страшная казнь.

– Ваше согласие, это еще не все, – продолжал Нагорный, – вы должны написать письмо в главный надел, куда вы свою клязу направили, с разъяснением, что ни к военным, ни к гражданским властям у вас претензий нет. Мол, сами, по своей оплошности погорели. И непременно укажите виновника или группу лиц, причастных к пожару. Письмо мне передадите, в главный надел я его сам переправлю, три дня вам даю срок. Хватит времени разобраться?

– Хватит, – закивал обрадованный проситель, предчувствуя скорое окончание экзекуции. – Еще и останется, – уточнил он.

– Еще есть просьбы, проблемы, которые необходимо решить?

– Какие там у нас могут быть еще проблемы? Теперь все у нас хорошо..., тепериче все нам понятно... Письмо справим, виновных отыщем, все в точности, как вы велели!

Адъютант проводил Шмаковского за дверь, выйдя вместе с ним.

– Товарищ Нагорный, – обратился Егор, – я не могу понять, что творится на белом свете? Какой у нас близорукий народ, какое неблагодарное темное наследие нам досталось. Дальше собственного носа ничего не видят и даже не стараются осознать масштаба происходящего. Разве они не понимают, какие великие у нас замыслы, какое грандиозное государство мы строим! Как можно ставить на этом великом пути свой бедный скарб и соломенную крышу? Мы, невзирая на трудности и опасность, не щадя своих сил и жизней, боремся за их счастье. И такая благодарность?

Весь вид Правдина говорил о том, что он абсолютно искренен, без всяких задних мыслей.

– А ты что думаешь, Егор? – Положив руку по-отцовски на плечо Правдина, произнес Нагорный. – Осознание счастья им само в голову придет? Нет! Я уверен, что сей факт счастливой жизни, им нужно вбить в самую глубину мозгов, чтобы они это почувствовали всеми своими потрохами. И сделать это нужно раз и навсегда. Вот такое у нас с тобой историческое предназначение!!!

Шмаковский, не помня себя, выскочил из штаба. Добежав до проулка, пересек улицу и, не замечая своих спутников, ожидавших его, кинулся в парк. Некогда ухоженный, с тенистыми аллеями и изящными скамейками, сейчас же совершенно запущенный, парк служил убежищем для домашних животных от знойного солнца и ненастья. Вот туда и направился Михаил, не обращая внимания на возгласы и вопросы своих товарищей. Терпеть больше не было сил, и, пристроившись за кустами цветущей акации, он разом дал ответ на все вопросы вырвавшимся из него переживаниями. Он глубоко вздохнул, получив облегчение, а затем икнул с необычайной силой. Видать тот, кто вспомнил, не слишком ласково о нем отзывался. Выйдя из-за спасительных кустов, Михаил подошел к спутникам и, не желая говорить, сел на телегу.

– Ну что, помогут нам, обещали? – Спросил один из двух мужиков, с нетерпением ожидавших просителя.

В ответ Шмаковский молчал, словно не слыша вопроса, стараясь хоть как-то справиться со стрессом.

– Михаил, чего молчишь? Отвечай, помогут? – Не унимался, человек, тряся молчуна за плечи.

Вдруг Михаил, словно очнувшись, сверкнул глазами из-под длинных волос и уставился на приятеля.

– А ведь это ты, Клавдий, просмотрел тлеющую головешку, из-за тебя погорели мы, – уверенный в своей правоте заявил Шмаковский.

– Ты что, Мишаня, опомнись, не я дома поджигал, я их тушил! Мы вместе с тобой всем селом тушили. – Пораженный нелепым обвинением оправдывался Клавдий.

– А может и не ты письмо надоумил написать? Говорил, пострадали от власти, пусть она возместит наши потери, добьемся справедливости. Добились, на свою голову. Нужно было как всегда сидеть да помалкивать. Выкрутились бы как-нибудь, не впервой. А теперь..., – его голос задрожал, и глаза с красными ободками тревоги налились слезами.

– Ты можешь объяснить, что случилось? – Не понимая, вопрошал потрясенный Клавдий.

– А щас объясню, ох как объясню, а ну слезай с телеги! – Грозным голосом приказал он.

Клавдий Кривой слез, как и было велено, а Михаил со злости стеганул лошадь, которая, не ожидая такого поворота, рванула что было сил и понеслась. Шмаковский свалился в телегу и, не поднимаясь, запрокинув голову назад, в сторону остающимся товарищам, закричал:

– Это ты, Клавдий, виноват, во всем виноват, и ты Гришка тоже...

Он еще что-то кричал, но уносившая все дальше повозка тянула за собой и слова, оставляя позади двух человек, ничего не понимающих, но виноватых во всех земных бедах.

Спустя неполные сутки, погорельцы «Красного зубила» уже настрочили доносы, обвиняя друг друга во всех смертных грехах. Это занятие так захлестнуло жалобщиков, что они забыли о причине конфликта. Они вспомнили все неблагоприятные поступки каждого селянина за прожитую жизнь, а покончив с прошлым, пускались в фантазии о будущем, пугая власть предположениями о гнусных замыслах своих соседей.

Надо сказать, спасибо советской власти за повальное умение людей хоть коряво, но все же излагать свои подозрения и жалобы на бумаге. Умение граждан писать доносы советская власть поставит себе в заслугу, как одно из важнейших своих достижений, назвав это всеобщей грамотностью. Сознательно умалчивая, что умения писать, читать и даже считать не являются грамотностью – это всего лишь навык писать, читать и считать. Грамотность – это умение самостоятельно думать, мыслить, отстаивать свое мнение, не соглашаться с подлостью и не множить ее самому. Ученики были достойны своих учителей, но даже наставники устали от потока обвинений и грязи, выливаемой сельчанами друг на друга, а потому сильное государство решило проблему разом. Всех погорельцев «Красного зубила», а также тех, кто уцелел от огня, да вдобавок жителей нескольких окрестных хуторов они, надо сказать, давно не нравились властям, поэтому их погрузили в вагоны и отправили в бескрайние казахские степи.

Все это время Шмаковский продолжал проклинать Клавдия Кривого, и когда везли их в неизвестность, бросая на произвол судьбы в бескрайние голодные степи, и когда хоронил своих детей, умерших от голода в многотысячных концентрационных лагерях. Страдая от потери жены, изведшей себя горем и умирающей долго, мучительно, иссохшей даже костями. Он, вслушиваясь в ее предсмертные хрипы, безудержно плакал, не уставая повторять: "Будь проклят ты, Клавдий Кривой..." Даже когда его собственная смерть остужала и синила немеющие губы, и он не в силах был ими шевелить, все ж мысленно кричал: "Да будь ты проклят, Клавдий Кривой. На веки проклят!"

Глава 10

В отряд Егор возвращался с новым заданием, инцидент со Стамесовскими крестьянами забылся сразу, ведь он нисколько не отразился на его карьере. И, более того, награда, которую он получил, подтверждала правильность поступков и оправдывала его чрезмерную жестокость. Новое задание говорило о том же. Бовский надел совсем взбунтовался, крестьяне не желали расставаться со своим хлебом и чинили препятствия. В отличие от тех наделов, в которых Егор со своим спецотрядом уже навел порядок, Бовский надел отличался зажиточностью. Бедных и вовсе нищих в этом наделе по какой-то причине было немного, потому опереться на их поддержку не получалось. А крепкие крестьянские дворы держались дружно и не желали сволочиться по приказу власти, а напротив, помогали друг другу, защищая свое имущество и семьи. Власть не устраивало такое положение дел: с какого перепугу неотесанный мужик будет командовать и своевольничать? За такое поведение – сечь головы без сожаления, но вставал главный вопрос: рубить придется всем или, в лучшем случае, большинству. Но выбора не было: в назидание всем остальным придется устроить кровавую баню в отдельно взятом наделе. Егору подобная практика казалась разумной: чтобы ребенок понял, что утюг – опасная игрушка, нужно разочек обжечься, а взрослый – тот же ребенок, только понимает другие примеры. Порубим, пожжем, народу меньше не станет, а вот порядка прибавится. Либерально-демократические сопли – это удел слабых..., вспомнил он спор с братом. Грядут новые времена, совсем скоро советский крестьянин забудет слова «кулак, середняк, хозяин», все станет общим, колхозным. Зарычат тысячи тракторов, комбайнов, бесчисленные стада животных заполнят пастбища и загоны. Ну, и где вы видите хозяина? Жалкий пережиток прошлого в прошлом и останется, чтобы не мешаться под ногами на пути в прекрасное будущее.

Отряд встретил Егора восторженно, награда красовалась на груди, придавая его обладателю новый статус недосягаемости. Ко всем прежним достоинствам Правдина прибавилась еще одно: потрогать его руками или увидеть невозможно, оно, словно невидимая оболочка, охватывала, заставляя окружающих трепетать и подчиняться. Однако новым человеком в отряд вернулся не только Правдин, но и Коляскин. Он знал такой секрет, что это знание ставило его выше остальных сослуживцев. Проболтаться о своей тайне он не мог, но полунамеками он давал понять своим товарищам, что знает что-то такое, чем заслуживает к себе особого отношения. Между делом он начал выспрашивать о планетах, кружащих вокруг солнца, о Юпитере, Сатурне и Марсе, как между прочим. Хотя особых знаний почерпнуть не удавалось: большинство вообще ничего не знало о космических делах, другие знали лишь то, что слышали, то ли правду, то ли вымысел. И только в Смертькевиче Коляскин нашел информированного человека, который достаточно понятно объяснил ему, как устроено пространство вокруг солнца. На вопрос, для чего ему это нужно, Коляскин уклончиво ответил, что когда будут освобождать от гнета рабочих капиталистических стран, ему не хотелось бы пасть лицом в грязь, рассуждая о космических материях. Вот так и бывает порой, получают неверную, а зачастую и лживую, информацию и развивают ее как единственно верную и непогрешимую теорию. Пожалуй, в этом и заключается сила убежденного знания, сила веры.

К переходу в Бовский надел Егор готовился серьезно, он прорабатывал каждую деталь, разбивая путь на участки, которые должны быть преодолены в светлое время суток. На ночлег решил останавливаться только в тех населенных пунктах, где есть власть со всеми ее атрибутами. Повсеместно участвовавшие случаи нападения бандитских шайек на обозы и небольшие вооруженные отряды сильно тревожили Егора. И он никак не мог взять в толк, почему все больше наводя порядок, все больше становилось беспорядка. Даже люди, которые не относились к врагам власти, не очень ее любили, они не мешали, но и не торопились помогать. А та небольшая сознательная часть, которая активно помогала властям, недолюбливалась большин-

ством, а иногда была и бита им. Но ничто не могло поколебать Егора в его решимости и правильности выбора. Все поймут, что другой дороги нет, и пусть этот путь к счастью людей лежит через кровь, ну что ж, так вышло.

– Товарищ командир, разрешите обратиться, – оторвал от размышлений Егора Смертькевич.

– Разрешаю, товарищ боец, обращайтесь.

– Товарищ командир, – начал Смертькевич, я хотел бы от всей души поздравить вас с наградой и поблагодарить за ваш командирский талант. Рад служить под вашим началом!

– Спасибо за такую оценку, – сухо ответил Егор, пожав руку и отдав честь.

Смертькевич, в свою очередь, четко приложил ладонь к виску и направился готовиться к походу. Егора искренне польстила такая благодарность, но она, высказанная из уст Смертькевича, была воспринята им настороженно.

Большинство бойцов своего отряда Егор знал, как изнутри, так и снаружи, устроены они были бесхитростно, примитивно, по типу бойца Коляскина, который в последнее время очень злил Егора. Он часто видел, как Коляскин складывал обе руки и крутил фиги, внимательно их рассматривая. От таких людей никакой опасности не исходит, так казалось Правдину. А вот Борщев и Смертькевич – эти были устроены сложнее... Борщев был скользкий как змей, да еще эти заискивающие глаза, все говорило о его неискренности. Ему бы в адвокаты податься, вот где ему место. Смертькевич же, наоборот, был положителен, целеустремлен и жесток. Правдину порой казалось, что по всем этим качествам он уступает молодому Смертькевичу. Это обстоятельство заставляло его держать дистанцию и быть всегда на чеку с такими людьми. Егор прошелся еще по паре своих бойцов, оценивая их морально-политические качества, одновременно отдавая распоряжения

Борщеву насчет подготовки к походу.

Переведя взгляд с карты в открытое окно, он с удивлением увидел, что там, за стенами избы, весна, она возбуждает все вокруг своими ароматами, а солнце словно гладит теплыми лучами. Вот шмель летит, натружено гудя крыльями, ударяется в оконное стекло, возмущаясь невидимой преграде, пытается повторить попытку, но и она терпит неудачу, заставляя мохнатого труженика удалиться восвояси, так и не преодолев прозрачное стекло. Лошади фыркали, отгоняя проснувшихся кровососов. Бойцы в свежeweыстиранной форме словно подыгрывают свежести весны. Как давно в погоне за всемирным счастьем он не замечал обычного каждодневного счастья, не далекого и эфемерного, а близкого и вполне реального.

Ну вот опять взгляд Егора выхватил Коляскина, который, греясь на солнышке, все также крутил кукиши, это можно было стерпеть, если бы рядом с ним не занимался тем же самым боец Чайников. Однако больше всего командира возмутило то, что занятие это им чрезвычайно нравилось и доставляло большое удовольствие.

– Коляксин, Чайников, ко мне, – скомандовал Егор в открытое окно.

В ту же секунду бойцы, выполнив приказ, стояли по стойке смирно перед командиром.

– Слушать меня внимательно, это приказ, – гаркнул он, – если еще раз вы будете заниматься вашими плетениями пальцев, я отрублю вам руки. Если после этого вы будете крутить пальцы ног, я отрублю вам ноги, чтобы весь пролетарский мир потешался над двумя идиотами. Что вам непонятно? – В упор уставившись на Коляскина как зачинщика, спросил Егор.

– Все понятно, – ответили бойцы, млея от страха, ведь сомневаться в исполнении угроз не приходилось.

Отойдя от командира, Чайников недоуменно спросил Коляскина, почему их невинное занятие вызвало такую ярость Правдина.

– За марсианинов переживает, – ответил Коляскин.

– За каких марсианинов? – Не понял Чайников.

– Забудь, – отмахнулся Коляскин, давая понять, что тема закрыта.

А весна не замечала всего происходившего: злобы Егора и проблем Коляскина и Чайникова. Она цвела садами и полевыми цветами, заливая все вокруг густыми, терпкими ароматами. Испаряющая влага, колыхаясь, словно говорила, что земля уже прогрелась, и звала хлеборобов, готовая принять и прорастить упругие зерна хлеба. Для многих – это был единственный способ выжить, а для других – одна из причин погибнуть. Но и это не волновало весну: глупые претензии одних людей к другим ее не касались. Весна – она просто весна. Однако и те люди, которые претендовали на жизнь других людей, также не замечали весну. Ведь пока они не построят настоящего, счастливого общества, настоящей весны быть не могло, она была как бы весна, на половину. Ведь в ней еще прятались враги, злые и беспощадные. А эти злые враги и те, кто еще не знал, что он враги, цеплялись за весну всходами пшеницы и окатившимися овцами, зацветающими садами и перестроенными амбарами, в надежде на хороший урожай. Молодыми женами и новорожденными детьми, детьми повзрослевшими – все эти люди так мешали жить другим людям, что иного выхода, как смерть, у них не было. А они так не хотели умирать.

А вы когда-нибудь умирали весной ради величия вождей? Пусть даже неполноценной весной, когда все вокруг говорит о пробуждении и силе жизни... Когда солнце дарит длинный день, а вечерняя девичья песня так сладостно отдает под ложечкой. Когда так хочется жить и любить. Не умирайте, не отдавайте ни минуты и ни секунды своей жизни тем, кто назначил себя вождем. Вы слышите, не отдавайте! Она принадлежит вам, и только вам! И прошу, нет, заклинаю вас, не отнимайте жизни у других!

– Что за демагогию, вы здесь развели? – спросил Егор, подходя к своим бойцам, которые, образовав круг о чем-то оживленно спорили, временами переходя на крик.

– Товарищ командир, – обратился рядовой Сопчук к Правдину. – У нас спор получился меж собой по приказу, который вы зачитали давеча, о тройном усилении борьбы с врагами власти.

– В чем суть вашего спора? – Уточнил Егор.

– Так вот, боец Коляскин утверждает, что тройное усиление борьбы с врагами власти говорит о том, что родственников кулаков и другого отребья нужно уничтожить до третьего колена, всех подчистую.

– В общем подходе он прав, – подтвердил Егор.

– Я, конечно, супротив врагов разговор не веду, согласен я, без всякого разговора, а только как же поступать с детьми кулацкими? Пущай годовалое дите, допустим, его чего, тоже того? Ведь оно по разумению своему никакого вреда власти принести не может...

– Но насчет детей скажу следующее: малолетних убивать нельзя, это преступление, но и оставлять их без внимания государство не имеет право. Будут создаваться и уже создаются специальные детские дома и приюты, где подобные дети должны пройти перековку и переплавку своих мозгов. Им каждодневно и методично будут вбивать, что правота и сила только в нашей власти. Ну, а если вырастут и не усвоят данный урок, то разговор с ними будет короткий, как и со взрослыми. Поверьте мне на слово, пройдет немного времени, и наши дети с молоком своих матерей будут впитывать идею величия власти и государства. Это будет настоящее революционное коммунистическое молоко наших жен, которым они вскормят наших потомков.

От такой пылкой речи и реалистичного образа каждый боец представил себя целующим теплую женскую грудь, пахнущую молоком. Им было все равно, было ли это революционное молоко или еще дореволюционное, лишь бы только она была, та грудь, нежная и родная.

Весь путь в Бовский надел прошли по графику, составленному Егором, и за это время никаких происшествий не случилось. Лишь каждый день курьеры доставляли пакеты с директивами и приказами об усилении бдительности, о беспощадности к врагам и самопожертвовании. Казалось, что вся страна состоит из огромной армии курьеров, только и занятых тем,

чтобы доставлять подобные секретные пакеты. В этой бесчисленной армии были и те, кто денно и ночью сочинял столь необходимую секретную информацию, печатал ее, заклеивал в конверт и ставил сургучовые печати. А другие ломали эти печати, читая их глупое содержимое, зная все наизусть так, что можно было и не вскрывать пакеты. Эта огромная армия по производству секретных пакетов и прочего дерьма производила продукт и услугу, абсолютно никому не нужную, но взамен она требовала вполне конкретный паек хлеба, чтобы еще больше произвести этого никому не нужного товара.

Очередной пакет был вручен Егору на границе Бовского надела на девятый день пути. Он совершенно разозлил Правдина, который грубо обругал ни в чем неповинного курьера. Вскрыв пакет, Егор прочел: «Довести до личного состава, – после чего стал зачитывать его бойцам. – Товарищи командиры и солдаты! Вы вступаете на территорию, подло захваченную врагом. Лишь только ненависть к этому отребью поможет очистить нашу страну. Каждый убитый враг, каждая уничтоженная кулацкая семья является еще одним шагом к счастливой жизни. Смерть врагам! Счастье народу! (Слова трижды повторить, как клятву).» Бойцы рывкнули так, что с деревьев, стоящих неподалеку, взлетели вороны, очевидно боясь быть зачисленными в список врагов. Громко каркая, вторя эху клятвы, они улетели вглубь леса.

Задача Правдинского отряда ничем не отличалась от той, какой он занимался прежде. Лишь масштабы были более значимые да репрессии должны касаться теперь каждого двора и каждого жителя.

Бовский надел был выбран полигоном подавления человеческой сущности. Все жители, без исключения, назначались врагами, а участь врага была незавидна: быть уничтоженным в назидание всем остальным. Власть делала свой народ счастливым, заливая кровью и забрасывая страну трупами. Часть тех, чьими руками наводился порядок, были твердо уверены в верности методов, полностью осознавая последствия своих действий. Другие соучастники великой стройки делали это от страха, надеясь таким образом спасти себя. Егор, относился к тем, кто был уверен в своей правоте. Чтобы было согласие, нужно уничтожить всех несогласных. Вот тогда и наступит всеобщее равенство и братство. Государство будет великим и сильным. А кровь, да что кровь, высохнет. Могилы обвалятся, сравняются с землей. Будущие сытые поколения станут равнодушными к истории своей страны и к своему прошлому. Их атрофированный мозг не в силах будет противостоять лени и замшелым догмам, вбитым в их головешки, потому как быть великими – это единственное предназначение советского человека и его, без преувеличения сказать, великого приемника. Вот в этом будет основная заслуга Егора, Егора Правдина. Ведь кто-то должен выполнять грязную работу. Это будут не жиденькие интеллигентные очкарики, недоумки-правозащитники, они не осият этот труд, а мы – настоящие мужики, жесткие и решительные, бескомпромиссные и всегда правые.

В непокорный надел было отправлено девять карательных отрядов, включая правдинский. С разных сторон они въедались в надел, словно жуки-короеды, оставляя после себя черный след пожарищ. Казалось, что выделиться из такого количества специалистов невозможно, все делали одно и то же, но все же Правдин выделялся на общем фоне маниакальным усердием и работоспособностью. За ним надежно закрепилась кличка «Паленый» – так его прозвали пока еще уцелевшие жители. Впрочем, и начальство, и подчиненные называли его также, конечно за глаза, сказать такое Правдину в лицо было равносильно самоубийству. Кличка лучше всего говорила о его трудах: за отрядом Егора тянулся самый широкий след пепелищ. В поселках, куда входили отряды, мужчин почти не осталось, многие были убиты еще в первую волну борьбы с кулачеством, они были самые богатые и зажиточные. Тот, кто пережил те страшные времена, сейчас старался уйти в лес, делая там хлебные схороны, оставляя для своих семей лишь небольшую часть урожая. Но даже эти крохи изымались, выметались, в буквальном смысле, подчистую, обрекая людей на голодную смерть. Во время тщательного обыска подвожий, изымалась даже горстка хлеба, затем жилыцы населенного пункта сгонялись в одно место,

все старики, женщины и дети, а их дома с дворовыми постройками, включая собачьи будки, безжалостно сжигались. Женщины и дети были одним большим хором, заливая всю округу слезами от безысходности, а старики лишь шамкали своими беззубыми ртами вяло, потрясая руками. Таким образом, власть пыталась вразумить этих глупых, недалеких людей, учила любить себя и уважать. Но, как правило, крестьяне не спешили бросаться в объятия самой гуманной власти и покидать свои пепелища. А наоборот, еще с большим желанием жить цеплялись за матушку-землю, рыли землянки, разбивали огороды, сеяли даже самые небольшие клочки пашни, утаив от вредителей, семена. Мужики, укрывшись в лесу, старались не уходить далеко от своих деревень, а держались на безопасном расстоянии, часто навещаясь домой, они всегда готовы были скрыться в чаще леса, в болотистых, непроходимых местах, которые знали очень хорошо. Они не стремились объединиться и дать отпор карательным отрядам, а просто прятались в надежде, что как-нибудь всё обойдется. Но обойтись не могло, у них не было ни единого шанса выжить, а вот умереть можно было по-разному: с достоинством, защищая себя и свою семью, или быть убитым как трусы, сдавшись на милость, беспощадному врагу. Пока же сдаваться они не собирались, ни лешие, так называли скрывающихся в лесах, ни их семьи, тайком помогали друг другу выжить.

Результатом весенне-летней кампании были тысячи сожженных домов, тысячи расстрелянных и ушедших в лес. А бескрайние поля оставались непахаными и не сеянными, осиротев без трудолюбивого хозяина. Какая, впрочем, мелочь, когда счастье вон там, за еще одной сожженной деревней, за убитым мужиком и растерзанной семьей. Однако счастье как-то не наступало, и, более того, результаты оказались для власти неутешительными. Изъятых хлеба было немного, убитые мужики и сожженные деревни не сломили духа их жителей, они упрямо не желали подчиняться. До самой осени безуспешно утюжили надел карательные отряды. А в октябре новая беда ввергла руководителей операции в шок.

Милицейский отряд под командованием Савельчука, бывшего крестьянина Бовского надела, в количестве двести человек ушел к лешим. Быть может, в этом не было ничего страшного, если бы не его личность. Савельчук был талантливым руководителем и командиром, умелым оратором, и внезапная возможность сплочения разрозненных групп, ненавидящих действующую власть, стала настоящей проблемой. Ведь перед тем, как уйти в лес, Савельчук уничтожил два карательных отряда, повесив всех его сообщников. До образования милицейского отряда Савельчук, как мог, защищал жителей от творившегося произвола. Иногда доходило до открытого противостояния с командирами спецотрядов. Но последние не решались уничтожить Савельчука, поскольку он был властью, а убивать представителей власти, пусть даже таких неудобных, на глазах общего врага в данный момент было неприемлемо. Постоянные жалобы командиров спецотрядов на Савельчука вынудили командование создать объединенный милицейский отряд, который должен был поддерживать и помогать карателям. Власть считала, что таким образом будут лучше контролировать строптивого Савельчука, приставив к нему самого опытного комиссара. Но решение главного милиционера уйти в лес определило судьбу комиссара, ускорить этот процесс помогла береза. С этого момента неудобный, теперь уже бывший, милиционер встал в открытое противостояние против власти и тех порядков, которые она утвердила. А лешие получили в свои ряды умного человека и толкового командира. Савельчук понимал, что в открытом бою они проиграют, поэтому метод у них только один – партизанская война. Исход этой войны был предопределен, победить кровавого и беспощадного монстра было невозможно, но зато можно было умереть с честью и достоинством. Пусть твоё имя смешают с грязью и придадут забвению, это не повод становится трусом и подлецом. Однако, до смерти еще нужно дожить, а впереди месяцы или даже годы борьбы, голода и унижений.

Надвигалась зима, самые голодные и страшные месяцы, но, как ни странно, именно они давали передышку. Снежные заносы и метели мешали быстрому продвижению спецотрядов,

да и в собачий холод они не очень-то стремились в дальние деревни и хутора, боясь быть застигнутыми непогодой или, что еще хуже, партизанскими отрядами. Все как бы замерли в ожидании. А на этом фоне из штаба, руководящего проведением операции, находящегося по какой-то причине не в Бовске, и даже не в Бовском наделе, а в соседнем, полетели победные рапорты и доклады. В них в радужных тонах рисовалась действительность, что возмущений нет, а небольшие шайки оставшихся в живых бандитов подохнут с голоду. По всему выходило, что руководители операции – герои, готовые получить медали, звания и почет, с полунамеками на то, что если вы не сможете доставить все перечисленное на место, то мы организуем самовывоз.

Именно в то время в белокаменной зачитывались ласкающими слух отчетами: «... в деревне „Мечта революционера“ был полностью уничтожен карательный отряд. Он попал в засаду, и в большинстве был убит, а захваченные живыми были преданы народному суду, который вынес приговор: „Смертная казнь“. Копию приговора партизаны переправили в штаб...»

Начальник штаба, товарищ Красноконь, руководитель операции в Бовском наделе, получив такое страшное известие, впал в пьяную кому. Целую неделю он пил так, что должен был сгореть, но тот, кому суждено быть расстрелянным, сгореть не может, пусть даже от водки. Глядя на командира, подчиненные не придумали ничего другого, как присоединиться к своему начальнику. Зима, словно заботясь, сострадая бедолагам, замела все вокруг так, что лишила возможности отправлять или получать депеши. На шестой день пьянки товарищ Красноконь, немного придя в себя, вспомнил, что за вылазку бандитов и уничтожение целого подразделения, на фоне его радужных сообщений, которыми зачитывались на самом верху, придется отвечать ему. Перспектива быть расстрелянным не очень обрадовала красного коня, потому он решил похмелиться. Поддав на старые дрожжи, он необычайно осмелел, взял в одну руку маузер, а в другую шашку и решительно сказал:

– Сейчас пойду, порублю и постреляю всю эту нечисть: леших, русалок и бабов-ягов всяких, под чистую.

Выйдя из штаба, он упал в сугроб и захрапел. Подчиненные затащили грозу сказочных героев в помещение, на этом и закончились все его подвиги. Через несколько дней, чудом пробившись через снежные заносы, курьер доставил неизменный секретный пакет. Из письма следовало утверждение, что порядок в Бовском наделе укрепляется изо дня в день, чему требуются письменные подтверждения из штаба. Подтвердить эти выводы, доложить, что партизаны порешили целый отряд, было очень скучно и страшно. Поэтому былинный герой Красноконь, собрав на совещание штаб, приказал своим подчиненным составить доклад о политической обстановке в наделе, вскользь упомянув о происшествии с отрядом.

Опухшие лица и мозги сотворили чудо. Из сочиненного доклада следовало, что счастье в наделе уже наступило, естественно, основная заслуга в этом принадлежит умелому руководству партии и правительству. Остались незначительные неудобства: по нужде приходится ходить на улицу, а этому мешают большие сугробы. Да еще отряд гикнулся в полном составе, а виноват в этом командир отряда, пьянствующий, разложившийся элемент, употребляющий горькую вместе с подчиненными. Итогом такого гнусного поведения, на которое, кстати, неоднократно указывал товарищ Красноконь, стала гибель всего отряда от непотушенной папиросы. В остальном же все хорошо, все отлично, да и быть по-другому не могло под руководством гениального вождя партии и государства.

Удивительней всего было то, что эти люди искренне считали себя важным механизмом укрепления власти и государства. Кто-то из них считал, что сильное государство – это запуганные и угнетенные граждане, а другие не заморачивались на эти никчемные размышления, считая, что они важнее всех вокруг по определению. Они строили сильное и великое государство, а в этом время страна истекала кровью назначенных врагов, глохла от женского воя и умыва-

лась детскими слезами. Вот и сейчас сотни матерей плакали украдкой и открыто, в голодных истериках, смотря на своих умирающих детей. Голод – страшная кара за непокорность, эта крестьянствующая сволочь хотела зажиточно и сыто жить, поэтому и должна сдохнуть с голоду. Не волнуйтесь, государство в лице Красноконя, Правдина, Смертькевича и прочих винтиков механизма, побеспокоится и о них, и о вас, где бы вы ни жили и в каких бы то ни было временах. Все, что поменяется, это фамилии и даты календаря. Для тех, кто строит государство имени себя, миллионы погибших и униженных лишь политическая целесообразность, только цифра на бумаге.

Но тебя это не касается, пустьдохнут тысячами от голода, от рабского колхозного труда, от бесчисленных трудовых лагерей и шарашек, несмотря ни на что, государство все же станет сильным, а родина счастливой. Ты ведь этого хочешь?

Глава 11

– Давай входи! Что стоишь, как истукан?

Отверстие больше походило на нору какого-нибудь дикого зверя, чем на вход в жилище человека. Тяжелый, спертый воздух словно прижимал к полу, заставляя часто вдыхать, он пропитался стойким запахом мочи, едкого дыма, земляной сырости, всепожирающей тоски и горя. У горя есть свой, неизменный запах – запах безысходности.

– Ты что закрыл нос? Убери руки, это неприлично. Что? Тебя тошнит? Ничего, привыкай, это твое будущее...

От сверкающего белого снега глаза долго не могут привыкнуть к почти полной темноте. Лишь по многочисленному дыханию понятно, что землянка довольно плотно заселена. Большая часть пространства отведена под лежаки, небольшой угол занят кое-как сляпанной печкой, рядом с которой на табуретке уместилась вся кухонная утварь. Слышно постоянное бормотание.

Если внимательно прислушаться, можно расслышать слова молитвы, в которой кто-то просит об одном, чтобы Господь забрал ее в царствие небесное, оставив лишнюю ложку еды для дочери и внуков. Ее молитва превратилась в помешательство, и она твердит ее днем и ночью, сводя с ума дочь. Глаша плакала, просила мать, чтобы та перестала причитать, пугая детей, но, скорее всего, она тронулась умом и не понимала, что от нее хотят. А с тех пор, как она перестала вставать из-за истощения, помешательство ее усилилось. Время от времени она то выла, как собака, то закатывалась нечеловеческим смехом. От этого землянка походила на сумасшедший дом, в котором не лечили, а наоборот, сводили с ума пока еще нормальных людей...

Порой Глафире казалось, что она тоже сходит с ума, у нее появлялась страшная мысль: удушить мать тяжелой соломенной подушкой. И только страх смертного греха не давал ей этого сделать, а Господь не слышал молитв матери, он не справлялся с миллионами душ, покидающих счастливую страну. Они словно наперегонки стремились в смертельную неизвестность, подальше от такого великого счастья.

– Давай я выведу детей, а ты удави эту никчемную больную тетку. Ты сможешь освободить Глашу от обузы, а государство продвинешь ближе к процветанию на одну человеческую жизнь. Что, трусил? Ждешь, когда это сделают Правдины и Смертькевичи, наконец построят для тебя великую державу...

Мать ненадолго замолчала, Глафира внимательно вслушивалась в темноту в надежде, что на этот раз она перестала дышать навсегда. Но, испугавшись таких мыслей, молила Бога, простить ее, грешную. Господь простит тебя Глаша, он всемиловит. Но глаза невольно наливались слезам, и хотелось быть белугой. Чтобы не пугать детей, она выползла и побежала подальше от землянки, поближе к тальнику, чтобы на обратном пути наломать хворосту. Вот сейчас повоет в голос, вспомнит мужа, пропавшего в безвестности, в застенках осчастливливающих органов, проклянет революции, войны, царей и вождей всех мастей. Наревевшись, она вспомнит о детях, в надежде спасти хоть кого-нибудь из них, вернется назад. «Ах, милые кровиночки, как вас уберечь от лютого врага, пришедшего на нашу землю? Какому Богу молиться, кого просить о защите вашей?»

– Вот его проси, Глаша, он поможет, чего опять стал как не родной? Иди и скажи, что так нужно, ради каких-то высоких и чистых идей должен быть убит ее муж, и голодной смертью замучены дети. Иди, скажи, ведь ты так мечтал об этом, она тебя, конечно, поймет и поблагодарит. Разве тебе нечего сказать? Или трусишь? А лучше знаешь, что, веди своих детей, мы их бросим в вонючую землянку, а этих детей в твое сытое будущее отправим. Что, задрожали коленочки? А еще недавно кричал о державности и вертикальности. Хитер, думаешь, что

можешь чужими жизнями распоряжаться да чужими руками жар загребать? Тебе за это тоже ответ придется держать. Как это, не виноват? А кто виноват?

Мать еще неделю промучилась, пугая детей истошными криками, проверяя дочь на душевную стойкость. Тело испутившей дух женщины Глафира вместе со старшим сыном выволокла на улицу и, оттащив от землянки насколько хватило сил, присыпала снегом. Плакать по усопшей не хватало слез, да еще неизвестно, кому больше повезло: или матери, или Глаше, безнадежно застрявшей в великом аду. Всю ночь где-то рядом выли волки, подвывая разыгравшейся непогоде, может они благодарили власть за свалившееся на них изобилие пищи, а может злились на людей, которые вынуждали их грызть исхудавшие, высохшие человеческие тела.

А вы когда-нибудь умирали зимой в государственных интересах? Укрепляя своими костями железнодорожные насыпи, а быть может, выстилали дно бесчисленных каналов, повышая содержание кальция в воде. Или ложились в топи болот, прокладывая дорогу к золотым приискам? Ведь государству так необходимо золото, чтобы сделать богатым и счастливым свой народ. Нет, не умирайте зимой, я прошу вас, ни одна государственная ценность не сравнится с ценностью вашей жизни. Знайте это.

Зима уже отступала, обнажая в проталинах бесконечное количество трупов. И словно в укор людям, солнце, снег и мороз украшали их хрустальными кружевами, провожая в последний путь. А оставшиеся в живых цеплялись за эти кружева, ранив свои руки и души до самой крови.

Егора зима тоже изводила бездельем, он злился все время, вспоминая технику будущего. Сейчас бы вертушки, и любая, самая отдаленная деревня сгорела бы без необходимости даже заходить в нее, выпустили бы ракеты и дело с концом, а еще круче, напалом все залить, выжигая саму память о непокорных людях, мешающих строить сильное государство. Или явиться в ничего не ждущую занесенную снегом деревню на снегоходах, и пусть это будет непатриотично, лучше не на отечественном Буране, а на Ямахе и со словами: «Что, не ждали сволочи?» – перестрелять всех с калаша к чертовой матери. Его фантазии затмевали одна другую, в них были только смерть и унижение людей. За все это время он не вспомнил ни разу ни маму, ни брата, ни свою жену из будущей прошлой жизни, как, впрочем, не вспоминал он и нынешнюю семью. Его не беспокоило ничего, кроме великой идеи и преданности безумному делу.

Каждый теплый день только прибавлял лишних неприятностей для карателей. Организовавшись за зиму, партизаны не только умело противостояли спецотрядам, но и достаточно успешно потеснили их, взяв под контроль пятую часть надела. И все понятней становилось, что оставшимся силам не справиться. Но где взять пополнения, ведь лживые рапорты и отчеты убедили высшую власть практически о полном контроле и о буквально двух оставшихся в живых партизанах, причем одного безногого, а другого безрукого. Да с таким, как говорится, справиться, что в галифе оправиться.

К середине мая партизаны контролировали уже половину надела, а из девяти карательных отрядов осталось всего четыре, да и те были сильно потрепанные и уставшие. Они уже не стеснялись обвинений в трусости, отходили к границе надела, поближе к штабу, руководящему операцией. Чтобы хоть как-то скоординировать действия подчинявшихся отрядов, Красноконь приказал явиться командирам. Разожравший морду от безделья, с бравыми усами и вихрастым чубом, Красноконь сорвался отборным матом на командиров отрядов и своих подчиненных по штабу. Обвинения в трусости, в неумелом командовании, в политической близорукости, в тупости, в идиотизме и прочих слабостях сыпались как из рога изобилия. Боевые командиры сидели и получали по соплям, не имея возможности, а может и желания, возразить. Наслушавшись хамства и оскорблений, они были буквально выгнаны с заседания штаба с угрозами, что если за неделю не покончат с партизанами, то он их расстреляет за невыполнение приказа.

Однако, угрозам не суждено было сбыться, то ли там, на самом верху, прозрели, что их умело водят за нос, то ли кто-то стукнул об успехах Красноконя, неизвестно. Но в скорости в штаб нагрянула высокая военная и политическая инспекция. Масштабы лжи впечатлили инспекторов так, что уже через несколько часов весь штаб во главе с Красноконем был расстрелян. Бравый командир, требовавший беспощадно истреблять врагов, был сам истреблен как враг, обвиняемый в неумелом командовании, политической близорукости, предательстве, вредительстве и прочих неблагоприятных поступках.

Очередной приказ явиться в штаб вывел Егора из себя, он, еще не оправившись от прежнего общения с руководителем операции, решил, что набьет морду Красноконю, если тот посмеет отпустить оскорбления в его адрес. Но подпись под приказом «...начальник штаба Слабоногов» ввела его в небольшое замешательство. Прежде всего, он вспомнил свою будущую прошлую жизнь. Серега Слабоногов был его армейским корешем, вместе они гоняли в самоход, а затем сидели на губе, да еще много всякого было, не время сейчас заниматься воспоминаниями. Кроме того, его интуиция подсказывала, что в штабе произошли какие-то изменения.

Прибыв по приказу, Егор не встретил ни одного знакомого лица, не было ни Красноконя, ни его заместителей. У входа в штаб стояла небольшая группа младших командиров, проходя мимо них, Правдин за спиной услышал обрывок разговора:

– Судя по шраму... это и есть Паленый... Суровый мужик!

– Говорят, очень толковый командир, – ответил другой на эту реплику.

Егору очень польстила его характеристика, а кличка совершенно не вызвала никакого возмущения и отвращения, тем более, что он знал о ее существовании уже давно. И все же он предпочитал, что бы все ему говорили в лицо, напрямую, тем более похвала – дело приятное. Доложить о своем прибытии Правдину необходимо было начальнику штаба, войдя в кабинет, Егор увидел Сергея Слабоногова, повинуясь какому-то инстинкту, он хотел было броситься в объятия, завалить сослуживца вопросами. Он даже уже сделал первые шаги, но, вспомнив Сашку, решил, что этот Слабоногов не из его жизни.

– Извините, товарищ командир, обознался, – оправдывая свои намерения, ответил Егор.

– Ничего, товарищ Правдин, зная о ваших трудах, я думаю, мы совсем скоро будем обниматься как старые друзья, делающие одно великое дело, – похлопав по плечу Егора, ответил Слабоногов.

«И голос точно такой же, неужели он ничего не помнит,» -подумал Егор. Очень трудно было осознать, что человек, стоящий перед тобой, которого ты знал, как облупленного, был совсем из другой жизни.

Заседание штаба проходило в жестком деловом ключе, до командиров было доведено решение военного трибунала в отношении Красноконя и его заместителей, впрочем, ни у кого сомнений по этому поводу не было, как и не было сожалений. Назначили врагом, расстреляли, все четко и по-военному. Затем было решено выслушать боевых командиров, как самых непосредственных исполнителей операции. Их предложения могли быть очень конструктивными и своеобразными. Командир одного из отрядов по фамилии Русаченок предложил простой и, на его взгляд, эффективный метод решения проблемы:

– Нужно согнать население близлежащих деревень в овраги и низины, потравить их всех газами, там же и зарыть. Их все равно не перевоспитать.

Правдина это предложение возмутило не столько своей жестокостью и цинизмом, сколько своей бесполезностью. Главная задача истребления партизан не решится. А травить леших в лесу – дело безнадежное, оттого и бессмысленное.

– Что еще предложишь, креативный ты наш? – Выпалил в пылу обсуждения Егор, вспомнив словечко из прошлого.

Странное, незнакомое слово все расслышали по-другому.

– Кто, кретин? – Заорал Русаченок, пренебрегая субординацией и забыв про дисциплину. – Да я тебя, суку, сейчас зарублю, – прошипел он, хватаясь за шашку.

– Смирно! – Скомандовал Слабоногов, словно сделав выстрел. – Товарищ Правдин, я делаю вам замечание: оскорбление – не самый эффективный способ решить задачу, а вам, товарищ Русаченок, хочу заметить, что мы не в игрушки играем, больше замечаний не будет, – показывая всем решение трибунала по Красноконю, спокойно сказал начальник штаба.

– Разрешите, товарищ командир, – обратился Правдин. – Прошу извинить меня, товарищ Русаченок, я не хотел вас обидеть, считаю предложенное решение крайне неэффективным, главную задачу – уничтожение партизанских отрядов – мы не решим. Необходимо многократное увеличение войсковой группировки, крайне важно изолировать весь район проведения операции, даже если для этого придется построить временную границу вокруг надела, это все равно необходимо сделать. Таким образом, мы решим несколько задач: во-первых, мы не дадим расползтись по стране вражеским элементам как в лице гражданского населения, так и в лице бандитских формирований. Наш боевой опыт показал, что, сбившись в вооруженные кучки, бандиты не уходят далеко от своих сел, а запрет на перемещение гражданского населения как внутри надела, так и за его пределами привяжет бандитов к одному месту. Для того, чтобы выманить нужных нам из леса, надо брать заложников из членов их семей. После уничтожения банд гражданское население должно быть собрано в концентрационные лагеря, где их дальнейшая судьба будет решаться компетентными органами.

Предложение, высказанное Правдиным, заслуживало внимательного рассмотрения, в нем были обозначены конкретные и понятные меры по решению данной задачи. Дальнейшие предложения так или иначе повторяли правдинские, не внося ничего нового, поэтому Слабоногов решил отпустить командиров по отрядам, приказав ожидать дальнейших распоряжений. Ждать пришлось недолго, масштабы человеческого неповиновения настолько испугали власть, что на всевозрастающее сопротивление было решено бросить любое количество сил, лишь бы как можно скорее задавить тех, кто мешал быть великими и счастливыми.

Для большего удобства надел был поделен на четыре сектора, в каждом из которых регулярные войсковые части должны были выполнять мероприятия по уничтожению вооруженных банд только на вверенном им участке. Таким способом решалась задача контроля территории, и была поставлена во главу угла ответственность каждого конкретного лица. Да и соревновательная часть, предложенная командиром секторов, вносила дополнительную мотивацию. Первому, кто наведет порядок в своем секторе, обещалось повышение по службе, звания, награды и почет. А как отказаться от таких перспектив, ведь всего лишь нужно было убить, истерзать, унижить больше, чем другие. И самому, скорее всего, этого не придется делать, лишь подстегивая своих подчиненных с требованиями мочить всех и везде. Делов-то, ведь это не изобретать машины, строить заводы и растить хлеб, а просто мочить. Расформировывать карательные отряды не стали, сохранив как самостоятельные боевые единицы, всего лишь переподчинили командирам ответственных за свои сектора.

Отряд Егора Правдина был направлен в Северо- Западный сектор и приписан к бригаде Шлехновича, отважного командира и бравого рубаки. Егор без труда нашел с ним общий язык, тем более, что он не претендовал на звания и чины, а просто хотел закончить начатое дело и сделать его хорошо.

Спецподразделения, регулярные войсковые части выстраивали временную границу, закрывая надел на замок из колючей проволоки, штыков, собак и солдатской ненависти ко всем, кто находится по ту сторону разума. Ведь на этой стороне бесчисленные политзанятия и яростные политруки вырывали, выкорчевывали все нормальные человеческие мысли и чувства, высаживая на их место ненависть, жестокость к назначенным врагам и рабскую покорность властям.

Политзанятия проводились с регулярностью приема пищи, некоторые политруки, ошавшие от своих гневных изобличающих речей, были искренне убеждены, что политзанятия в обозримом будущем смогут полностью заменить прием пищи. Но, к огромному сожалению, нынешние бойцы хоть и яростные, но не настолько, чтобы обойтись без куска хлеба. Вот поэтому и нужно было повышать морально-политические качества бойцов, чтобы не дать не единого шанса врагу выжить.

– Боец Слабоуменко, Расскажи прикомандированным бойцам товарища Правдина, кто такие враги нашей власти.

– Враги нашей власти все, кто супротив нашей власти идет и не понимает своего глупого и бессмысленного сопротивления, товарищ политрук, – отчеканил солдат.

– Молодец Слабоуменко, а кто друг нашего великого и могучего государства, боец Недоуменко?

– Друг нашей страны тот, кто ненавидит наших врагов и любит наше величайшее государство.

– Хорошо, а пример, всегда нужно приводить пример, как я вас учил?

– Черные негры, борющиеся с проклятыми капиталистами, – раз. Парижские коммунары – два. Американские индейцы и ковбои, как самый передовой класс угнетенного американского континента, – три.

– Совершенно верно, Недоуменко, даже американские индейцы с одним луком и даже голые папуасы с одним копьем вгрызаются в горло ненавистным угнетателям. Мы ничем не должны отличаться от тех далеких племен, с которыми нас объединила история одной рабоче-крестьянской пролетарской кровью. Мы с такой же ненавистью обязаны рвать врагов даже голыми руками, даже голыми зубами. Вот такой наказ нам дает партия и правительство, и этот наказ мы обязаны выполнять беспрекословно, даже, если надо, ценой собственной жизни. Государственные органы нам сообщают, что по какой-то неизвестной причине население целого надела заболело неизлечимой болезнью – ненавистью к нашему государству. Этих бешеных нелюдей нужно уничтожить без сожаления, дабы они не разнесли заразу по всей нашей великой социалистической Родине. Для большего удобства бойцу красной армии даже не нужно искать врагов, их вам покажут. Останется только уничтожить, стереть память об их существовании, и всё. Мы построим великое, мощное государство, не смотря на сопротивление наших врагов, а количество жертв нас не пугает и не останавливает на этом великом историческом пути.

Политрук вел своих бойцов в новые, суровые походы, вырывая сердца и заливая кровью врагов не только землю, но и Луну, и Марс с Юпитером, выходя далеко за пределы Галактики. Бойцы сидели, отвесив челюсти, веря во весь этот бред, пропитываясь ненавистью к далеким капиталистическим пришельцам, и только Коляскин улыбался в полрта, зная большой секретный секрет, что без пяти минут планета Марс – наша, красная, марсианско-рабочая и марсианско-крестьянская.

Глава 12

Боевая задача, поставленная перед Правдиным, ничем ни отличалась от прежней, но усложнялась упорным и настойчивым сопротивлением партизан. Последним под натиском хорошо вооруженных армейских частей пришлось снова уйти в лес, оставив своих родных. На что же они надеялись? На победу или на то, что их оставят в покое? Может нужно подчиниться, чтобы сохранить свои жизни и жизни своих близких, жен и детей? Даже если отбирают твой урожай или уводят со двора лошадь, назначая тебя врагом, недостойным жизни, а твоих детей обзывают ублюдками. Нужно смиренно молчать, чтобы выжить, а зачем тогда жить? Жить чтобы не принадлежать себе и кормить эту трусливую свору, называющую себя властью. Но это вы называете власть трусливой, если бы она была таковой, она бы вела с вами переговоры, видя в вас партнера, находя взаимовыгодные решения. Она-то сильна, и поэтому вас просто убьют или будут издеваться до конца жизни в угоду собственному тщеславию. Не веришь? Выгляни в окно.

– Да выбей ты окно прикладом, что возишься как ребенок.

– Не учи ученого, – огрызнулся Коляскин на совет Чайникова, выбивая небольшое закопченное стекло, словно специально подготовленное для наблюдения за концом света.

Жалобно звякнув, стеклышко разлетелось, предоставив возможность проникнуть в помещение. Коляскин попытался заглянуть вовнутрь, но тут же отпрянул, закрыв нос ладонью, склепный запах разлагающихся тел вырвался из тесного помещения, отбив всякое желание любопытствовать.

– Не, я туда не полезу, я мертвяков боюсь, – сказал Коляскин, глубоко вдыхая чистый воздух.

– Ты бы не мертвяков боялся, а тех, кто по лесу шастает, – съязвил Чайников.

– Что тут у вас? – Обратился к друзьям Борщев, подойдя поближе.

– Да мертвяки там, товарищ заместитель командира.

– Ну давай, полезай, Коляскин, погляди, что там, а то может бандиты замаскировались под мертвых?

– Не, в могилу я не полезу, я мертвяков боюсь!

– Тебя что пристрелить, чтобы ты туда забрался? Это приказ! – Зарычал Борщев.

Чайников, наблюдая за перепалкой, внутри заливался ехидным смехом, но внешне был серьезен, с немного открытым ртом, как у слабоумного или душевнобольного: "С таким видом меня точно не загонят в это нехорошее место.»

Переведя взгляд с Коляскина на Чайникова, Борщев утвердился во мнении, что первый – не подарок, а второй так совсем идиот. Коляскин же в это время, недовольно огрызаясь и ворча, закрыл рот и нос платочком, набрав полную грудь воздуха, спустился в помещение. Неизвестно, что он рассмотрел за такое короткое время, которое находился внутри, но, выбравшись, доложил.

– Товарищ заместитель командира, живых бандитов нет.

– Ты мне еще позубоскаль, – одернул бойца Борщев. – Что там?

– Тама три трупа, два взрослых и один ребенок, у взрослого нога отрезана, видать сожрали.

– Ну и хрен с ними, сожгите эту лачугу, – приказал Борщев.

– Товарищ командир, – обратился заместитель к Правдину, – похоже, здесь никого нет в живых, все осмотрели: ни одной живой души.

– Товарищ командир, товарищ командир, – кричал Смертькевич, бегущий навстречу из-за не большого холма, поросшего молодым березняком. – Там есть живой человек, вернее бабка, совсем из ума выжила, от голода, наверное.

Все вместе направились туда, куда указывал Смертькевич, который по пути рассказывал:
– Она сказала, что в этой местности главный леший Григорий Шлында, его жена должна быть живая. Они жили в Богословке, в пятнадцати верстах отсюда.

Егору бабка не показалась сумасшедшей, ее живые глаза говорили об обратном, хотя вся она, доведенная голодом и старостью до состояния гербария, казалась неживой.

– Что еще знаешь о партизанах и недовольных властью? – Спросил Правдин.

– И стоило такую длинную дорогу проделать, чтобы известить свою родню? – Ответила она на вопрос вопросом.

– Я же говорил, товарищ командир, умалишенная она, тронулась, – подытожил Смертькевич.

– Ты чего несешь, старуха? Вопросы не слышишь?

По ее глазам было видно, что она все расслышала и поняла, но в ответ она подчеркнуто сжала свои высохшие губы – щели, как бы закрывая их на замок. На все остальные вопросы она реагировала в таком же духе, молча, закрыв глаза и немного раскачиваясь назад и вперед, сидя на большом ворохе соломы, заменявшей ей постель. Поняв, что от нее они ничего не добьются, представители новой власти выползли из бабкиной землянки, чертыхаясь на чем свет стоит.

– Как она здесь выжила, такая старая? – Обратился Коляскин с вопросом как бы ко всем, при этом уставившись на Борщева, – Может, она колдунья?

– Может, ты и в бога веришь? – Съехидничал как обычно Чайников.

– Не, в бога я не верю, – вполне серьезно ответил Коляскин, – а вот колдунья у нас в деревне, когда я пацаном был, жила, так она...

– Заткнись, – оборвал его Борщев, как будто боялся услышать что – то страшное.

Смертькевич с Правдиным направились к остальному отряду, уже готовому двинуться в путь, Борщев с дружками несколько отстал. Заместитель командира остановился, о чем-то раздумывая, переводя взгляд с Чайникова на Коляскина и наоборот. Чайников, очевидно догадавшись, что решает Борщев, соорудил такую гримасу, что казался не бойцом карательного отряда, а пациентом психбольницы. «Вот дегенерат», – подумал Борщев, глядя на чайниковскую моду, и скомандовал:

– Боец Коляскин, разберись со старухой.

– Пристрелить? – Уточнил пожелание Коляскин.

– Ты патроны для классового врага побереги, – посоветовал заместитель командира.

– А ты чего стоишь, – обратился он к Чайникову, – варезку закрой.

Коляскин уже было отправился выполнять приказ, или поручение, или просьбу, а Чайников ехидно хихикнул, довольный тем, что опять всех провел своим нехитрым приемчиком. Борщев внимательно посмотрел на него и, осененный своей догадкой, скомандовал:

– Коляскин, отставить!

– Боец Чайников, выполнять приказ!

Все притворство, все актерское мастерство, помогавшее много раз, превратилось в пыль от одного неудачного смешка. По лицу Борщева было понятно, что возражений он не примет, а может дать по морде, или чего еще хуже. А Чайников побрел выполнять приказ.

Его трусливая и хитрая натура всегда стремилась спрятаться за чьей-нибудь спиной, а маска дурачка и подхалима помогала избегать приказов и поручений порой не очень приятных, а порой и страшных. Но всему этому, похоже, пришел конец, именно это больше всего и удручало Чайникова, даже больше, чем приказ удавить старуху. Но трус – он и есть трус – смел только тогда, когда можно таять, устрашая всех своей крутизной, спрятавшись за спиной хозяина. А без спины эти жалкие существа становятся беззащитными и трусливыми, оставаясь один на один со своими страхами. Вот и сейчас, подходя к землянке, его охватил такой ужас, что казалось, волосы под пилоткой перебежали со лба на затылок и убежали дальше, до самых пяток. Он оглянулся на уходящих Борщева и Коляскина и с решительностью вошел

в землянку, но на этом его храбрость иссякла, он встал как вкопанный, не зная, что дальше делать. Старуха с безразличием посмотрела на солдата, очевидно догадавшись, зачем он пришел, и, как бы между прочим, сказала:

– Удавят тебя свои же, тряпкой полосатой удавят.

От этих слов в голове помутнело, и в глазах полетели блестящие мушки, как будто его уже душили, это был не страх, а что-то большее, вся его трясущаяся душонка словно разлетелась на бесчисленное количество трусливых мушек. Молча, не создавая лишнего шума, он вышел на улицу, раздавленный услышанным, совершенно забыв, зачем приходил, и, понунив голову, поплелся к отряду, который, оседлав коней, отправлялся в Богословку.

Этот населенный пункт был похож на сотни других деревень, в которых побывали каратели, исключением было лишь то, что достаточно много осталось нетронутых домов. Бедные, с соломенными крышами, но все же не землянки с их могильной сыростью. Сгоревшие дома словно руками тянулись в небо печными трубами, то ли в молитве ища защиты у небес, то ли в единодушном голосовании просили уравнивать с ними удачливых собратьев. «Как в документальном фильме про Великую Отечественную войну, – непроизвольно подумал Егор, – словно недавно отсюда выбили фашистов.» Но, поругав себя за такое неудачное сравнение, он отдал приказ бойцам найти жену Григория Шлынды.

Скорее всего, отряд заметили давно, потому что на улице не было видно ни единой души, хотя люди здесь были, это было понятно по зеленеющим огородам и небольшим клочкам земли, засеянным ячменем и овсом. Так выглядела и вся остальная часть надела, которую до прихода регулярных войск контролировали партизаны, в той же части, где руководила власть, ни одна десятина земли не была засеяна. Помимо того, что у населения было отобрано все зерно подчистую, существовал жесточайший запрет на посев зерновых. Крестьянские семьи, как много раз при захватчиках и царях освободителях, молились на крапиву и лебеду, одних из немногих спасителей от голодной смерти.

А умнейшие руководители государства тужились в тяжелых умственных потугах, решая продовольственную проблему. Может быть, им стоило просто оставить крестьян в покое, а самим пойти и посадить дерево или, на худой конец, просто редиску. Ах да, не царское это дело! Да и царевы всех порешили, словно пряча концы в воду, стесняясь за свое прошлое, настоящее и предположительно светлое будущее. Да не стесняйтесь, рубите направо, стреляя налево, когда будете писать историю, слепите из себя героев, умных, честных, справедливых, неподкупных, а остальных разделите на стадо и врагов. С врагами все ясно: на то они и враги, а вот стадо – над ним можно потешаться, гоня налево и направо, все время говоря, что это и есть правильный путь, время от времени запуская волков, чтобы порезали немного, так, для остротки. И опять вправо, влево... – красота!

Ну, прочь развлечения, пойдем строить государство, может, чем подмогнем товарищу Правдину.

– А ну пособи, – подозвал Сопчук Коляскина, налегая на перекошенные двери амбара. Но больших усилий не потребовалось может потому, что амбар был абсолютно пуст, и запирать его не было смысла.

– Зерна здесь нет давно, – заявил Сопчук, приняв хавшись к воздуху.

– Откуда ты знаешь? – Поинтересовался Коляскин.

– Мышами не пахнет, значит и хлеба нет давно, все просто.

– «Все просто, все просто», – кривлялся недовольный Коляскин, долбя ногой в закрытую дверь избы. – Эй! Кто там закрылся, отворяйте, а то спалю вас к чертовой матери, – сквернословил властный винтик.

Угрозы не были пустыми, это хорошо понимали те, кто прятался в доме, поэтому дверь тот час же отворилась, и на пороге появилась девушка.

– Ты кто? – Спросил Коляскин.

- Я, Маша.
- Дура, фамилия как?
- Шлында, Маша Шлында.

Не успела девушка договорить, как Коляскин схватил ее за волосы и потащил к Правдину.

- Дяденька, мне больно, отпусти, – взмолилась она.

На крик из дома выскочила женщина и кинулась в ноги к солдату с мольбой отпустить дочь. Но Коляскин ничего не видел и не слышал кроме ненависти, стучавшей у него в голове. «Шлында – бандитское отродье», и он с большей силой натянул волосы, причиняя невыносимую боль. Девушка выла от боли и несправедливости, творимой с ней, женщина цеплялась за ноги, мешая идти Коляскину, он остановился, отпихнул женщину и, с силой, ногой ударил в живот. Свернувшись калачиком, женщина осталась лежать на пыльной дороге, она пыталась вдохнуть воздух, но от боли, передавившей ей горло, она только открывала рот, как рыба, выброшенная на берег. Дотащив девушку, Коляскин бросил ее у ног Правдина.

- Ты кто? – Присев на корточки, спросил Егор.
- За что, дяденька? Я ничего не сделала, – отвечала девушка, вытирая заплаканное лицо.
- Ты кто? – С угрозой в голосе переспросил он.
- Я, Маша Шлында, – на Правдина смотрело еще детское лицо, зареванное и серо-грязное от пыли.

В этот момент Егору стало так жалкое ее, что захотелось дать в морду этому идиоту Коляскину и выбить все его кривые, уродливые зубы. Но этого сделать было нельзя, ведь всех жителей назначили врагами. А враг...

– Молодец боец Коляскин, нутром чуешь классового врага. – Похвалил командир своего подчиненного.

На крики женщины из дома выбежали разновозрастные дети и с плачем кинулись к ней, избитой Коляскиным и немного пришедшей в себя, рыдающей в пыли на дороге. Ребятня облепила ее с криками:

- Мамочка, мамочка, не умирай, не умирай, – а она рыдала еще сильнее.
- Кто это? – Спросил Правдин у Коляскина, указывая на лежащую тетку, облепленную детьми.

– Да кто ее знает, баба какая-то, за ноги цеплялась, ну я ее и проучил.

– Веди всех во двор, там разберемся, – приказал Егор.

Творимое беззаконие. Творимая законность не могла быть не замечена или не услышана соседями. Но по-прежнему ни одного человека не было видно, не говоря о людях, которые бы пришли на помощь. Чужое горе – оно не свое, а иногда чужое горе есть даже радость, но не здесь и не сейчас. Радости ни у кого не было, а был безумный страх и надежда на то, что нас не коснется, именно мы ни причем и именно мы заслуживаем снисхождения.

– Борщев, детей в амбар, женщину в дом, – распорядился Правдин, войдя первым в хату.

Скромное жилище было обставлено нехитрой, крестьянской утварью, большой деревянный стол с лавками, за которым должна была собираться большая и дружная семья. Русская печь, в которой особенно удавались праздничная каша с гусиными потрошками, а еще хлеб: большие, румяные булки с хрустящей золотистой корочкой, от этого запаха в носу приятно пощипывает, а во рту текут слюнки, хлеб всегда пахнет детством и жизнью.

В красном углу иконка с лампадкой как символ веры, с которой начинается и заканчивается жизнь та, что пахнет свежеиспеченным хлебом. Вслед за Правдиным в комнату вошел Борщев, подтолкнув в спину женщину. Она повернулась к иконке и перекрестилась, шепча молитву. Егор, не раздумывая, схватил со стола крынку и с силой швырнул ее в икону, крынка разлетелась, сбив икону, но лампадка благодаря какой-то сверхъестественной силе осталась гореть.

– Бога нет! – Твердо заявил Егор вполне спокойным голосом, несмотря на то, что еще секунду назад его охватила безумная ярость. – Молиться вам нужно на вождей наших и власть, справедливую и праведную. Понятно тебе, темнота дремучая?

Женщина стояла перед властью, вооруженной наганом и шашкой, в завернутую военным сукном совестью, прикрывшись революционной директивой, приказами и клятвами. А она могла защититься от всего этого арсенала только крестным знаменем и молитвой.

– Ты – жена Григория Шлынды?

– Нет, – тихо ответила женщина.

– А Маша Шлында – не твоя дочь? – Вновь спросил Егор растерянно, непонимающим взглядом посмотрев на Борщева.

– Устинья Шлында умерла еще зимой от чахотки, а Маша и Глеб теперь живут у меня.

– Твой муж где, в лесу?

– Нет, сгинул еще в мировую.

– Значит, царизм защищал или, того хуже, за белых в гражданскую воевал, а ты врешь сейчас, выгораживая его и себя... Ну, да ладно, с этим еще разберемся. Остальные дети – твои? – Продолжал Правдин.

– Да.

– Я слышал, что Бог велел говорить правду, сейчас мы узнаем насколько ты верующий человек. Григорий Шлында приходит к детям, помогает тебе?

Женщина была загнана в ловушку, она бесшумно плакала, слезы текли, выливая на грязное лицо все больше горя.

– Да, – все также тихо ответила она.

– Ну, вот видишь, правду говорить всегда легко. Насколько я понимаю, бандюки ваши недалеко от села шастают, а по сему ты пойдешь и приведешь их. Условия просты, приведешь – будешь жить, а нет – Борщев, выводи детей перед амбаром. Срок тебе до захода солнца.

Женщине казалось, что наступил конец света, и она попала в ад. Ведь люди не могут так поступать, они на это не способны. Она сквозь слезы видела, что детей поставили у амбара, а напротив них встали солдаты с винтовками. Она не слышала плача, не видела их, полностью растворившись в горе. Вдруг ее что-то подхватило и понесло, обдувая лицо горячим, летним днем. Также внезапно она упала у самой кромки леса, из которого вырвался приятный аромат созревающей малины.

Дети были в след матери, увозимой на лошади, рвались к ней, но Коляскин и Чайников были на высоте, отесняя их к амбару. Пятеро детей классовых врагов томились в ожидании своей участи. Самая старшая из них была Маша, она держала на руках трехгодовалую Полину, а ее брат Глеб и сыновья женщины прижимались к ней, как к самой старшей, желая найти хоть в ком-то опору. А напротив них стояла власть в лице винтиков Коляскина, Чайникова и Сопчука, их левая резьба не давала возможности осознавать происходящее, а может они и не желали признавать себя извергами, неся чушь о сильном государстве и необходимости жертв, сами во все это не сильно веря.

Дети, уставшие от плача, лишь всхлипывали, тяжело вздыхая, было понятно, что убьют их не сейчас, и можно прожить еще полчаса или час, став на это время взрослее.

А вы когда-нибудь умирали летом взрослеющими детьми? Гибли от голода, холода, отравляющих газов, по прихоти властных червяков, всерьез считающих себя особыми? Ради тех, кто спрятался за непреступными стенами государственных крепостей с табличками, что вход только для своих. Небрежно ковыряют вилкой в еде, не наедаясь обедом без крови, а закончив трапезу, отрыгнув с умиленной улыбкой, почесывают задницу. Они даже не знают о вашем существовании, но отчего-то уверенны, что ваши жизни целиком и полностью принадлежат им. И если вы еще живы, то не умирайте ради них летом. Не стоят они и одного дня вашей жизни, как бы они вас не уговаривали и не принуждали.

– Я, что вас уговаривать буду, а ну-ка встали, – прикрикнул Коляскин на двух подростков, присевших на землю рядом с Машей, продолжавшей держать на руках Полину, которая успокоилась и уже не плакала. Она беззаботно играла с локонами Машиных волос, что-то мурлыкала под нос, а затем, как будто уже повзрослев на полчаса, спросила Машу:

– А когда нас убьют, мы станем ангелами?

Вопрос был задан с такой легкостью и пугающей предрешенностью, что дети все в один голос вновь заплакали. А с Глебом совсем случилась истерика, он упал на четвереньки и пополз к солдатам, причитая:

– Дяденьки, не убивайте, я жить хочу, дяденьки не убивайте нас...

Истерия достигла такого накала, что казалось, весь мир сойдет с ума. На крик из дома выскочил Борщев и приказал бойцам заткнуть рты детям, потому что командир отдыхает. Но дети не понимали, что ради спокойного сна этого командира и командиров этих командиров, нужно молча умереть, поэтому продолжали выть. Коляскин со свирепым лицом, шипя, как гусь приказывал заткнуться, размахивая прикладом, он больно тыкал им в бока и грудь. Чайников, в свою очередь, безвольно, словно в тумане переминался рядом, ничего не говоря и не делая. Он был занят своими невеселыми мыслями о страшной полосатой тряпке.

А с Сопчуком произошло что-то вообще невообразимое: он отбросил винтовку в сторону и упал на колени, рыдая во все мужское горло, стал просить прощения у детей:

– Деточки, простите меня, простите нас, – горланил он всерьез, не притворствуя.

Все замерли в шоке, даже дети замолчали, со страхом и удивлением смотрели они на рыдающего и просящего прощения солдата. Тогда Коляскин также ткнул его в бок прикладом, спросил:

– Ты че, спятил?

– Пошел вон, изверг, все вы – изверги, нелюди, нелюди! – Кричал он, повалившись на бок, рвал траву, загребая ее вместе с землей, словно они были виновны во всем происходящем.

– Что с ним? – спросил у Борщева Чайников.

– Сработался боец, умом тронулся...

Солнце прошло зенит до всего этого кошмара и, обходя деревню с востока на запад, пыталось заглянуть хоть краешком глаза за амбар. Оно не верило в то, что это происходит в действительности, а не приснилось ему и не показалось. Ведь не могут люди быть такими жестокими, потому как всех оно помнило такими же детьми: и Чайникова, и Коляскина, и Борщева, да всех, все человечество. На каждого поровну оно делило свои лучики, стараясь никого не обделить.

Ласкало Мишку Борщева, оставляя по весне на его лице рыжие канапушки, за что его дразнили, но не зло, а по-детски от души. Петьку Чайникова согревало, когда он, накупавшись в речке, с синими, словно черничными губами, трясся от холода на берегу. Дениске Коляскину сушила своим теплом слезы, когда тот хоронил птенца, выпавшего из гнезда. И про каждого, про каждого, оно может рассказать много хорошего и доброго. Но что же с ними со всеми произошло? Что случилось? Может не нужно было дарить им свой свет и тепло? И тогда Чайников, заболев, умрет, Коляскин, с вечно мокрыми глазами, не будет таким жестоким и злобным, а Борщева вместо веснушек взять и приложить солнечным ударом, может тогда он принесет меньше горя. Или взять их всех и оставить навечно в темноте и холоде. Но как же тогда эти бедные детки у амбара? Оно не может их бросить одних. И даже если они станут ангелами, то солнышко своим светом и теплом должно согревать и освещать их скорбный путь, а уходя за горизонт, даст поручение Луне и Звездам пусть не согреть, но хотя бы указать дорогу ангелочкам.

Милые ангелы, вас наградят чистыми и легкими крыльями, поэтому летите прочь, подальше от этих мест и не вздумайте селиться на соседних планетах. Ведь эти безумцы непре-

менно захотят добраться и туда. И уже по привычке, инстинктивно, станут ломать вам крылья и истязать души во второй и третий раз...

Солнцу хотелось задержаться на небосклоне еще хотя бы на минуту, на секунду обласкать несчастных детей своими лучами, высушить их слезы, вселить надежду на чудо. Но оно не могло этого сделать, потому что там, за горизонтом, его уже ждут другие дети и миллионы людей, нуждающиеся в тепле и свете.

А Сопчука затащили в амбар и связали на всякий случай, заткнув рот кляпом, чтобы перестал просить прощения у детей и разлагать дисциплину. «Сработанные» бойцы карательных отрядов и расстрельных команд были делом не частым, но достаточно известным. Всеобщее объяснение этой проблемы сводилось к тому, что не выдержала психика, слабые морально-политические качества способствовали этому. Это было простое и логичное объяснение. Но никому не приходило в голову, что это – выздоравливающие люди. К ним внезапно, по неизвестной причине, возвращалась совесть, она срывала их, казалось бы, надежную резьбу, срывала шторы с глаз, рвала в клочья лозунги и клятвы, демонстрируя страшную реальность. От увиденного душа кричала и плакала, не веря, что она участвовала в этом смертельном грехе. Но большинство, считавшее себя здоровым, смотрело на больных с презрением, ведь человек, не умеющий убивать по приказу или велению высоких идей, не заслуживает особого внимания, снисхождения и милосердия. Ах, это вечно правое большинство, благодарите его, говорите спасибо, кричите: "аллилуйя!" Вы знаете, что именно большинство даст вашим детям повзрослеть на полчаса, а вам состариться на то же время. Большинство решает, как думать, кого любить, где работать, о чем мечтать, как дышать, как чувствовать страх и не чувствовать унижения от плевков в душу, в каких домах жить, и по каким дорогам ходить, какие картины рисовать, и какую музыку слушать. Но приходит вечер, и большинство, усевшись на кухне, вдруг превращается в меньшинство... Хихикая, плюясь и матерясь, они клянут большинство, замечая в нем несправедливость, чинопоклонение, хамство, воровство, вседозволенность, безнаказанность, подлость, бесконтрольность и тупость. Не переживайте, это ненадолго, только до утра, а, утром вновь, вливаясь в большинство, будут бить себя в грудь, уверяя всех и себя в абсолютной правоте. Станут унижать или убивать меньшинство, заискивающе заглядывать в рот начальникам, лстить стелиться, прогибаться и, унижаясь, подставлять свои затылки и задницы под оплеухи и пинки. Все это стоит, чтобы быть большинством. Аллилуйя! Что вы заскулили? Что случилось? Вас назначили меньшинством, выдернув из большинства? Вы считаете, это не справедливо? Да, с вами не должно было это случиться, так говорят все, истерично клявшиеся в верности большинству. Вы считаете, обвинения нелепы? А в чем вас обвиняют? В том, что вы могли сказать вслух большинству то, что вы о нем думаете или говорите на кухне. Покайтесь, а лучше всего сдайте кого-нибудь из близких, и, возможно, большинство вас простит. Да, непросто все это, мучительно, но ничего, привыкнешь, к остальному же привык.

– Ну не как не могу привыкнуть к этим сапогам, – жаловался Лизунов Коляскину, – уже ношу их вторую неделю, а они все трут, как неродные.

– А где ты их взял, – поддержал разговор Коляскин, отдыхающий от тяжелой и ответственной службы устрашения детей.

– Да снял с мужика на хуторе, где мы бабу секли. Помнишь? Вот умора была. Я поглядел, вроде бы размер мой, но трут, зараза, как чужие, – продолжал жаловаться он, растирая ступни ног.

– Смотри, а то Борщев накажет, не любит он этого, – предостерег Коляскин.

– Коль не любит, чего же сам в «Клещевке» часы на цепочке к рукам прибрал?

– Так-то часы, и Борщев – командир.

– А это сапоги, а командир он пока командует, а перестанет командовать и командиром перестанет быть.

– Тебе хорошо, ты умный, – искренне отпустил комплимент Коляскин.

– Умный, умный, – повторил Лизунов, – а как думаешь, детей действительно вот так, как взрослых, если не приведет баба главаря, – перейдя на шепот, спросил он.

– А чего же нам думать, как прикажут, так и сделаем, у них для этого головы в папах.

– Да, ты тоже не дурак, – толкнув в бок Коляскина, ответил Лизунов, – нам че сказали, мы пальнули.

Дети, обессиленные, сели на землю, тесно прижавшись друг к другу, никто на них уже не кричал и не заставлял вставать, кто-то из бойцов принес воды, и они с жадностью пили, изнуренные заботливым солнцем. Затем произошло что-то совсем невообразимое: другой солдат принес буханку хлеба, разломав, дал каждому по куску. Дети, давно не евшие досыта, с аппетитом стали уплетать хлеб. Лишь Маша, сев на землю, по-прежнему продолжавшая держать Полину, не ела. По ее щекам снова потекли слезы, она не вытирала их, и они текли тихо, без рыданий и всхлипываний. Она никак не могла понять: за что? За что?

– Машенька, не плач, – вытирая слезы своей маленькой ручкой, говорила Полина. – Маша, ешь хлеб, он вкусный, я такого отродясь не ела!

Казалось, что еще немного и окаменевшие сердца, и замерзшие души растают, по жилам потечет горячая кровь, насыщая кислородом голову. И они наконец прозреют, поймут, что перед ними всего лишь дети. Ну, кто-то же должен выздороветь? Ну хотя бы ты, Лизунов, у тебя дома шесть деток, на одного больше, чем здесь, защеми сердечко, екни, проснись. Проснись, отряхни этот кошмар...

– Лизун, проснись, вставай, – толкал его Коляскин.

Всеобщее оживление было вызвано докладом дозора о том, что из леса вышли восемь человек и баба, двигались они в сторону деревни. Солдаты рассредоточились между домами и другими укрытиями на том участке, куда должны были войти лешие. Во всех движениях лесных людей виделась безысходность и безнадежность. Но каждый из них заставлял себя верить, что он спасет этих детей, пусть даже ценой собственной жизни. Дойдя до середины дороги между лесом и деревней, они демонстративно бросили оружие, после этого к ним навстречу выехало несколько бойцов во главе с Борщевым. Обыскав, приказали поднять руки высоко над головой и, сопровождая, отправились в деревню. Дальнейшее было таким же безумием, как и все происходившее до этого. Людей наспех допросили и, выяснив кто из них Григорий Шлында, стали избивать. Били нещадно, проявляя всю свою звериную сущность, а отведя душу, пристрелили лежавших на земле и корчившихся от боли. Особо рьяные исполнители, пристигнув штыки к винтовкам, стали колоть безжизненные тела, метя прямо в сердце. Очень сокрушались и сожалели, когда попадали в ребра. В это время они чувствовали себя непрофессионалами. Помнится, когда кололи свиней, осечек не было, а тут такое, срам один.

В живых оставили одного Григория, избитого и униженного, его везли в штаб, как самый желанный трофей. Всем остальным жителям было приказано явиться в фильтрационный лагерь у балки Большая Лытьва, тех же, кто ослушается, ждала гуманная государственная смерть.

Столкнувшись с таким масштабным неповиновением, государство вначале запаниковало, но, немного сломив сопротивление, свалилась в банальную месть. Никого не интересовали законность и порядок, в пылу брызгослюнства произнесенная фраза «уничтожить всех» выполнялась безукоризненно и с рвением. Затем наступил новый этап, несколько остыв, высшее руководство страны осознало, что этот бунт – подарок небес. Именно здесь и сейчас можно было разработать, и обкатать всевозможные формы подавления, контроля, недопущения и всего того, что необходимо государству, захватившему в заложники страну. Нужно было разработать методы предотвращения подобного в будущем, а если и возникнет похожая ситуация, понять, как эффективно решить ее в кратчайшие сроки.

Идея фильтрационных лагерей была воспринята на ура, более беззащитным и безопасным человек не может быть больше, чем за колючей проволокой и под дулом винтовки.

Десятки и сотни человеческих ручейков потекли в такие лагеря, обессиленные голодом, морально истощенные и униженные, они шли к местам своей смерти. Правда можно было умереть в своих домах, не подчинившись приказу, но у каждого из них была надежда, маленькая, крохотная, как инфузория-туфелька, но все же была... Возможности выйти за границы надела не было, огражденный колючей проволокой и укрепленный штыками, он была не преодолим. Да к тому же в наделах, граничащих с Бовским, огромная армия замполитов, людей комитета безопасности власти, промывала мозги, рассказывая, что весь соседский надел заражен неизвестной смертельной болезнью, которую распространил провокатор и немецкий шпион Совельчук. Бесконечные политзанятия, тревоги, учения в противогасах и без – все это делало свое дело. Даже сомневающиеся люди начали верить в эту чушь, не говоря о тех, кто никогда не задумывался и жил по принципу: моя хата с краю. Почему тот, у кого хата с краю, не боится волков в человеческом облики? Именно с вас и ваших детей начнут они свои санитарные вырубки. Ведь именно ваша хата с краю!

Всегда слушайте власть и не сомневайтесь в ее словах, сказали, надел заразили, значит заразили, сказали, что виноват в этом Совельчук, значит так и есть. А если скажут, что это сделали оборотни или злобные карлики – никаких возражений. Лишь бы не додуматься до того, за что можно получить по морде. Так спокойнее, мы – люди маленькие, от нас ничего не зависит. Свыкались с мыслью и те, у которых в зараженном наделе были родственники, друзья и знакомые. Такие люди были выявлены с помощью многочисленных анкет и объяснительных. А затем эти люди стали исчезать в неизвестном направлении целыми семьями, улицами, деревнями. Никто не строил никаких предположений: ни соседи, ни сослуживцы, раз исчез человек, значит, так надо, а может этого человека и не было вовсе? Ведь и такое бывает. Правда? Не для того мы революцию вершили, и государство сильное строили, чтобы вопросы глупые задавать. И «Великая Правда» и сотни, тысячи других газет, включая заводские многотиражки, пестрели заголовками «Уничтожить заразу», «Сломать хребет врагу», «Замочить в уборной», «Стереть с лица земли», «Выковырять из канализации». И никаких сожалений, потому что болезнь все равно неизлечимая. А где-то там, рискуя своими жизнями, ради твоего спокойствия и счастья, трудятся преданные сыны Отчизны. Нам не нужно стоять в стороне, хотя бы морально нужно поддержать героев, мы должны словесной плетью нещадно засечь врага до смерти. Любая газета открыта для твоих мыслей, государство гордится своими защитниками, и первые полосы главных газет величайшей страны, таких как «Чистая Правда» и «Великая Правда» отдана тебе...

Глава 13

«Мавр сделал свое дело, Мавр может уходить», – думал Егор о наведенном порядке в Бовском наделе. Сопротивление бандитов сломлено окончательно, главарь убит, ближайшие подельники расстреляны и перевешаны. Сострадающее население практически все уничтожено, ранние морозы сковывали тысячи трупов, лежащих по балкам и низинам вдоль дорог, по которым люди метались, стараясь вырваться из этого ада. Ну а кто уцелел, до весны не доживет, как бы ни старался, созревший урожай был уничтожен еще на полях, это мудрое решение властей было выполнено как обычно с огромным усердием. Все складывалось как нельзя лучше, отмеченный еще двумя боевыми наградами и бесконечным количеством благодарностей, Егор почувствовал свою полезность и значимость. Теперь его отряд был направлен родной надел, где и должен был получить новое задание. Возвращаться домой можно было не откладывая, опасности бандитских нападений практически не было, ни в Бовском наделе, ни в других, считавшихся до этого более благополучными. Но не смотря на такое спокойствие, Скоробогатовский урок, оставшийся на лице, не требовал повторения, и Егор, как всегда, прорабатывал обратный путь. Маршрут возвращения по какой-то причине немного изменился, хотя никаких предпосылок для этого изначально не было. Выдвигаться решено было как обычно, утром.

Замерзшая земля была покрыта изморосью, и копыта лошадей немного разъезжались, вызывая их недовольство громким фырканием. Настроение у всех было приподнятое от хорошо сделанной работы и возвращения домой. Отряд Правдина за все время не потерял ни одного человека, за исключением Сопчука, да хотя какой Сопчук человек, так, сработанный материал, не место таким в будущей жизни! А она настанет, непременно настанет, еще год, другой и очистится земля от ненужного человеческого мусора, чтобы дать простор настоящим, правильным людям, как вот эти преданные делу бойцы.

Так думал Егор и его размышления были искренними, без двойного дна. Бойцы, словно проникнувшись мыслями командира, затянули песню, сильную и мощную, наполняющую смыслом их жизнь. Егору песня показалась знакомой, но он никак не мог ее вспомнить, и все ж строчка о верной жене, ждущей своего солдата, разбудила его сердце, заставив губы потянуться в счастливой улыбке. Вспомнив своих родных, прошлых и настоящих, свою любимицу Машеньку. Тут же опомнившись, он подстегнул лошадь, чтобы никто из бойцов не смог увидеть слабость на его лице, ведь он командир, гроза врагов, товарищ Паленый, с угрожающим шрамом, строитель светлой жизни.

Почти неделю двигались по Бовскому наделу, пересекая его с северо-востока на юго-запад, картина, увиденная не военными, а почти мирными глазами, несколько портило настроение, земля была мертвой в полном смысле этого слова. За все время пути они не встретили ни единого живого человека, а вот трупов было предостаточно, в основном женщины, дети и старики. Исхудавшие тела, в тряпье, меньше всего походившее на одежду, встречались по одиночке и группами в местах, где их настигла смерть. К оврагам и низинам старались не подъезжать вовсе, обходя их стороной, не очень хотелось видеть результаты своего праведного труда, хоть и очень ими гордились, считая себя героями. Егор, как и прежде, считал подобную жестокость необходимостью, так нужно, так правильно. Только думал, что убрать и захоронить всех нужно поскорей, чтобы не портили настроение, и почему это не делают срочно непонятно, когда закопают, будет лучше, в первую очередь хотя бы для того, чтобы избежать эпидемии. Еще хлеб зачем спалили, собрали бы урожай, все ж больше пользы было. А впрочем, не моя это забота, я свой приказ выполнил, награды тому подтверждение, а там хоть...

Что за чудеса? Удивился Егор открывшейся картине: крепкий, добротный дом словно появился из воздуха, умело спрятанный между двумя полуостровами ельника, он казался при-

станищем чудо-богатыря. Весь отряд остановился, любуясь избой с ее мирными, повседневными заботами. Среди бойцов слышались вздохи от воспоминаний о мирной жизни, многим из них хотелось жить вот так, тихо, без подвигов. Казалось, еще немного, и сорвут они лошадей с места в галоп, и помчатся до своих родных деревень, и будут скакать без отдыха и сна, чтобы расцеловать своих жен и детей. И больше никогда не ходить на войну. Егор подал команду двигаться дальше, возглавляя отряд, он, как и прежде, намеревался окунуться в свои приятные размышления. Но Борщев не дал ему такой возможности:

– Товарищ командир, разрешите?

– Говори.

– Товарищ командир, может сделаем привал, в баньке погреемся да заночуем, засветло до следующей деревни не поспеем.

Егор, привыкший принимать решения мгновенно и самостоятельно, сейчас колебался. Струющийся дымок из баньки приятно пощипывал нос, воскрешая в памяти запах распаренных веников, вбивающих жар в тело, придавая ему бодрость и здоровье.

– Хорошо, – ответил командир, разворачивая лошадь в сторону хутора.

Посмотрев на Правдина, бойцы расслабились, словно была дана команда «вольно», переговариваясь между собой, они сломали строй, скучившись у самой ограды. Во дворе между хатой и баней ближе к домашнему крыльцу стоял мужик, опершись на вилы. Он с опаской смотрел на солдат, предчувствуя неладное.

– Чего стоишь? Отворяй ворота, – приказал мужику Борщев, остальные бойцы довольно зашумели, приветствуя требования заместителя командира.

– А я гостей не жду, – твердым голосом ответил мужик.

Отряд как улей дружным гулом выразил недовольство.

– А кто тебе сказал, что мы гости? – Взял инициативу в свои руки Егор, видя, что их план проваливается, поэтому требует вмешательства. – В этой стране все – наше, все – народное, – продолжил он, указывая на красную звезду на папаче.

– Что-то я вас в помощниках не видел, когда зарабатывал горб, строя свой дом и как сорокожилый обрабатывал целинную землю, – все также без малейшего испуга отвечал мужик.

– Горбатого могила исправит, – встрял Коляскин, спрыгнув с лошади и самовольно отворя ворота, сбитые из жердин.

Правдин снисходительно посмотрел на Коляскина, влезшего в разговор, как на верного пса, мол, тывкай, шестерка, работа у тебя такая. Увидев одобрение и поддержку в глазах Егора, Коляскин запаносил шутками, прибаутками в адрес хозяев, кулаков и прочих контрреволюционных и антисоветских элементов. Бойцы гоготали довольные, наслаждаясь своей наглостью и превосходством перед беззащитным мужиком. Они привязали лошадей к жердям и разбежались по двору, как тараканы, кто-то заглянул в баню, кто-то на сеновал, несколько человек, встав за баню, стали справлять малую нужду, а Чайников, чуть не обделавшись, сел тут же выпускать стаи голубей на потеху товарищам. «А кабы они узнали о своих полосатых тряпках, – думал он, – вмиг бы перестали гоготать.»

– У нас для этих дел отхожее место имеется, – заметил хозяин.

– А для нас все вокруг – отхожее место, – парировал отрядный острослов Коляскин, бойцы поддерживающе заулюлюкали и засвистели.

Правдину было необходимо одернуть, не допускать подобного поведения своих подчиненных, поскольку это разлагало дисциплину. Но перед ним был хозяин, каких ненавидели яростно, истребляли без сомнений и сожалений. А окрик мог расцениваться как защита врага. Так что, сколько таких хозяев было и будет, на всех сердца не хватит, пусть потешаются.

– Лошадей накормить, бойцов помыть и расквартировать, – распорядился Борщев, обращаясь к хозяину хутора.

– Лошадей кормить нечем, своя бы скотина не окоцурилась до весны от голода. А солдаты пущай моются и на сеновал, а в дом не входить, там моя семья.

– Твоя скотина сдохнет раньше весны, если будешь вести кулацкие речи, здесь твоего ничего нет, – отрезал Боршев. – Здесь все народное.

Ну, что за глупый мужик, хозяин нашелся, хочешь жить бегай, суетись, спинку потри, сальца нарежь, самогоном опои гонителей своих, жену с детьми на сеновал, а этих в красный угол и молись до скончания века. Зато жив. Что, гордость? Кто хозяин? Ты построил, вспахал, собрал? А они – власть, что, нечем бить? Вот, болван, упрямится еще...

Егор встал в нескольких шагах от мужика, сбоку внимательно его разглядывая. На вид ему было немногим за сорок, крепкая фигура выдавала в нем физически сильного человека, лохматая голова и такая же борода могли причислить его к староверам или старообрядцам. Узкие, зыркающие глаза горели огнем от злости.

«Вот как бывает неправильно, – рассуждал Егор, – что это за человек, откуда у него столько ненависти к нам, встретил бы дружелюбно, и у нас никаких претензий не было бы, а так... – «Я вас не ждал, лошадей кормить нечем...», мелкая, частнособственническая душонка, все только о себе и заботится, никакой великой мысли, никакого масштаба. Впереди всех ждет одно огромное, счастливое государство, строй его, выплавляй, куй, не стой в стороне, тогда и у тебя есть шанс в нем пожить. А так стоит, и смотрит как зверь, что его за это на руках что ли носить?» В этот самый момент у Егора кольнуло сердце, не так, чтобы больно, а так словно какой-то звоночек, сигнал к чему-то важному. Он от удивления и испуга широко открыл глаза. Такого с ним никогда не происходило, ни в прошлой жизни, ни в нынешней.

Солдаты в это время все также сновали по двору, тыча свои носы во все, куда только возможно. Все хозяйственные постройки были излажены, и многие углы изгажены, но в дом пока никто не осмеливался войти, то ли помня слова хозяина, то ли ноги пока не дошли. А сам он так и стоял недалеко от крыльца, опираясь на вилы. Хамская и безнаказанная любознательность не знала границ, один из солдат все же направился к крыльцу.

– В дом входить не нужно, – зло прорычал мужик.

Солдат в нерешительности остановился, раздумывая как поступить, но поймав взгляд Правдина, который ничего не запрещал, он направился к дверям.

В жизни так часто бывает, что-то собирается, копится, стыкуется днями, месяцами, годами, десятилетиями, а потом раз и за доли секунды все происходит. Не успел Егор оправиться от сердечных проблем, как подсознание крикнуло, что пора действовать. Мужик, до последней секунды стоявший неподвижно, схватил вилы и направил их в живот солдату, стремящемуся войти в дом. Всеми своими глазами, включая третий – боковое зрение, и еще чем-то, Егор понимал, что это – нападение, по какому-то странному стечению обстоятельств никто не видит, только он, выхватив шашку, летел наперевес страшному оружию крестьянина. Полностью погасить удар ему не удалось, но траектория вил поменялась, и они с хрустом вошли во внутреннюю часть бедра Смертькевича. Солдат взвыл как раненый зверь, свалившись на землю с торчащим из ноги инвентарем. А Егор, озверев, но прекрасно все осознавая, машинально, яростно наносил смертельные удары мужику, рассекая на куски уже безжизненное тело.

– С вами со всеми нужно так, – словно клятву повторял он, вновь и вновь размахивая шашкой.

Сколько это могло продолжаться, было неизвестно, останавливать своего командира в таком состоянии не решался никто из бойцов. Но в это время из избы выскочила маленькая девочка, и с крыльца буквально прыгнула на бездыханное тело отца, причитая:

– Тятенька, тятенька...

Егор еле успел остановить шашку, занесенную над телом, едва не разрубив ребенка пополам. Он схватил ее и, словно котенка, отшвырнул в сторону. Девочка даже не успела вымол-

вить слова или попросить пощады, ударившись о бревна избы, она уже лежала бездыханная, без единой кровинки на лице, лишь запачканная отцовской кровью. По всей видимости, жена мужика и мать ребенка выскочила буквально за дочкой, пытаясь ее поймать и не пустить, но успела схватить ее ни на пороге, ни на убитом муже.

– Егорушка, Машенька, – кричала женщина, стоя между истерзанным мужем и умирающей дочерью.

Она не знала, к кому кинуться, кого защищать, кого спасать. Материнский инстинкт сработал быстрее, схватив дочку одной рукой и встав на колени, воя как тысячи грешниц, она поползла к мужу. Весь этот ужас свершился за доли секунд, еще не все солдаты узнали о произошедшем практически на их глазах, а страна успела осиротеть еще на двоих своих детей. Женщина выла нечеловеческим голосом, зацеловывая бородатого мужа и неживые губы дочери, делая их красными от отцовской крови. Она причитала, бесконечно называя по имени мужа и дочь, и просила их не умирать. Недалеко, с другой стороны крыльца, лежал Смертькевич с перекошенным от боли лицом. Рядом с ним суетились товарищи, пытавшиеся ему помочь.

– Вилы не вытаскивать, – распорядился Егор, полностью придя в себя после захлестнувшего его бешенства. – Бойца на телегу и во все ноги в «Красный камыш», Голубченко, Стойкин и Чайников в сопровождение, живо.

Лошадь и телега, как обычно, изъятые у мужика, увозили раненого Смертькевича, ближе хотя бы к какой-нибудь медицине. Егор переживал за своего подчиненного, обидно было сохранить отряд в боевых действиях и потерять человека в такой нелепой ситуации.

– Убийца, – прокричала женщина, кинувшись на Правдина и пытаясь ударить его по лицу окровавленными руками.

Егор схватил ее руки, и в этот момент они встретились взглядами. Правдину показалось, что его по голове ударили молотом, она загудела, в глазах потемнело, и страшная догадка промелькнула в голове: " Я знаю, я помню эти глаза, они были такими добрыми и родными когда-то давно, когда я был еще ребенком. Неужели? Нет, нет, этого не может быть, мне просто показалось... »

Женщина, не переставая, кричала, пытаясь дотянуться руками до убийцы, но солдаты надежно держали ее, оттащив подальше от командира. Егор молча, не отдавая никаких распоряжений, вскочил на свою лошадь и поскакал прочь. Отъехал недалеко в лес, лишь бы скрыться от чужих глаз, свалившись с лошади, он никак не мог набрать воздуха полной грудью, внутри все жгло огнем, в голове возникали догадки, одна страшней другой. Он чувствовал, что бредит, наяву разговаривая сам с собой:

– Нет, этого не может быть! Но глаза, я помню ее глаза! Нет, мне это показалось. А если это она, тогда что же собственными руками... я, своего... Нет, вы мне голову не дурите, вы меня не обманете, – говорил он в чей-то адрес.

– Твои догадки верны.

– Кто здесь? – Прокричал Егор, вскочив на ноги. – Неужели я схожу с ума?

– С тобой это случилось давно, еще тогда...

– Заткнись, заткнись, я не хочу тебя слушать. – Он закрыл уши руками, продолжая кричать. – Я знаю, кто ты. Ты тот самый, кто желает загрести жар чужими руками. Все вы такие, сидите и ничего не делаете, ждете, когда за вас сделают все кровавые дела, наведя порядок, чтобы потом тыкать нас носом за чрезмерную жестокость, бесчеловечность и прочую вашу интеллигентскую чушь. А ты иди и сделай! Что, поджилки трясутся? От страха в штаны наложил?

– Что делать надо? Убивать?

– А что с такими делать? Как его заставить быть настоящим советским человеком? Настоящим гражданином.

– Твой де...

– Заткнись. Это неправда, неправда, неправда, так не бывает. Ты хочешь, чтобы я сошел с ума? У тебя это не получится! Все равно мы победим, чего бы нам это не стоило, и построим великое государство на миллионы лет...

Всю свою историю человечество ищет лекарство от безумия, ох, как бы оно сейчас пригодилось...

Глава 14

Опять дорога. Все это время Егор пытался избавиться от неприятных воспоминаний прошедшего дня. Никак не выходили из памяти глаза той женщины, но в духе Марксистско – Ленинистско -Сталинского учения убеждал себя, что такого быть не может. Не может, и точка. Вчерашний срыв он списывал на переутомление, впервые за годы новой кипучей жизни захотелось отдохнуть. Немного приободряло то, что Смертькевич остался жив, и нога останется при нем. И девочка тоже жива, ушиблась только ножками, наверное, на всю жизнь останется калекой. «Хорошо, что Борщев отправил ее вместе со Смертькевичем в госпиталь. За это ему нужно сказать спасибо, не командирское, а простое человеческое. Не забыть бы.

Так вот он, Борщев, возьми и скажи, чего откладывать на потом, забудешь, как пить дать...

Но глаза – как они похожи..., тьфу ты, сколько можно, одно и то же, я же решил, что нет, это не она. Этого не может быть...»

Пейзаж вокруг сильно отличался от прежней безлюдной пустыни. В деревнях ощущалась жизнь, работа кипела. Молотили собранный урожай, пытались наесться досыта хлеба да каши. Надеялись, что из желудка не станут вынимать, а то, что после, отдадим легко, с превеликим удовольствием. Но там, наверху, тоже не дураки сидели: слепили наскоро повинность в виде продналога, осчастливив этим освобожденное крестьянство. Теперь и каждый рот, и каждый двор, и каждая деревня обязаны кормить государство. А у государства, я вам скажу, аппетит будь здоров!

Скоро должна была показаться станция Багряная, там и до дому рукой подать. Начал накрапывать мелкий противный дождь, а у нас потеплее будет, чем в Бовском, хотя лучше бы без дождя. Но ведь погоду, как и власть, не выбирают. Впереди показалось несколько обозов, нагруженных мешками с пшеницей. На первой телеге был закреплен транспарант, поднимающий на недостижимую высоту настроение своей передовой мыслью:

«Продразверстка – счастливая дорога в светлое будущее! Ура!!!»

У этой телеги копошилось несколько человек, пытаясь починить колесо. Поравнявшись с ними, Егор спросил:

– Помощь нужна?

Мужики безрадостно сообщили, что не отказались бы от таковой, но вот беда: вокруг на десятки верст нет ни единой души.

Невзирая на такое важное обстоятельство Егор приказал своим бойцам пособить в общем деле строительства великого... и так далее. Бойцы без особого энтузиазма, но все же стали помогать. Починить смогли, но надежности в починке было маловато из-за отсутствия необходимых инструментов.

А потому Правдин решил сопроводить обоз пусть не до самой светлой жизни, но хотя бы до станции, чтобы в случае чего выручить крестьян, как он делал до этого много раз. В дороге Егор расспрашивал мужиков о том, какова стала жизнь, легче ли стало и намного ли по сравнению с временами царского бесправия. Мужики видать тоже были не лыком шиты, а потому подмечали массу положительных примеров улучшения. По их словам, получалось, что райская жизнь наступила, вот только одна беда, все улучшения проигрывали тринадцатому году.

– Ничего, мужики, вы не представляете, как вы заживете через тридцать лет, жизнь будет точно в сказке, – подбадривал их Правдин.

Глаза мужиков совсем сникли, такого близкого счастья им, скорее всего, не увидеть. Что-то опять перспектива хорошей жизни, предлагаемая властью, была далековато, впрочем, как и всегда.

За дружеским разговором и дождь не так досаждал, и дорога казалась короче. Станция радостно встречала близких людей слякотью дорог и всеобщем равнодушием. Егор приказал Борщеву отметить в комендатуре и определиться с ночлегом, а сам решил проводить подводы до самых хлебных складов. У складов не было особого оживления, стояло ровно шесть телег, под которыми сидели мужики, прячась от дождя. Мужик с правдинского обоза сбегал спросить у ждущих, чего и как, и почему они не сдали хлеб. Вернувшись, он рассказал Егору, что мужики матерятся по поводу творимой несправедливости.

– Слушай, Павло, сходи-ка, разузнай все у весовщика, чего у них там, все потом обскажешь, – распорядился Егор, обращаясь к старшему обозу.

Павло вернулся на удивление очень быстро, словно ему указали кратчайшую дорогу.

– Товарищ Правдин, весовщик сказал, что сегодня приема не будет, весы сломались, до починки ждать надо.

– Чего, даже весы ломаются, железо, оно есть железо, – сделал заключение Егор.

– Хотя они один вариант предложили, чтобы выручить нас от мытарств ожидания, – продолжил Павло.

Правдин вопросительно посмотрел на него, ожидая разъяснений.

– Пять пудов просят, чтобы весы опять заработали.

Егор опешил от услышанного: «Это же называется откат..., а нам говорили, что он – родной отец дикого капитализма! А тут социализм в зачатке, и такое... Мы там кровь проливаем, а они тут..., ну суки...»

Двери в склад Егор открыл с такой силой, что казалось он, сложится как карточный домик. Увидев приемщика, Правдин мгновенно вспомнил, что видел его раньше, это – казанская сирота, не иначе. Видать, сиротку разнесло вширь, от постоянного созерцания тысяч пудов пшеницы, сузив его глаза до узеньких, бессовестных щелочек, в которых тревожно бегали зрачки.

– Где хлебный комиссар? – Заорал Правдин, надвигаясь на сиротку, словно ужасный боевой слон.

– Болен, болен комиссар, – запричитал приемщик.

Егор схватил его за ворот и, придавив рукой горло, заглянул в самое дно свиных зенок, прорычал:

– Если не примешь по закону хлеб у крестьян, зарублю!

Сиротка на глазах сбрасывал вес, потя каждой порой, казалось, еще немного, и он сможет захлебнуться в усмерть от своих переживаний. Ничего не говоря, он лишь мычал и кивал головой, распахивая ворота склада и взмахом руки приглашая мужиков для сдачи хлеба.

Егор, чтобы подтвердить серьезность своих угроз, вытащил шашку и крест на крест рассек ею воздух перед собой. Сиротка, совершенно сникнув, испортил рассеченный воздух огромного складского помещения.

Правдин был бы не Правдиным, если бы сделал свое дело наполовину, поэтому, чтобы окончательно навести порядок в складах, решил доложить о произошедшем заболевшему хлебному комиссару. Пусть знает о творящихся в его отсутствие безобразиях, граничащих с преступлением.

Изда, где квартировал хлебный комиссар, встретила Егора каким-то беспокойным оживлением. «Как бы не случилось чего плохого,» – подумал он. Часовой у двери попытался воспрепятствовать Правдину пройти вовнутрь, но Егор одарил его таким взглядом, что у часового отпало всякое желание перечить. «Как противны эти швейцары, даже если они военные, даже если они по уставу», – думал Егор, отворяя двери.

Его чуть не сшиб запах перегара и табачного дыма, тут же грянула веселая музыка из самой дальней комнаты.

– Вот тебе и хлебный комиссар, вот тебе и вертеп разврата, – довольно громко произнес Правдин, желая, чтоб его услышали.

Пробираясь к эпицентру веселья, он перешагивал через разное барахло и пьяные тела, которые валялись там, где их неожиданно настигло опьянение. За столом, где, по-видимому, и проходила гуляба, сидел какой-то гражданский мужик с раскрасневшейся от водки мордой, вокруг него извивалась совсем немолодая баба почти в неглиже. Ее полные, бесформенные груди вываливались одна за другой из-под непонятной одежды, которая пока еще оставалась на ней. Она с показушным кокетством, как бы демонстрируя свои прелести, заправляла их в ненадежное укрытие, из-под которого они тотчас высвобождались снова и повисали как два мучных куля с сосками на плечах гражданского. За столом находился еще один субъект, но уже военный, он, доведенный до полного отчаянья то ли водкой, то ли танцами валькирии, мирно почивал в тарелке с остатками еды. Правдина переполняла ярость, он схватил военного за шкирку и заорал:

– Комиссар, смирно!

Но Егору было проще докричаться до своего прошлого, чем до сознания хлебного комиссара: тот, как мешок пшеницы, покорно свалился к ногам пробуждающего. Гражданский, до сих пор равнодушно смотревший на Правдина, вдруг стал совсем багровым и, схватив кружку, выплеснул ее содержимое в Егора, закричав заплетающимся языком:

– Пошел вон, сволочь, иначе выпорю...

Пересказать, что сотворилось с Егором, невозможно, можно лишь прочувствовать свое крайнее возбуждение в творимой к вашей персоне несправедливости.

Быстрее скорости света у него отключилась способность думать, анализировать и сдерживать себя, зато появилась свобода праведного гнева. В одно мгновение он откинул рукой стол, перевернув его содержимое на пол, и со всей силы ударил кулаком в глаз наглецу. Совершенно не ожидая такого развития событий, гражданский вместе со стулом шлепнулся на спину. Быстро сообразив, что зачистка его морды – лица не окончится одним ударом, он стал резво ползти под стоящую рядом железную кровать. Делал он это очень проворно, но молча, лишь похрюкивая, как справный боров. Валькирия также тихо прошмыгнула из комнаты, размахивая во все стороны своими достоинствами, и уже на крыльце заорала во все свое бабье горло:

– Помогите, убивают!

В это время гражданский дополз до дальнего угла кровати и, схватившись руками за ножку крепче самой прочной сварки, стал осыпать всех вокруг матами и оскорблениями, предвещая всем тяжелую судьбу:

– Подонки, все подонки, я вас научу жизнь любить, вы все передо мной на карачках ползать будете. Подонки! Подонки, – не унимался красномордый.

Егор же в это время старался вытащить эту нелепость из-под кровати, тянув его за ногу так, что кровать двигалась, словно была на жесткой сцепке. Только чудо спасло красномордого от инвалидности. Правдин с такой силой дергал ногу, что мог запросто ее оторвать. А тот в ответ на издевательства материл всех, на чем свет стоит, обзывая подонками. Перетягивание ноги длилось недолго, на истошный крик валькирии вбежал часовой и попытался разнять конфликтующие стороны, но у него ничего не получилось. Он выбежал из дома и вскорости вернулся с подмогой, которая и смогла расцепить дерущихся. Спустя еще немного времени, разнимающих стало полный дом: военных, милицейских и гражданских начальников.

Егор сидел на стуле, все еще до конца не придя в себя. Все его мысли были обращены только к одному, к собственной правоте: «Мало подобных гавнюков уничтожали, расстреливали, стирая с лица земли. Страна только начинает строиться, а здесь бардак с хлебом, специальный комиссар – сволочь конченная, и это еще неизвестная гражданская сволочь.»

А неизвестный не желал выползать из-под кровати, не смотря на все уговоры. Видя, с какой учтивостью разговаривали с подкроватным собеседником все, кто находился рядом,

Егором сделал вывод, что это какой-то важный гражданский чин. Но он нисколько не сожалел о нанесенном ему ущербе, а скорее сокрушался, что так и не смог вытащить его из-под кровати.

Суэта творилась неопишемая, столько энергии людей и времени тратилось зря на разрешение данного безобразия. Егору представлялось все намного проще: вывести эту поганую братию, поставить возле хлебного склада и кокнуть другим в назидание.

– Товарищ командир, прошу вас последовать в отделение милиции, где вы сможете дать показания о случившемся, – обратился к Правдину местный милиционер.

Он молча встал и пошел к выходу, услышав за спиной чье-то обращение к подкроватной сволочи:

– Товарищ Сальский Владимир Вольфович, выбирайтесь, голубчик, вы в безопасности.

«Сальский, Сальский...», – крутилось в голове Егора, – знакомая фамилия, где-то я ее уже слышал, ах да, это председатель Среднего надела по сельскому хозяйству. Большая шишка в нашей местности, но мразь отменная.»

Ощущая справедливость на своей стороне, Егор даже не сомневался в правильных выводах со стороны вышестоящего начальства. Этого Сальского вместе с хлебным комиссаром, как минимум, расстреляют.

Изложив все, до мельчайших подробностей, милиционеру: со времени ремонта подводы крестьян, сопровождения их до склада и до конфликта в доме хлебного комиссара, Егор подписал в протоколе, что с его слов записано правильно и им прочитано, затем отправился в комендатуру. Там он получил срочный приказ отправиться в Средний надел к Нагорному. Скорость, с которой история конфликта долетела до начальства впечатляла, и все же Правдин не считал это дело настолько срочным. Но приказ есть приказ, даже несмотря на то, что передвигаться придется в одиночку и в темное время суток.

Надел встречал Егора ранними криками петухов, хотя еще и не светало, но молодые петушки, чтобы обрести хоть какую-нибудь значимость и привлечь к себе внимание курочек, рвали свои слабые связи. «У этих глупых птиц все как у людей почему-то», – думал Правдин.

Свет в кабинете Нагорного указывал на то, что он провел очередную бессонную ночь. Адьютант без промедления доложил о прибытии Правдина и проводил его в кабинет. Комиссар Среднего надела встречал Егора как старого друга, он с неистовой силой пожимал руку и обнимал героя.

– Рад, очень рад, что ты жив, что герой, Молодец!

Правдин почувствовал благосклонность начальника, выразившуюся в обращении к нему по имени, а не по фамилии или званию. Это дорогого стоит, тем более, от такого человека. Нагорный стал расспрашивать героя о его подвигах, но, как показалось, не очень-то вслушиваясь в повествование, словно подводя к чему-то определенному. Егор, борясь с подозрениями охотно рассказывал о сложностях Бовской операции. И вот когда он добрался до самого важного. Нагорный не дослушав, вдруг задал неуместный вопрос.

– А что случилось в Багряной?

Правдин даже не сразу сообразил, не успел перестроиться. «Ах, вот в чем дело,» – смекнул он, тут же охладев к восторженным эпитетам в свой адрес. В этот момент показалось, что все это было разыграно только для того, чтобы его расслабить, а затем застать врасплох.

Он во второй раз все обстоятельно рассказал, как встретил обозы, какой лозунг был написан на транспаранте, и как на складе из мужиков вымогали хлеб, и о безобразиях на квартире хлебного комиссара, и как дал в морду Сальскому.

– Ты уверен, что это был именно Сальский? – Спросил Нагорный. – Ты его до этого знал что ли, видел?

Егор объяснил, что до этого дня с Сальским был незнаком. Но его так называли те, кто был в доме, да и милиционер подтвердил, что это был именно он. Впрочем, все это есть в протоколе участкового.

– Понимаешь, какое дело, – начал комиссар, выслушав все очень внимательно. В его интонации чувствовалась то ли нотка недоверия к рассказу, то ли желание что-то донести до собеседника. – Мне доложили, что товарищ председатель по сельскому хозяйству в данный момент находится в Помочалове. А это, хочу заметить, на другом конце надела, что, в свою очередь, делает невозможным нахождение его в Багряной.

– Не понял, товарищ Нагорный, – изумился Егор.

– А, что тут непонятного, просто ты обознался, вот и все.

– Ну, хорошо, я его не знал и обознался. А как же все остальные, которые его знали и называли по имени и отчеству?

– Ну, знаешь, они тоже завтра все обознаются и представят на этот счет письменные подтверждения, хоть по сто штук на каждого.

– Кто же это был тогда?

– Просто человек, похожий на Сальского, мало ли на свете похожих друг на друга людей.

– Товарищ главный комиссар, разрешите направиться в Помочалово и лично встретиться с Владимиром Вольфовичем.

– Ты такой глупый или упрямый? – С недоброй интонацией спросил Нагорный. – Мне оттуда, – задрал палец вверх, показал он, – позвонили и сказали, что это был не Сальский. Это не обсуждается, это – приказ!

Настроение Правдина совсем испортилось, и на мгновение ему даже показалось, что он потерял смысл жизни. Столько времени быть на грани жизни и смерти, защищая и отстаивая интересы встающей с колен страны, а тебе за это по морде. И ради кого, ради этого подонка Сальского? В чем тогда смысл? Он смотрел на Подгорного, который что-то ему объяснял, жестикулируя руками, но ни одного слова не смог разобрать, да и сам главный комиссар, расплывался в глазах как одно мутное облако.

Глава 15

Так бывает, в какую-то минуту ты чувствуешь, что все зря, все бессмысленно и бесполезно. Твои стремления и дела никому не нужны и ничего не стоят, хотя еще вчера ты был готов положить за них свою жизнь, и с такой же готовностью отнять ее у других. Затем ты понимаешь, что это все кризис подростковый, юношеский, тридцатилетний, сорокалетний и так далее, до самой последней своей минуты ты будешь сомневаться...

Ах, эти отступления, художественные уловки в подготовке читателя к поступкам героев. К чему вас готовить?...

Егор запил.

Но делал он это обстоятельно: до беспамятства. Уязвленное самолюбие бунтовало, а дела-ние из него дурака руками власти, ради которой он рисковал своей жизнью и клал сотни и тысячи жизней других людей, сильно обижало. Ну, в конце концов, не доказывать же свою правоту, ложась костями за правду. В пьянке вся правда и есть, ... плетень упал, дети полуголодные, лошадь издохла – пей с горя! Оскорбил начальник или чиновник, дети не понимают, с женой разлад – пей! Пей, и говори с горя, тебя поймут, а может и впрямь полегчает.

Вы, может быть, замечали, бывает человек бесстрашный и храбрый, рискует своей жизнью, выдавая на-гора подвиг за подвигом, и кажется, что никто не сможет сломить его героизм. Но казенное: " мы вас туда не посылали, без вас бы обошлись, незаменимых людей у нас нет, вы обознались " – ломает стального героя словно спичку, истерзав его душу когтями сомнений. Ему хочется привлечь внимание и рассказать, что свершал он свои героические поступки ради них же, для вас, для тебя. Но вам нужно дуть на кашу, помешивая, чтобы не пригорела, стоять в очереди в уборную или стирать носки. А он старается докричаться до окружающих, трясет их за плечи, хочет объяснить, отчего все так произошло. Но они равнодушно отпихивали его, не понимая, в чем польза от этих никчемных подвигов, вот если бы носки сами стирались, или уборная на каждого, или каша не...

Он все сильнее не понимал их равнодушия, еще раз, уже не надеясь на успех, стучится в ваши двери, но вы устали и хотите отдохнуть, дежурно отвечаете:

– Друг, давай завтра, хотя нет, завтра у меня такой день... Знаешь, что? Сейчас разгребу накопившиеся дела, появится время, и я тебя обязательно выслушаю.

Зачем вы лжете? Не будет у вас времени не потому, что вы заняты, а потому, что у вас черствая душа, как и у тех, кто не посылал его туда. А может и того хуже, вы боитесь, что ваши важные дела и якобы занятая жизнь покажутся убогими и никчемными на фоне его одного настоящего поступка.

– Пей, Егорка, водка душу лечит, она одна нас понимает.

Сашка лил мутный самогон в кружку, проливая мимо. По его лицу было видно, что он горевал давно и не по Егоровым переживания, а по своим собственным.

– Ты понимаешь, Егор, – начал он свой рассказ, уже, наверное, в девяносто девятый раз со дня их встречи. – Я же жизнь свою не щадил ради власти, я, как в директиве, беспощадно истреблял, палил и стрелял, а они меня под жопу. Меня, Егор! Меня, боевого командира. И за что? Что им барахла жалко, да? Вот ты сам рассуди...

Правдин безучастно смотрел на кума, силясь понять, что тот от него хочет.

– Понимаешь, меня, боевого командира, да я жизнь за них, а они меня под жопу...

Сашка заплакал словно малец, размазывая слезы по лицу, но эти рыдания никак не трогали Егора. Он понимал, что плачет не Сашка, а водка, да и к тому же на утро он ничего не вспомнит, что молол языком и зачем рыдал как дитя. А еще потому, что Сашка – сволочь, и удивительно, что его не расстреляли, а всего лишь дали под зад, ведь то, что он творил, назы-

вается не иначе, как мародерство. В отряде Егора тоже были отдельные факты, и он о них знал, но за незначительностью закрывал глаза.

Он открыл глаза, ощущая жуткую сушь во рту, голова разваливалась на куски, казалось, если она о чем-нибудь подумает, то треснет, как переспелый арбуз. Очнулся он, как всегда, дома, также, как Сашка, не помнил, как и чем закончился вчерашний день. Вот уже не одну неделю как два бравых командира напивались каждый со своего и с одного общего горя: обиды на власть. Сашка жаловался и плакал, а Егор просто пил. Он совершенно потерял связь с реальностью и временем, казалось, что про него все забыли, также как обо всем забыл и он. И только неизменная Сашкина морда метузилась перед ним, не переставая скулить:

– Ты понимаешь, мне, боевому командиру, ни за что... – понес свою бредятину Сашка после очередного стакана самогона.

Егору принятая доза не доставила облегчения, а нытье собутыльника уже выводило из себя, казалось, еще немного и он сам удавит этого боевого командира. Вот и руки уже потянулись до ненавистной шеи.

– Тятя, тятя, там по твою душу, солдат до тебя, – беспокойно затараторила доченька, заглядывая в хлев и ища глазами отца.

Он молча встал и пошел, оставляя воющего Сашку. У правдинского дома стоял посыльный, верхом на лошади. Он козырнул в приветствие, хотя в этом человеке, который стоял перед ним, совсем не угадывался бравый командир. Обросший, неопрятный, с опухшим и посеревшим лицом, он был похож на законченного пьяницу, впрочем, коим он сейчас и был.

– Товарищ командир, вам устный приказ, явиться в надел к товарищу Нагорному.

Губы Егора зашевелились, но ни единого слова невозможно было разобрать, словно все они застревали в зубах. Не дождавшись ответа, посыльный еще раз повторил приказ. Егор поразился тупости бойца, ведь он все ясно сказал, ... Что, не понимаешь словами? Придется объяснять пальцами... Он свернул фигу, посмотрел на нее, плюнул, обтерев о себя, и продемонстрировал бойцу. Не дожидаясь дальнейшего развития событий, посыльный ускакал, чтобы передать увиденное начальству.

Нагорный на полученный ответ совсем не рассердился, он понимал, что Правдин злится, и еще не отошел, поэтому решил подождать. Следующий приказ о прибытии, был доставлен в пакете с сургучовыми печатями. Егор, находясь точно в таком же состоянии, демонстративно порвал пакет, пустив по ветру клочки. Нагорный, выждав опять время, отправил конвой с приказом доставить в любом состоянии.

Правдин удивился, проснувшись не дома, а в каком-то чужом месте. Первая мысль промелькнула: «Арест...», да что-то не похоже, больно комфортно. Кровать, большой шкаф, тяжелые шторы на окнах, он все внимательно рассмотрел, лежа на кровати, затем решил проверить, не заперта ли дверь, та легко поддавалась, предательски заскрипев.

– Что проснулся? Выходи, покажись, герой.

Егор не видел говорящего, но по голосу узнал Нагорного, с виноватым видом за свои поступки и внешность, опустив голову, вышел из комнаты.

– Красавец, ничего не скажешь. «Проходи, садись за стол, вот бутылка водки», – говорил он, наливая стакан, – можешь выпить залпом, можешь растянуть, но она у тебя будет последней. Думаешь, я тебя осуждаю?

Егор вскинул голову, желая что-то сказать, глаза налились обидой, а ком в горле готов был выстрелить катапультой.

– Молчи, – не дав возможности высказаться, продолжил свой монолог Нагорный. – Я могу тебя понять, как никто другой, потому что тоже побывал в этой шкуре. Еще до революции в нашей парторганизации несколько прохвостов обвинили меня во всех грехах, которые только могут быть у коммуниста. Хитростью и интригами они смогли настроить большую часть партийной ячейки, и меня исключили из партии. Меня, человека, ввергшего свою жизнь

победе коммунистической идеи, меня, ссылаемого много раз в самые страшные уголки империи. Меня, порвавшего со своей любовью из-за идейных разногласий и ее дворянского происхождения. Не знаю, какие еще жертвы должен понести человек, чтобы доказать свою преданность общему делу. У меня отобрали все за несколько минут, подняв руки, голосуя единогласно за мое исключение. Но я, в отличие от тебя, не распустил сопли, а, собрав всю свою волю в кулак, продолжил борьбу, ведь я сам не исключал себя из партии. Меня невозможно из нее исключить, меня можно только убить. Я нашел неопровержимые доказательства, что те двое были сотрудниками охранки, и вот этими руками я лично покарал их, восстановив справедливость.

Нагорный искренне переживал те далекие дни, голос его рокотал словно сердитый майский гром, лицо покраснело, взбугрив его вздувшимися венами. Мощные руки, как тиски, ладонями вверх были обращены к Егору, как неопровержимые улики.

– Сильным надо быть, товарищ Правдин, а если ты ведешь себя как слизняк, столкнувшись с несправедливостью, грош цена твоему героизму. Говорю это тебе, чтобы понял ты, бороться надо и работать, работать и бороться, не так много у меня тех, на кого я могу положиться. Не с кумом же твоим мне государство с колен поднимать?

В душе у Егора от таких слов порядка не прибавилось, а наоборот, все противоречия обострились. Он пытался понять, что делать дальше, впрочем, с самым главным он уже определился – он восстановит справедливость в конфликте с Сальским.

– Товарищ старший командир, это всё-таки был он?

Нагорный молчал, как бы подтверждая своим молчанием то, в чем Егор был уверен с самого начала.

– Я все понял, какие будут распоряжения?

Новое назначение возводило в душе еще большие холмы сомнений на месте прежних. Нагорный, будучи первым секретарем младшего надела, стал главным звеном в решении тяжелейшей задачи – коллективизации. «Но какими целями руководствовался Нагорный, назначая меня председателем колхоза, – размышлял Егор, – ведь он посылает меня в самое логово врага. Да нет, какой ему интерес расправиться со мной таким мудреным способом? Скорее всего, ему нужны люди, верные люди, которые могли бы противостоять Сальскому, а не плясать под его дудочку. Из всего этого вытекает, что первый секретарь – мой покровитель.»

К сожалению, и такой расклад не очень его обрадовал. Эти политические интрижки..., как он был далек от них, и считал эти дела бесполезными и ненужными, ведь сколько времени и нервов уходит на мышиную возню в выяснении, кто главный. А силы нужно пустить на решение неотложных, действительно нужных дел. Но самый высокий холм был холмом обиды, он возвышался над всеми остальными, не давал покоя: «Конечно, не хотелось бы мне походить на кума Сашку, и все же я не жалел своей жизни. Глядел в глаза смерти, обливаясь кровью, и что заслужил, всего лишь вонючую должность председателя колхоза?»

Но выбирать было не из чего, а если живешь в системе бесконечных молотов и наковален, то выбор невелик: или будешь бит постоянно, или нужно стать хотя бы наковальней, чтобы о тебя плющились все эти шестерни и винтики. А пока самому нужно уцелеть во всей этой механике и металлургии. В том, что жизнь продолжает быть нелегкой, сомневаться не приходилось, счастливая и радостная она, как всегда, отодвигалась в будущее... Вот и первый документ, доставленный свежее испеченному председателю от руководителей надела. Это был план.

Еще не было колхоза, крестьяне не знали о таком слове, а план уже был, и чуяло сердце, что будет он неподъемным, и сечь за него будут в полный рост.

Прежде всего нужно было собрать деревенский сход, но задача это была не из легких: помещения, куда бы вместились большая часть жителей, отсутствовало, а на улице мороз, который не позволит думать, по существу. Егор лично обошел все дворы, известив и предупредив, что в случае неявки будут делаться оргвыводы. И первым, к кому за помощью в создании кол-

хоза обратился Егор, был кум Сашка. Кум встретил Егора с большой радостью. Лишившись собутыльника, он лишился и так не обходимой для него жилетки.

– Как я рад, Егор, давай за нас, – мычал Сашка.

– Кум, слушай меня внимательно, повторять не стану, завтра сход, я вижу тебя на том сходе трезвым и опрятным, мне нужен надежный и верный человек в помощники. В противном случае, в морду дам!

– Вот и ты туда же, меня, боевого офицера в морду, да я жизни не жалел...

Егор не стал дослушивать то, что слышал не раз, оставив Сашку один на один со своей обидой.

День схода выдался необычайно теплым, до оттепели природа сжалилась над людьми, которым предстояло новое тяжелое испытание. К месту собрания потянулся и стар, и млад, дети, все те, у кого было, что одеть и обувь, тут же рядом со взрослыми возились в снегу. Но не все смогли быть здесь: Витька и Колька Лоскутовы жили рядом, но обуться было не во что, хоть плачь, а так хотелось быть там. Они всматривались в маленькое, грязное, закопченное оконное стекло. Видно было плохо, и ощущения присутствия не было совсем. Изнурив себя желанием попасть в гущу событий, они время от времени выбегали босоногие на улицу, смотрели на большую толпу людей и убегали домой греть ноги о печку. Это все – временные трудности, потерпите ребята, вас государство скоро обует.

Взрослые стояли небольшими группами, мужики густо пускали дым, не ожидая ничего хорошего, а женщины были более простодушными: посмеивались и осыпали место схода семечной шелухой.

Егор взобрался на небольшой ящик, принесенный им предусмотрительно, и, бегло осмотрев сход, отметил, что несколько семей все же не представлены, а также отсутствовал и кум.

– Дорогие селяне, – начал он. – Я, Егор Правдин, вы все меня хорошо знаете, я вырос здесь, рядом с вами (хотя в этих словах он не был до конца уверен). Наша великая власть, обливаясь кровью, добыла свободу для вас, одолев кошмары царизма в лице поганных помещиков, дала в морду наглеющему кулачеству. Наступает новая крестьянская эра, это эра коллективного ведения хозяйства. Такого история человечества еще не знала, мы будем первые на этом пути, а пионерам всегда трудно. Но мы все верим в мудрость и дальновидность наших вождей Ленина и Сталина.

Затем он стал рассказывать все то, что видел сам в детстве, живя в совхозе, перепрыгнув сразу в относительно счастливое колхозное будущее. Конечно, он умолчал о трудностях, о налогах, о беспаспортном существовании, по своей сути, о крепостных крестьянах красной империи. Хотелось это перескочить, не заметить, попасть сразу туда, в не голодное застойное время, где можно было, несильно опасаясь, украсть зерно из общего гурта, чтобы прокормить свое хозяйство, ходить на работу пьяным, или вообще на нее не пойти, а получить за это лишь моральное порицание. Ну, и конечно, тяжелый крестьянский труд в бездонные, безответные государственные закрома.

Но не скажешь ведь всю правду, вот и выдергиваешь, что получше, приукрашиваешь, как можешь, вот это и называется политика. Ложь – это, а не политика, ложь – это просто ложь.» Политика – грязное дело», вы, наверное, слышали такие слова, стоит сволочь, врет напропалую, а виновата какая-то там политика. А ну-ка попробуй, построй на лжи любовь, семью, дружбу, воспитай детей или построй страну, конечно, какое-то время можно продержаться, но итог всегда один. Вот и вывод простой напрашивается, что лгут временщики, а есть ли таким людям вера?

– Только вера и огромный труд, граничащий с самопожертвованием, приведет нас к счастью, – закончил Егор свою пламенную речь. – Какие будут вопросы?

Дед Еремей в нерешительности поднял руку с желтыми от табака пальцами, желая спросить. Правдин кивнул, давая разрешения.

– Я чаво-то не понял, чаво делать-то?

Сход взорвался смехом, хотя, что нужно делать не понимал никто. Дед сконфузился, услышав реакцию толпы.

– Вопрос совершенно правильный и по существу, всем надо написать заявление о вступлении в колхоз.

– А кто не напишет, если кто несогласный? – Выкрикнул кто-то из толпы.

– А таких быть не может, несогласный тот, кто не желает вступать в колхоз, не желает, чтобы Родина стала крепкой, чтобы ее боялись враги, чтобы она стала счастливой. Значит кто этот человек?

– Враг, – выкрикнул задавший вопрос.

– Совершенно верно, – подытожил Егор, – а что с врагами делают?

Сход молчал, словно набрал в рот воды, словно каждый из них боялся примерить на себя костюм врага.

– Врагов надо бить, – вдруг выкрикнул мальчуган, стоявший в кучке своих сверстников, набаловавшись, они промокли и начинали замерзать, но все же не желали бежать домой.

– Слушайте, что вам ваше будущее говорит, – подвел черту председатель нарождающегося колхоза.

Но даже открытая угроза не торопила людей кинуться в дружеские объятия колхозной жизни, в первую очередь о вступлении написали те, у кого из хозяйства водилась разве только мечта о нем, а также шибко пьющие и вдовы. Те же, у кого была хотя бы чахлая лошаденка да возделанный клин земли, бойкотировали вступление, а без их имущества и умелых рук построить колхозное благоденствие не представлялось возможным. Самый простой и действенный способ, как в Бовском, – всех под нож, но кто же землю будет обрабатывать? Сальский что ли? Значит нужно создать невыносимые условия для их вольной вне колхозной жизни, давить на них всеми возможными способами, включая и физическое силу. Все приходилось придумывать и предпринимать самому, государственной внятной и понятной линии не было никакой, были лишь неизменные пакеты, где ставились задачи по околхозоствлению крестьян. К такому-то числу доля колхозников должна составить столько-то процентов с последующим приростом процентов в геометрической прогрессии.

Порой Егору казалось, с какой бы стороны за проблему он не взялся, она не главная. А какая главная, кто бы подсказал? Попытался обратиться за помощью к Нагорному, но у того было плохое настроение, или по какой-то другой причине первый секретарь младшего надела был очень раздражен: отделялся лишь общими фразами, давая Правдину полный карт-бланш на все его действия. А затем в помощь пообещал прислать партийного работника. «На хрена он мне нужен, – думал Егор, – он, что, из воздуха семена сделает или лошадей нарождает? Знаю, будет совать свой нос во все дела, да стучать своему начальству.» Стало ясно, что помощи ни от кого он не дождется, и до всего нужно доходить самому, как обычно, методом научного тыка.

Из вступивших в колхоз создали комиссию, которая была призвана произвести перепись сельхозинвентаря, зерна на посев, тягла, включая остальную домашнюю живность, даже включая собак и птицу. Возглавил данную комиссию, как председатель, Егор, секретарем назначили Никиту Скурпуленко, а рядовыми членами Варьку Лоскутову и Тоньку Ершову. Вначале Егор хотел взять в помощники Сашку, но, опасаясь обвинений в кумовстве, отказался от этой идеи, да и Сашка сволочился, не переставая пить. Из мужиков особо достойных колхозников не было, вот и пришлось Никиту Скурпуленко брать, человек он крайне ленивый, угодливый начальству, трепло и лгун. Внешность его описывать не стану, чтобы не заставлять читателя вставать и идти к зеркалу, дабы убедить себя, что у вас совершенно ничего общего с Никитой нет. Вот...

Варька Лоскутова – обычная селянка, с двумя пацанами подростками на руках. Муж ее, Ленька, уж почитай, как лет восемь ушел на заработки в город и сгинул, не прислав ни единой весточки иль какого-нибудь рубля из заработанных денег. Может, где сложил свою буйную голову, а может сбежал от жены и детей, чего не знаем, того не знаем. Вот потому врать и сочинять не станем. Про Тоньку Ершову знаем и того меньше, баба как баба, бог ее детьми не наградил, зато наградил мужем, шибко пьющим и бьющим ее почем зря. Вот так зарождалось то, что в скорости назовут эффективным сельским хозяйством.

Комиссия, как группа заговорщиков, работала над планом обхода села и возможных уловках по укрывательству имущества и способах недопущения таковых. Первыми комиссия навестила самых зажиточных крестьян, хотя подобный визит был неожиданным, но последние годы приучили всех немножко припрятывать, не договаривать и не показывать все. Управившись за несколько дней с нелегкой задачей, Егор принялся анализировать результаты. И как обычно бывает, результаты оказались не очень впечатляющие, да к тому же все, что так необходимо было колхозу, принадлежало частникам, а в колхозе был лишь длинный язык Скурпуленко да босые Варькины дети, негусто правда? Но у Егора было самое главное и неоспоримое преимущество – он был властью, а по сему мог такое сотворить с любым, что любо дорого.

Все, чье имущество обязательно должно перебраться в колхоз, были приглашены на собрание в колхозное правление, туда, где раньше был красноармейский штаб. Форма приглашения была такова, что не явиться было практически невозможно. Очередная пламенная речь председателя с перечислением преимуществ коллективного труда нисколько не тронула присутствующих, не было ни оваций, ни одобрительного гула, а было недоверие и тревога в глазах.

– Вот ты скажи председатель, – обратился к Егору один из братьев Баженовых, пожалуй, самых крепких мужиков села. – На кой ляд мне сдался твой колхоз. Я налог государству сдал? Сдал, вот справка имеется, излишков зерна дать в колхоз, у меня нет.

Остальные собравшиеся, довольные веским аргументом, зашумели.

– Матвей, – отвечал Егор, – ты мужик неглупый, да только не можешь вразумить, что сданного твоего хлеба не хватает, чтобы накормить страну. А коли ты об излишках заикнулся, так знай, есть такая наука, математика называется. Какой у тебя посевной клин? Не соврал? Помножим все на средний урожай, отнимаем заплаченный твой налог и получаем, что соврал ты о своих остатках, вот так-то, Матвей.

– Что ж ты, председатель, все на средний урожай помножаешь, у меня часть клина в низине, вымокает от сильных дождей, потому и урожайность у меня ниже среднего. Тогда все в моих словах сходится.

– Запомни и ты, – указал Егор на Матвея, – и все остальные, что урожай ниже среднего у нас в Советской стране отменяется и будет для вас с сегодняшнего дня выше среднего, а для особо ершистых и вовсе сверхвысокий. С того и налоги ваши считаться будут.

– Так нам проще совсем не сеяться, – не унимался возмущенный Матвей.

– А это саботаж называется, разъяснить подробнее? И вообще, что значит, проще, вступите в колхоз, и не надо искать обходных или же каких других простых решений.

Мужики совсем сникли, чесали свои репы, тыквы и кочаны, абсолютно не видя выхода. После первого наезда ряды несогласных с колхозной жизнью дрогнули, принесся в общественную собственность вполне конкретные лошадей, семена и прочий инвентарь. Ввиду отсутствия у колхоза по объективным причинам хранилищ, конюшен и других строений, все переданное в колхозную собственность оставалось на ответственное хранение у хозяев. Они были обязаны ухаживать за общественной собственностью, не допускать ее порчи или использования в частных целях.

За этим зорко следила комиссия, специально для этого созданная, в нее, как обычно, вошел Скурпуленко, Лоскутова и Ершова, надо сказать, что они будут неизменными членами

всевозможных комиссий. Так вот, эти самые члены обходили каждый день дворы, где хранилась их общая колхозная собственность, осматривали лошадей, мешки с зерном, в общем все, что принадлежало колхозу. И как обычно, подобное отношение людей к своему делу доходило до полного маразма: чтобы воспользоваться, допустим, лошастью и саними, их уже бывший, но ухаживающий хозяин должен написать заявление в правление колхоза с просьбой воспользоваться общественной собственностью. Вы думаете, это все? Нет, как правило, правление, рассмотрев заявление в течение нескольких дней, разрешало воспользоваться, но только одной единицей общественной собственности. Пожалуйста, бери лошадь, но сани ни- ни, или же наоборот, сани можешь взять, но лошадь ни за что. Для того, чтобы тебе дали и то, и другое, необходимо, чтобы подобное заявление написал колхозник, у которого находятся на хранении необходимые для тебя сани, лошадь или другое колхозное имущество. Это заявление также рассматривалось правлением, ну, а потом, пожалуйста, пользуйся государственной собственностью, но знай, время у тебя ограниченное. Ах, как бы это были единственные мытарства свежее испеченных колхозников, но дело-то новое, а вокруг, того и гляди, жди вражеских подвохов, от страха не то сотворишь.

– Товарищ председатель колхоза Правдин, мне лошадка нужна в Хворостовку съездить, очень нужно, – обратился к Егору Макар Лапотько, один из тех, кто, дрогнув, вступил в колхоз, передав в общественную собственность лошадку, сельхоз инвентарь, семенную пшеницу да и самого себя в придачу.

– Макар Евпатьевич, – уважительно, по-доброму отозвался Егор. – Я же вам говорил о порядке, пишите заявление в правление, его рассмотрят и дадут ответ.

Лапотько понимающе закивал, достал из кармана полушубка небрежно сложенный листок серой обтрепанной бумаги и протянул председателю.

«Заявляю председателю товарищу Правдину в крайней нужде моей лошадки для поездки к куме на свадьбу в Хворостовку.»

Макар Лапотько

Неровный, неуверенный почерк, выведенный карандашом, со множеством исправлений и потертостей, передавал все напряжение от мучения в написании заявления.

– Макар Евпатьевич, крайне безграмотное и неправильное заявление, как могу я выделить вам колхозную лошадь для личных целей, тем более на гулянку?

– Но лошадь-то моя, – краснея за свою неграмотность, уточнил Макар.

– Что вы, что вы, Макар Евпатьевич! Со дня вашего вступления в колхоз лошадка стала колхозная, общественная, а это значит, что теперь может использоваться только для общей пользы.

Как выглядит эта общая польза – черт ее знает, Макар не понимал...

– Возьмите у секретаря Скорпуленко образец заявления, но не упоминайте никаких свадеб, напишите» по семейным обстоятельствам». – Также почтительно и почти ласково растолковал все Егор.

Обрадованный таким уважительным отношением, проситель с легкостью смирился с потерей своей собственности, в которую он вложил немало труда и здоровья. С прилежностью первоклассника, потев и пыхтя, словно вспахав не первую десятину земли, тот переписал заявление. Скорпуленко принял заявление и велел зайти на следующий день. Этот прощелыга так быстро вошел в свою должность в новой колхозной жизни, что это незамедлительно сказалось на его поведении и отношении к односельчанам. Он стал высокомерен и груб, тыкал каждому по поводу и без, вел себя так, когда рядом не было председателя. Вахтерская душонка, дремавшая до поры, проснулась и развернулась в полную силу в благоприятной среде.

На следующий день, как и было велено, ближе к полудню, колхозник Лапотько явился за своим заявлением, абсолютно уверенный в положительном исходе своей просьбы. Секретарь встретил как обычно, неприветливо, а на вопрошающий взгляд он ответил:

– Твоя просьба еще не рассмотрена, вон гляди, сколько у меня ваших бумажек валяется, весь стол засыпали. Какие вы все единоличники, всем вдруг понадобилась колхозная собственность, одному то, другому это. Вас много, а я один, сижу как проклятый. Завтра заходи, ... – он возмущенно продолжал бормотать в спину Макару, что, дескать, какие все стали наглые и нетерпеливые, нет у людей совести совсем нет.

Проситель понуро ушел, побитый в спину упреками, ругая себя за отсутствие совести и нетерпеливость. Действительно, человек один с ворохом бумаг, поди, там разберись, что к чему, а мы вон, как муравьи, туда- сюда со своими проблемами, целую тропу натоптали в правление. В третий день ожидания наконец все благополучно разрешилось для Макара, и он счастливый уже собрался было уходить, но тут Скурпуленко, как бы между прочим, спросил:

– Ты что ж, Макар, по семейным обстоятельствам, на свадьбу верхом едешь?

– Зачем же верхом, сани заложу, с женой и дочкой старшей, все чин по чину.

– С женой говоришь, тебе правление разрешило воспользоваться только колхозной лошастью, о санях в заявлении ничего нет. Впрочем, две единицы колхозного имущества с одного двора отпускать все равно не полагается. Таков порядок!

– Что-то больно порядок непонятный, – ответил Макар. – И что же мне делать?

– Ну, во-первых, о порядках и законах не для твоего ума рассуждать, здесь люди тоже не дураки думают. А по саням сходи к Ваньке косолапому, пусть он напишет нам заявление, чтобы тебе выделили сани, находящиеся у него на ответственном хранении.

Эта путаница, которую почему-то называли порядком, ввергла Макара в полное уныние, но ради того, чтобы попасть к кумушке на свадьбу, он готов был пройти все круги ада, особо не подвергая сомнению надобность этих адовых кругов.

Спустя неделю со дня обращения в колхозную вертикаль, желание Макара исполнилось, ему еще повезло, что по какой-нибудь причине рассмотрение его просьбы не затянулось, и он не опоздает на гуляние.

Жена и дочь уже вышли из хаты, чтобы устроиться в санях, как у калитки вдруг появилась комиссия в полном комплекте ее членов. Данную новую комиссию по отпуску и приему колхозной собственности, выдаваемой в кратковременное пользование колхозникам, возглавлял, как обычно, Скурпуленко с незаменимыми Лоскутковой и Ершовой.

У Макара душа екнула и сжалась, предчувствуя что-то неладное. Он представил залихватские пляски, подогретые горилкой, которые могут пройти без него.

– Лапотько, – фамильярно, небрежно обратился Микита, – я забыл тебя предупредить, что делаю незамедлительно. Перед использованием колхозной собственности, комиссия обязана осмотреть выдаваемую тебе нашу общую колхозную собственность, чтобы при приеме можно было определить, не нанесен ли ущерб колхозу. В случае причинения вреда ты должен будешь возместить ущерб в трехкратном порядке.

После этих слов у Макара с души свалился камень. Есть все-таки Бог на свете! Подумал он, представляя себя танцующим в присядку вокруг любимой кумушки.

Комиссия внимательно осматривала лошадь, подковы, заглянула в рот, пересчитывая зубы, подняла хвост, словно убеждалась, что количество отверстий соответствует физиологии животного. Также внимательно были осмотрены сбруя и сани. Скурпуленко особо отметил, что сани хороши, так как полозья подбиты железом. Он вытащил из сена, лежащего в санях жесткий стебель полыни и, очистив его от веточек, замерил им толщину металлического полозка.

– Вот, видишь, Макар, толщину полозьев? При сдаче комиссия, проверит, будет тоньше отмеренного, оштрафуем, – и сунул мерку себе в карман. – А это чей тулуп колхозный?

Словно издеваясь, спрашивал глава комиссии, указывая на посланную в сани ношенную, но до сих пор еще добротную вещь.

– Нет, это не колхозная, это моя личная, – стал оправдываться Макар, – я эти шкуры купил давно, и задорого, а сколько скорняку отдал...

– Ладно, ладно, хватит меня жалобить. И откуда вы беретесь такие жадные до частной собственности? «Моя личная». Проверим, если что, оштрафуем. – Отчитал нерадивого колхозника Микита.

Макар был согласен на все, готов был оплатить любой какой-нибудь штраф немедленно, лишь бы наконец ехать на гулянку.

Свадьба удалась на славу, совершенно стерев все неприятности, связанные с разрешениями и прошениями. Уже не казался беспорядочным порядок, который установили местные власти. Да и мужики делились, что с Микитой можно завсегда договориться... Поллитровка – не такая уж большая плата за нужное и быстрое решение. Кто же с этим не согласится?

Пока Скурпуленко разрывался между необходимостью точно соблюдать установленный порядок и такими манящими и вполне конкретными поллитровками, председатель колхоза был занят новыми проблемами. Вышестоящее начальство решило, что деревня Верхняя Успенка и хутор Шмальского поселения – неперспективные, потому должны войти в состав правдинского колхоза Путь Ильича.

Еще со своей прошлой жизни Егор помнил, что чуть ли не в каждом районе всех областей Союза был свой Путь Ильича. Казалось, что эти все пути, как маленькие притоки, должны были сливаться в одну большую мощную реку, неся на себе колхозное и совхозное счастье крестьян. Но по чьей-то злой воле реки не получалось, и Ильечевские пути, словно лебедь, рак и щука, тянули в разные стороны. Причиной такого течения дел были руководители этих самых путей, там, где был толковый мужик, дела обстояли вполне сносно, а бывали откровенные дураки и пьяницы. Походить на последних Егору совсем не хотелось, с пьянкой все гораздо проще, не пей и никто пьяницей не назовет, а вот ошибки, просчеты, могут быть у каждого, дело-то новое, неизведанное, того и гляди приклеят ярлык. Пусть бы сами попробовали, посмотрел бы на них, безгрешных, впрочем, нельзя же любому доверить руководство государ..., а как же каждая кухарка? Ведь все-таки путь? Ну эти, эти яйцеголовые философы, мать их так, запутали все, что куда бы ты не ступил, обязательно вляпаешься в...

Лошадка уныло тянула сани властного винтика в Верхнюю Успенку. От мысли собрать собрание и митинги Егор отказался, осознав их неэффективность в данное время, людям необходимо было ломать сознание, а ломать по одиночке – дело более легкое и надежное. Стоя в толпе, ощущая плечо соседа и дыхание в спину, решимость несколько крепче, если ты не последний трус. Но если ты один, в одних подштанниках, а перед тобой все веские доводы не в твою пользу, да и плечо никто и не подставит, тогда по неволе замандражируешь. Кроме того, дворов раз два и обчелся, перед кем тут шапку ломать?

Подъезжая к одному из таких дворов, Егор мог безошибочно определить, сторонник ли колхозной жизни здесь живет, или его тайный или явный враг. Если изба была неказистой, с облупленными и небелеными стенами, ветхая или вовсе отсутствующая ограда двора, с не чищенной от снега, утоптанной тропинкой к дому – с полной уверенностью можно было сказать – колхозная душа у здешнего обитателя. Если же дом бревнышко к бревнышку, с резными ставнями, полисадничек с кудрявой сиренью – от таких и жди недовольства да вопросов, неудобных и злых. Мол, в чем моя польза? Мне мол и так не худо. Что ж на таких жизнь положить, объясняя всю их огромную выгоду. А впрочем, что можно объяснить человеку, когда ты его обдираешь как липку, можно только врать. Но ведь это все необходимо, чтобы построить то, что человечество в будущем назовет самой лучшей моделью общества. Эти размышления, в который раз, больше походили на уговоры самого себя, нежели как на констатацию факта.

Кулаки сотрясали ворота, заставляя собак давиться лаем, хозяйский окрик сбил их злость, заставляя извиняюще скулить. За воротами лязгнул металлический засов, и в отворившейся калитке появился подросток лет пятнадцати. Егор, ничего не спросив, намеревался войти, но отворивший калитку, стоя как страж, не желал пропускать незваного гостя.

– Батка дома? – Спросил Егор, все еще надеясь войти во двор.

– Нет, уехал в Багряную, – не сходя с места, ответил подросток.

– А мамка?

– С отцом уехала.

– Значит из взрослых никого? Дедушек, бабушек? – Уточнил Егор.

– Дедушек, бабушек нет, но я и сам уже не лялька, – гордо заявил мальчишка, немного выпятив грудь, как будто подрос только что.

– А может ты и взрослый разговор вести можешь? – Продолжал Егор, не теряя интереса, а, наоборот, желая поболтать с пацаном, пусть без пользы, так, забавы ради.

– А что словами сорить большого ума надо, чем хлеб растить? Я с мамкой этой весной почти всю землю засеял, пока отец по комиссиям мотался, в последнее время от этих комиссий никакой жизни не стало. Вот и сейчас отец повез двадцать пудов пшеницы доначисленного налога, мол, не весь оплатили, обсчитались они. И в том хлебе моего труда хоть отбавляй, вот такой вот взрослый разговор.

Сказать, что Егор был поражен такой речью и размышлениями, значит не сказать ничего, он был буквально подавлен услышанным. Казалось, что этот мальчишка может разбить любые, даже самые веские доводы, какие могут только быть у уже сложившегося, опытного человека.

– Поди наврал мне про свои заслуги, уж больно на язык ты мастер!

Щеки подростка подернулись краской, а губы налились обидой, чего ж в том хорошего, появился какой-то неизвестный дядька и оскорбляет, совершенно не желая разобраться, а так позубоскалить лишь бы.

– Ладно, не обижайся, – произнес неизвестный, – давай знакомиться будем, я – председатель колхоза Путь Ильича, Егор Правдин, – подавая руку, произнес он.

– Мишка Ходоров, – с обидой в голосе ответил парень, протягивая в ответ руку.

– Раз Михаил назвался груздем, как говорится, полезай в кузовок. Мне, как председателю колхоза, в который войдет и ваша Верхняя Успенка, необходимо провести опись вашего хозяйства и всей живности.

Михаил, в свою очередь, сообщил, что впустить во двор председателя он все же не намерен, а если его устроит, то пусть записывает со слов.

Так вот, со слов было записано: мерин семи лет – одна голова, кобылка и годовалый жеребенок, также по одной голове, две коровы, теленок, свиней десяток, овцы, издохшие от вертлячки, не были внесены в список, но в него записали кур, собак и кошек. Закончив с формальностями, Егор было собрался уезжать, но Михаил задал вопрос о непонятном слове:

– «Колхоз» – это что значит?

– А значит это, товарищ Ходоров, что все Советское крестьянство сообща будет кормить страну хлебом, собрав все частные наделы в одно большое поле и запрягая лошадей в одну общую упряжку.

– Это как? – Непонимающе переспросил Михаил.

– Вот видишь, а говорил взрослый, таких простых вещей понять не можешь. Скоро все станет общим на общее же благо.

– Подождите, товарищ Правдин, это что же, наше хозяйство и жеребенок, которого я вынянчил, тоже будут общими?

– Смотри, а ты быстро уяснил, конечно, – утвердительно кивнул Егор.

– И что, на моего жеребенка, на все наше хозяйство и Вовка Путинский со своими друзьями такие же права будут иметь, как и я?

– Конечно. Если этот Путинский со своими товарищами за Советскую власть, за коммунистическую партию, за расцвет колхозной жизни, то именно ему, его друзьям, всем колхозникам должна приносить пользу ваша собственность. Ведь это все на общее благо, для всего крестьянства и рабочего класса делается, для всей нашей великой необъятной страны, во имя всеобщего равенства.

– Но это же несправедливо! – Возмутился подросток, в голосе которого слышались нотки гнева.

– А о справедливости тебе не престало рассуждать. Пока вы своих лошадок растили да в хлебе выгоду выискивали, за эту возможность тысячи коммунистов жизни сложили. Миллионы людей, калей от голода, защищали, а затем строили великую страну, поднимая ее из руин. Они жертвовали всем: детьми, женами, свои жизни не щадили, чтобы над страной воссияло солнце свободы. А вы за паршивую овцу трясетесь больше, чем за родное государство. И как в таком случае быть, как восстанавливать справедливость?

С каждым днем в Егоре накапливалась усталость, сто раз на дню необходимо было убеждать людей в их же выгоде, приводя старый, избитый пример веника. Но эта старая притча мало вдохновляла тех, кто обладал лошады, зерном и умением работать, а без всего этого... Выполнить план было нереально, гораздо проще на войне, нужно победить и желательно остаться в живых. Не надо никого уговаривать, приказал, и все, вот как Бовском, всех подчистую, но такая тактика, к сожалению, здесь не пройдет, ведь до каждого колоска, до каждого зернышка должна дотронуться заботливая рука хлебороба, а до всеобщей механизации еще так далеко, вот и кувыркайся, как хочешь. Ко всему еще и обида на начальство, которое унизило его председательской должностью, время от времени вспыхивало с новой силой, невольно заставляя холодеть к своей должности, а помощи никакой!

– Здравствуйте, товарищи, – вошедший в колхозное правление привлек внимание всех находящихся: Егора, секретаря, нескольких посетителей, пришедших по каким-то делам. Каждый про себя подумал, что мужик ненашенский, нездешний, ростом был чуть ниже среднего, худощавый, продолговатое лицо, совершенно заросшее усами и неопрятной негустой бородкой, в больших очках. Одет был в подобающий для его неопрятной бороды костюм, великоватый старый тулуп, на голове мятая кроличья шапка.

– Товарищ Правдин, – обратился вошедший к Егору, – меня зовут Александр Дуга, я направлен к вам товарищем Нагорным на должность партийного организатора. Вот бумага, – протянул он пакет.

Будь осторожен со своими желаниями, иначе они осуществляются, но не в данном случае. С появлением Александра Дуги в Пути Ильича политическая жизнь расцвела, закипела, перехлестывая энтузиазмом через край. Ни один день не проходил без каких-нибудь акций, это были митинги, шествия и пикеты. Все эти мероприятия чередовались: то в поддержку угнетенных братских народов, то против распоясавшихся капиталистов или недалеких единоличников. С душой работал партторг Александр Дуга, весь до последней капли пота отдавая общему делу.

Глава 16

– Плохо работаете, товарищ Леоньев, из рук вон плохо, – сердитым голосом, не предвещающем ничего хорошего, говорил Сталин.

Михаил Леоньев, министр по политпросвещению и окультуриванию масс, вжимался всем телом в венский стул, стоящий на террасе государственной дачи. Приглашение его на чай к товарищу Сталину само по себе было сильнейшим стрессом, а тон хозяина совсем огрустил министра, заставив его усы беспомощно повиснуть, всем своим видом показывая, что он действительно во всем виноват.

– Вы, что забыли слова товарища Ленина, что важнейшим из искусств является кино? А я еще хотел бы добавить, если вы, конечно, не возражаете, – посмотрел он на Леоньева, ожидая от него ответа, тот замотал головой, совершенно было понятно, что не возражает. – Вот и хорошо. И книга, и песня являются важным коммунистическим оружием. Компетентные органы доводят до моего сведения, что по стране гуляют клеветнические слухи о каких-то страшных репрессиях в Бовском наделе. Вы что-нибудь слышали об этом?

Министр вновь отрицательно покачал головой.

– Очень плохо. Эти шпионские приемчики весьма эффективны, когда ваше ведомство спит, не обращая внимания или того хуже, не зная о них. Я предлагаю собрать всю эту писательскую шоблу и отправить ее в Бовский надел в творческую командировку, чтобы они смогли доступно и правдиво рассказать стране и миру, кто виноват и что, в конце концов, делать? А то пригреблись на подмосковных дачках, водку жрут да паскудничают в ожидании государственных премий. Вы согласны? – Опять для чего-то спросил Сталин.

– Да, конечно, вы правы товарищ Сталин, сейчас же дам распоряжение о подготовке, в кратчайшие сроки исполним, – вспотев всем, чем только возможно, ответил министр.

– Вас пока не подстегнешь, вы не почешетесь, а теперь наверняка горячку пороть станете. Обстоятельно готовиться надо: составляйте списки, готовьте транспорт. Провожать в дорогу будем громко, с коммунистическим размахом, с митингом и оркестром. Но писательский десант отправится в дорогу не раньше, чем в страну вернется великий советский писатель Максим Медовый, он то и будет сердцем и стержнем этой акции.

Между тем Максим Медовый не спешил наведаться на Родину, не слишком он верил новым властям, от которых веяло смертельной угрозой. Но читатели, поклонники его таланта, оставались ахиллесовой пятой.

Очередной уговорщик, нащупав слабое место, передал приветы от шахтеров и сталеваров, и от юных читателей детского дома №214 села Мартынки. Ну, неужто у него, Максима Медового, черствая душа, неужели он больше никогда не выступит перед родными сталеварами и шахтерами и не прочтет веселые рассказы детям из детского дома.

Поезд с долгожданным пассажиром словно пробирался сквозь толпу. Встречающих было так много, что казалось вся Москва... да что там Москва! Вся страна пришла встречать любимого писателя. Бесконечные букеты цветов готовы были удушить своим ароматом, кругом скандировали:

– Максим, Максим!

А кто-то в толпе невероятно сильным, могучим голосом, перекрикивая всех, и паровоз тоже, заорал:

– Сладкий наш!

Толпа одобряюще загудела, что придало ей особенную возвышенную энергетику. Он стоял на площадке вагона, не имея возможности ступить на перрон. Не веря своим глазам, он был безумно счастлив, что его не забыли, его помнят и любят. А он малодушничал, сомневался, но хорошо, что оказался не прав. На сколько хватило голоса, он кричал им, что счастлив

приехать на Родину, и что он их всех безгранично любит, но в метре от него этих слов не было слышно, и только безумное ликование плескалось на перроне. Затем эту огромную массу людей словно масло ножом разрезало оцепление, образовав коридор, по которому прошла официальная делегация, и проводили писателя к автомобилю. А за спиной все так же слышалось

И неистовый голос:

– Сладкий наш!

– Вот видите, как вас любят, а вы нам не верили, – произнес человек, уговаривавший Максима приехать на Родину.

– Спасибо, спасибо, – отвечал растроганный писатель, ища что-то по карманам, слезы счастья скопились в уголках глаз, уже готовые покатиться по щекам, а он, как назло, не мог найти носовой платок. Видя растерянность, в которой пребывает подопечный, мастер уговоров протянул свой, писатель искренне благодарил, промакивая слезы.

А за окном автомобиля мелькала Москва, такая родная и чужая, далекая и совсем близкая

Банкетный зал действовал на психику так же беспощадно, как и ликующие люди, высшее руководство страны жмет ему руку, жены приветливо улыбаются и бросаются восторженными эпитетами. Вдруг общество замерло в предчувствие чего-то важного, и вот в зал вошел Сталин. Он не спеша подошел, и приятно улыбаясь, очень тепло поприветствовал:

– Здравствуйте, товарищ Медовый, с приездом на Родину, заждались мы вас.

«А он не тиран, – пронеслось в голове писателя. – Нормальный руководитель. Все это наговоры, все, что я слышал там за границей, это все ложь и клевета. Ведь вот он стоит, а я никакой опасности не ощущаю, значит, все врут... а та счастливая толпа на вокзале. Разве среди моря слез и крови может быть столько счастья? Разве можно подделать счастье? Вот и рука, мягкая, обволакивающая, дружеская.»

– Здравствуйте, товарищ Сталин! Спасибо.

Банкет загудел застольем, шумно, многоголосно, перезваниваясь хрусталем и перестукиваясь вилками. Тосты разливались в бокалы, восхваляя мудрого и чуткого, ведь благодаря ему они живут в самой лучшей стране и созерцают самого Медового, а он, в свою очередь, увидит новую счастливую страну. И по их уверениям, такой больше нет на земле, да и в ее окрестностях, надо честно сказать, тоже. Писатель не оставался в долгу. Он благодарил сталеваров и шахтеров, и детский дом №214, и другие детские дома. Говорил, что соскучился по Москве и по Волге- матушке, по русским березкам, милее которых нет ничего в целом мире, по хрустящему снегу в тридцатиградусный мороз, по рюмке русской водки «для сугрева». Еще много чего перечислил, завершая свой тост, как вдруг прозрел, что благодарить за все это он должен был всего лишь одного человека, и незамедлительно осыпал его такими писательскими штучками, что звезды на кремлевской башне стали еще багровее.

– Вот все тут говорят: «Сталин, Сталин», а кто такой Сталин? – Сделав небольшую паузу, спросил Иосиф Виссарионович.

С места, как школяры, руководители государства и их жены стали выкрикивать эпитеты, соревнуясь в красноречии: «вождь», " наша совесть», «наша опора», " счастье» и прочее. Прислушав все это, он сказал:

– Нет, Сталин – это рабочая лошадь, которая тянет непосильный груз, название которому Советская страна. Вот и лучшего русского писателя вам привезла.

Зал взорвался хохотом и аплодисментами, Максим Медовый так же смеялся от души, становясь поклонником этого веселого человека.

Утро он начал с прогулки по Москве, он хотел находиться, надышаться этим воздухом, вот он родной, свежий, льется в тело, наполняет легкие богатырской силой. Чувствуешь его? Не тот западный удушливый, мелкими глотками, а свой родной полной грудью, вздох. Шел совершенно один, никто его не сопровождал, никто за ним не следил, в длинном пальто

и шляпе, и он мог запросто заговорить с любым дворником, бодро метущим пыльный двор. А тот, как близкому, рассказывает о своей счастливой дворницкой жизни, ведь большего счастья, чем жить в этой стране быть не может, потому что он еще помнит дворницкое несчастье царской России, прозябание в каморке в грязи и нищете. И никто ведь не стоит над душой этого человека, а говорит он свободно и открыто. Все вдали там за границей, совсем другая здесь жизнь – лучшая!

Он жадным взглядом всматривался в просыпающуюся Москву, в суетливо спешащих прохожих, вслушивался в голосистые трамваи, хотел найти подтверждение вчерашних выводов, что нет того страха, о котором говорили там за границей. И он находил подтверждение в каждом прохожем, в каждой проезжающей мимо машине: вот две девчонки, очевидно ученицы старших классов шли и о чем-то весело щебетали, согревая округу своими счастливыми улыбками не меньше весеннего солнца, взвод солдат чеканил каждый шаг, занимаясь по распорядку. Ветерок еще не совсем теплый, задиристо пролетел, подняв ворот пальто. Здесь течет обычная человеческая жизнь, нет страхов, нет крови, нет тех ужасов, о которых не переставая жужжат завистливые клеветники. Ну где вся эти страсти? Покажите мне их, не вижу, не вижу, не верю!

Как жаль, что пора возвращаться в гостиницу, необходимо подготовиться к дороге. Товарищ Сталин предложил уникальную поездку по стране, в большой компании творческих людей, такой случай нельзя упускать.

Оркестр бодро чеканил бравый марш, веселое оживление на станции поднимало дух, кругом снуют корреспонденты с фотоаппаратами, кинооператоры накручивают происходящее на пленку для истории, для великой истории. Митинг длился уже добрые два часа, а отъезжающие никак не могли наговориться, с трибуны летели пламенные клятвы и признание любви к вождю, партии и народу. Поэт Климентий Надрывный буквально за сутки сочинил эпохальную поэму «Поезд в будущее», он читал ее страстно, разрывая связки, словно сам тащил вагоны в страну, в народ, делая их счастливыми с каждой буквой, с каждой запятой. Его чтение так затянулось, что ему пришлось шепнуть на ухо, мол, хватит пора в дорогу, вон и паровоз устал пыхтеть, ожидая пассажиров. Но раскочегаренный Надрывный мчался к коммунизму на всех парах, пришлось его просто оттянуть от края импровизированной сцены, затерев за спинами участников творческого похода. Но Климентия и это не остановило, и он выкрикивал из-за спин свои зарифмованные в шпалы слова. Вот только голос его тонул в возрастающем реве провожающих. Слово взял Максим Медовый:

– Товарищи, я счастлив, – шум толпы заглушил даже свист паровоза. – Я очень счастлив вернуться на Родину, спасибо вам, я вас всех очень люблю! В путь!

Писатели, поэты, режиссеры заняли свои места в купе, махали руками и платками в открытые окна, а их в ответ закидывали цветами и воздушными поцелуями.

К чести устроителей необходимо отметить высочайший уровень подготовки к данному мероприятию, особенно, что касается комфорта и сервиса. В вагонах и купе пассажиры разместились согласно заслугам и регалиям. Лицам, отмеченным сталинскими и прочими государственными премиями, предлагалось шикарное купе на два пассажира. Сиденья, обитые красной кожей, манили своей мягкостью, шерстяной ковер ручной работы извивался на полу восточным орнаментом. Комнатные тапочки, специально пошитые для этого мероприятия, красовались двумя буквами «С. К.», что определенно расшифровывалось как «Советская Культура». Такие же буквы были вышиты на карманах уютных пижам.

Но не только о комфорте подумали устроители, они позаботились и о творческом процессе. В купе имелись две портативные пишущие машинки, огромное количество отточенных карандашей, чернильницы-непроливашки, ручки с первоклассными английскими перьями и, конечно, бумага, блокноты разного формата...

Другие вагоны были тоже купе, но на четыре человека – для менее заслуженных деятелей, естественно и начинка купе была скромнее, за исключением тапочек, и, наконец, третий вариант – самый скромный, для пока еще падающей надежды творческой братии, с неизменными тапочками красующиеся буквами «С. К.».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.